БОРИС
ЛЕОНОВ

ГЕРОИКА ТРУДА

в русской
советской
литературе

ИМЕННО В ТРУДЕ, И ТОЛЬКО В ТРУДЕ,
ВЕЛИК ЧЕЛОВЕК,
И ЧЕМ ГОРЯЧЕЙ ЕГО ЛЮБОВЬ К ТРУДУ,
ТЕМ БОЛЕЕ ВЕЛИЧЕСТВЕНЕН САМ ОН,
ТЕМ ПРОДУКТИВНЕЕ,
КРАСИВЕЕ ЕГО РАБОТА.

М. ГОРЬКИЙ

ЛЮБОВЬ К ТРУДУ
ЯВЛЯЕТСЯ
ОДНИМ ИЗ ГЛАВНЫХ
ЭЛЕМЕНТОВ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
НРАВСТВЕННОСТИ.

М. И. КАЛИНИН

БОРИС
ЛЕОНОВ

КНИГА
ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1984

ББК 83.3Р7
Л47

Рецензенты:
профессор, доктор филологических наук *С. М. Петров*,
кандидат филологических наук *А. А. Шагалов*.

Леонов Б.
Л47 Героика труда в русской советской литературе: Кн. для учителя.— М.: Просвещение, 1984.— 159 с., ил.

В книге рассматриваются основные этапы развития темы труда в советской литературе. Тема героики труда исследуется в творчестве Гладкова, Крымова, Леонова, Малышкина, Кочетова, Пановой, Николаевой, Кожевникова, Куваева, Колесникова. В пособии подчеркнута особая роль литературы о рабочем классе в воспитании подрастающего поколения.

Л $\frac{4306010300-634}{103(03)-84}$ 112—84

ББК 83.3Р7
8Р2

ТЕМА ТРУДА

Советская литература начиналась не только с произведений о революции и гражданской войне, но и с книг о деятельности рабочего класса. О качественно новом содержании труда, несущем в себе после Великого Октября пафос исторического созидания, неоднократно говорил В. И. Ленин. Среди первоочередных задач организационной деятельности партии Владимир Ильич называл работу по утверждению в трудящихся сознания, что они правят страной. Только тогда, подчеркивал В. И. Ленин, станет возможным превращение России «в огромную армию труда с героическим сознанием самопожертвования всем для общего дела — освобождения трудящихся...

Рабочему классу предстоит самое великое испытание, когда каждому работнику, каждой работнице надо сделать ещё большие чудеса, чем красноармейцы — на фронте. Неизмеримо труднее победа на фронте труда, самопожертвование в будничной, грязной обстановке, но во сто раз ценнее, чем пожертвование жизнью»[1].

И рожденная революцией литература стремилась запечатлеть «бегущий день» пересоздания мира, героизм советских людей на фронте труда, пыталась раскрыть природу подвига созидания нового общества, воплотив правду жизни в правду художественных образов современников. Обусловленный жизнью, этот процесс определил устойчивый и постоянный интерес литературы к теме труда, к положительным образам рядовых рабочих, руководителей предприятий нового типа, начиная с Глеба Чумалова Ф. Гладкова и кончая Сергеем Алтуниным, героем трилогии М. Колесникова.

Включение в школьную программу произведений о героике труда советского рабочего человека, как классических, так и создающихся в наши дни, ставит перед словесником ряд вопросов. Это и принципы определения темы, анализа произведения, это и конкретная практика использования их на уроке и во внеклассной работе. И потому автор пособия стремился прежде всего помочь учителю сориентироваться в художественных произведениях о рабочем классе, а также в большом количестве работ критиков и литературоведов на эту тему. Автор, конечно же, не надеялся исчерпать, пусть даже обзорно, весь список художественных произведений. Он представляется неисчерпаемым в своем ежедневном приросте. Отсюда заведомая ограниченность круга произведений рамками школьной программы. И отсюда же — указываются лишь некоторые монографии,

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 322—323.

обращение к которым поможет словеснику, с одной стороны, представить внушительную картину развития советской литературой так называемой производственной темы, с другой стороны, представить общие тенденции исследования прозы о рабочем классе современной критикой и литературоведением. Нельзя не отметить, что сегодня нет, пожалуй, ни одного литературно-критического исследования по проблемам текущей художественной практики, в котором автор не касался бы вопросов, связанных с положением дел в прозе, драматургии или поэзии, посвященных теме труда рабочего класса: иногда делаются экскурсы в дальнюю или близкую историю развития литературой этой темы, иногда разговор ограничивается ее текущим моментом. И в таком повышенном интересе есть свои причины. Прежде всего — активность литературы в обращении к производственной теме, к трудовой деятельности коллективов, рабочего и инженера, к сфере их нравственных исканий. Вдохновляет советских писателей и высокая оценка их труда, прозвучавшая на XXV и XXVI съездах КПСС.

О заинтересованности литературоведов и критиков текущей художественной практикой говорят книги «Коммунист наших дней в жизни и в литературе» В. Озерова, «Движение истории, движение литературы» В. Новикова, «Гуманизм советской литературы» В. Дмитриева, «Советская литература вчера, сегодня, завтра» Ю. Кузьменко и многие другие, появившиеся в конце 70-х — начале 80-х годов. Остановлюсь на характеристике некоторых монографий, целиком посвященных рассматриваемой теме.

В книге Г. Бровмана «Труд. Герой. Литература. Очерки и размышления о русской советской художественной прозе» не просто рассматриваются такие широко известные, получившие общественное признание произведения, как «Мещане» и «Мать» Горького, «Цемент» Ф. Гладкова, «Кара-Бугаз» К. Паустовского, «День второй» И. Эренбурга, «Большой конвейер» Я. Ильина, «Далеко от Москвы» В. Ажаева, романы Г. Маркова, С. Сартакова, Г. Коновалова, А. Иванова, П. Проскурина, Ю. Трифонова, автор стремится прежде всего вскрыть новаторскую сущность рассматриваемых книг. Исследователь постоянно соотносит принципы подхода к теме и реализацию ее в произведениях художников социалистического реализма и их предшественников — критических реалистов. В частности, он говорит о таких произведениях, как «Горнорабочие» и «Где лучше» Ф. Решетникова, «Нравы Растеряевой улицы» и «Разорение» Гл. Успенского, «Город рабочих» Н. Златовратского, «Молох» А. Куприна. Особое внимание Г. Бровман уделяет анализу дореволюционных повестей В. Вересаева.

Бровман пишет, что он «опирается не только на разбираемые... книги, но и на собственные наблюдения во время пребывания в крупных индустриальных центрах нашей страны,

посещения фабрик, заводов и строек и бесед с рабочими, инженерами, научными деятелями. Вследствие этого в ряде глав немалое место занимает публицистический материал».

Н. Федь в монографии «Формула созидания. Люди труда в современной литературе» обращается к произведениям и русской, и национальных литератур нашей страны. В частности, он анализирует романы «Черное золото» Б. Кербабаева, «Седьмая Западная» Р. Краугвера, «Перевал» Ю. Атропова, «Вторая половина года» М. Барышева, «Черные листья» П. Лебеденко. Автор сумел взглянуть на рабочую тему сквозь призму высокой поэзии труда, запечатленной в устном народном творчестве. Н. Федь пытается показать, что «особенно ценны до сих пор не показанные по достоинству традиции поэтического раскрытия темы труда»[1].

Теме рабочего класса в современной многонациональной литературе посвятил свою книгу «Героика созидания» критик А. Власенко. Большое внимание в ней уделено завоеваниям прозы народов Севера и Дальнего Востока, связанным прежде всего с выходом ее к теме труда рабочего класса. Автор анализирует романы С. Курилова «Ханидо и Халерха», В. Санги «Женитьба Кевонгов». Наряду с романами В. Кожевникова, В. Попова, М. Колесникова, В. Щербаковой он исследует произведения А. Талвира, Я. Ухсая и других. «Мы стремились избрать такой способ идейно-художественного анализа,— пишет автор,— который позволил бы определить движение нашей литературы в ее ведущих тенденциях»[2].

Широкую картину развития рабочей темы в современном литературном процессе представил на страницах своей книги «Вглядываясь в современность» критик А. Шагалов, определив в подзаголовке основное направление своего анализа произведений как «нравственный поиск современной прозы о рабочем классе». Опираясь на достижения прозы 20-х и 30-х годов, а также на произведения таких признанных писателей, как В. Кожевников, В. Попов, М. Колесников, В. Собко, П. Загребельный, романы, повести и рассказы молодых писателей: А. Харчикова, В. Мурзакова, В. Поволяева, В. Михальского, А. Кривоносова, А. Проханова, А. Плетнева, Н. Блинова, критик проверяет поиски художественной прозы книгами знатных рабочих К. В. Говорушина «За Нарвской заставой», А. И. Храмцова «Уральская баллада», А. Г. Пяртеля «Люди, сланец и машины», Л. Парфеновой «Я — одна из вас», Е. Морякова «Я в рабочие пошел...», В. Большухина «Нет на свете выше звания...» и другие.

Интересна монография М. Синельникова «Право отвечать за все», в которой автор анализирует портрет рабочего, запечатленный в прозе 70-х годов.

---

[1] Федь Н. Формула созидания. М., 1977, с. 15.

[2] Власенко А. Героика созидания. М., 1978, с. 37.

Критик показал непрерывность исторического развития этого образа в книгах писателей-современников С. Залыгина «Соленая Падь», Т. Рыбаса «Красный снег», А. Иванова «Вечный зов», Гр. Коновалова «Истоки», П. Проскурина «Судьба», В. Кожевникова «В полдень на солнечной стороне» и других.

Заложенное в этих произведениях художественное осмысление исторического самосознания рабочего человека, верно замечает критик, проявляется в произведениях о рабочем современнике. И это естественно, ибо «рабочая, пролетарская нравственность явилась лоцией, проложившей верные, точные маршруты в океане многообразных человеческих отношений»[1].

Вместе с тем, справедливо отмечает М. Синельников, исторический подход художника к исследованию личности созидателя наших дней обусловливает и трудности воплощения классового начала в духовном мире нашего современника, так как это связано с необходимостью выразить диалектическое единство индивидуального и всеобщего, которое коренится в самой гуще, в буднях рабочих коллективов.

Ясно, что овладеть всем многообразием книжного моря одному исследователю практически не по силам. Потому-то и тут может помочь коллективный опыт. Результативность общих исследований окажется тем полнее и богаче, чем действеннее будет в руках исследователя методологический инструментарий.

Думается, что наша критика и литературоведение получили таковой в документах XXIV—XXVI съездов КПСС, в постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (1972) и «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» (1982), материалах июньского (1983 г.) и апрельского (1984 г.) Пленумов ЦК КПСС. В них еще раз подчеркнута непреложность мысли о том, что основной темой литературы социалистического реализма была, есть и останется навсегда тема героики борьбы и труда советского человека, воплощающего в своей деятельности величественные и неведомые прежней истории задачи по созиданию материально-технической базы коммунизма. Она же обусловила и сложнейшую художественную задачу: эстетически овладеть производственной проблематикой.

В решении ее были и заблуждения. Некоторые литературоведы считали, что литература о труде должна разрешать вопросы научно-технические и сугубо технические. Между тем подобная точка зрения чужда самой природе художественного творчества. И прежде всего потому, что в подобных «теоретических» построениях забывается о главном предмете литературы и искусства — о человеке. Он по-прежнему остается ядром худо-

---

[1] Синельников М. Право отвечать за все. М., 1980, с. 56.

жественного исследования социально-нравственного мира, от него и к нему стягиваются силовые линии реалистического метода воспроизведения типических образов в типических обстоятельствах. И когда мы говорим о произведениях, посвященных жизни рабочего класса, то в таком случае типическим образом должен быть его представитель, а мир производства во всех его взаимосвязях с советской действительностью выступать в роли типических обстоятельств. Не фабрика сама по себе, не завод или шахта волнуют читателей в книгах, а человек в сфере производства, его интеллект, его взаимоотношения с коллективом, его чувства.

Включаясь в переживания героя, носителя высоких нравственных принципов и социальных устремлений, каким, в частности, в «Соти» выступает Увадьев, читатели проходят нравственные уроки воспитания собственной души. Не о том ли высказался в одном из писем во время работы над романом «Черная металлургия» А. Фадеев: «...Нельзя показать людей труда и вообще людей,— писал он,— занятых той или иной деятельностью, совершенно обходя в художественном изображении всю сферу их труда и их деятельности, ограничиваясь только изображением их комнатной жизни и их личными переживаниями. Последние тоже нужны...». Но главное, считал А. Фадеев, мысли и чувства, возникающие в человеке «в процессе его общественной и трудовой деятельности», потому что они «являются наиболее важными и интересными»[1].

Целостная картина полнокровной жизни рабочего человека во всех его социальных вариантах — от руководителя предприятия до рядового труженика, где бы органично личное включалось в общественное, а последнее — в личное, требует от художника, конечно же, прекрасного знания жизни, любви к людям труда и незаурядных способностей овладеть необычным материалом.

Эстетическое овладение сферой производства предполагает чуткость писателя к жизни, поиск новых жанров, новых изобразительных средств. Особо, пожалуй, выделяется своей неординарностью роман О. Куваева «Территория». Исследователи единодушны в оценке идейно-эстетических достоинств романа, новаторского характера произведения, как жанровой его характеристики, так и языковых средств, какими писатель воспроизвел мир своих героев.

И вместе с тем нередки случаи, когда благие намерения авторов показать в полный рост фигуру героя времени НТР не подкрепляются художнически. В целом произведения о героическом труде рабочего класса отличаются идейной целостностью и эстетическим мастерством. В этом убеждают и лучшие произведения о рабочем классе, какие наряду с уже ставшими

---

[1] Фадеев А. Письма. 1916—1956. М., 1967, с. 676.

классическими, выходят в различных издательствах страны, а в Профиздате пополняют специальную серию «Библиотека рабочего романа».

Автор стремился показать в пособии, что художественная литература есть одно из действенных средств воспитания в подростке чувства любви к рабочей профессии, к трудовой деятельности, понимания той высокой миссии, которая историей возложена на рабочий класс в созидании общества будущего. Это особо важно подчеркнуть, так как в материалах XXV и XXVI съездов КПСС было уделено большое внимание дальнейшему культурно-техническому росту рабочего класса. В решении этого вопроса особое место принадлежит общеобразовательной школе.

Статистика показывает, что большинство выпускников средней школы идет на производство, пополняя рабочий класс страны. Факт этот говорит о том, что школа должна ориентироваться на подготовку молодежи к работе на производстве. Именно на такую ориентацию воспитательной и учебной работы в школе нацеливает июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС и «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы».

Помимо совершенствования методов обучения, программ и учебных пособий, поощрения творческой деятельности школьников, укрепления связи школы с производственными коллективами свою заметную роль в деле дальнейшего улучшения профессиональной ориентации учащихся, их трудового воспитания, интереса к миру производства в целом играла и все больше играет художественная литература.

По мере дальнейшего продвижения нашего общества по пути построения коммунизма все заметнее проявляется связь науки с производством, что ведет к повышению интеллектуального уровня современника в рабочей спецовке. Овладевая научными знаниями начиная со школьной скамьи, рабочие выступают подлинными новаторами и рационализаторами социалистического производства. Еще в 1933 году А. М. Горький в обращении к изобретателям — рабочим Тулы писал: «Лично меня изумляет, радует и внушает мне гордость именно разнообразие и широта технически революционного творчества рабочей мысли... Ваша роль, товарищи, — роль революционеров в области техники, говорит о том, что рабочий — главнейшая и самая победоносная производительная сила среди сил природы и, не отрываясь от станка, от физического труда, вполне способен соединить этот труд с интеллектуальной «выдумкой»[1].

Теперь же в нашей стране новаторство в труде стало подлинно народным.

Марксистско-ленинское мировоззрение определяет в первую очередь активную жизненную позицию советского человека, его

---

[1] Горький М. Собр. соч., в 30-ти т. М., 1953, т. 27, с. 93, 95.

отношение к труду, к социалистической собственности, его жизненные планы и идеалы. Основами научного мировоззрения овладевают юноши и девушки в школьные годы. И особо действенной среди других предметов в развитии у учащихся системы миропонимания оказывается литература. Конечно же, роль учителя-словесника значительно возрастает в деле воспитания юного гражданина Страны Советов патриотом, интернационалистом, культурным человеком своего времени. С помощью эстетического воздействия на эмоции подростка учитель может направить естественную в нем жажду подвига в русло общественно полезной деятельности.

Учитель-словесник должен ввести ребят в атмосферу жизненных коллизий и конфликтов, запечатленных в произведениях, научить их глубже, тоньше и острее чувствовать и оценивать отраженные художником явления, характеры, идеи, воспитать в детях художественный вкус, эстетическое отношение к действительности.

Давно замечено, что подростки особенно пристрастно относятся к героической теме в искусстве и литературе. Знакомство ребят с героикой будничного труда начинается с начальной школы. Опора на произведения, прочитанные и анализируемые на уроке, позволит учителю старших классов полнее раскрыть природу героического в будничном труде. Это даст возможность ребятам взглянуть на мир трудовых будней как на постоянный подлинный подвиг тех, кто плавит металл и добывает уголь, возводит кварталы новых городов, прокладывает БАМ и осваивает природные богатства Сибири — словом, трудом своим вершит подвиг века — созидает коммунизм. У подростка появляется активный интерес к человеку труда: каков он, что им движет в жизни, что заставляет или помогает преодолевать инерцию «линии наименьшего сопротивления» в трудовой деятельности? И кому, как не учителю-словеснику, дать молодому человеку адрес — книги советских писателей, в которых подросток или юноша сможет найти ответы на интересующие его вопросы?

И если пособие в какой-то мере сможет помочь в этом учителю-словеснику, окажется полезным в его педагогической практике, автор будет считать свой труд ненапрасным.

СУРОВАЯ РОМАНТИКА БУДНЕЙ

Кадры кино и фотохроники далеких 20-х годов, воспоминания очевидцев скупо рассказывают нам о жизни послереволюционной России, залечивавшей тяжкие раны в экономике, нанесенные ей империалистической войной, иностранной интервенцией.

Приехавший в 1920 году в нашу революционную страну всемирно известный фантаст Герберт Уэллс назвал ее «Россией во мгле», а Ленина, делившегося с ним планами о будущем,— «кремлевским мечтателем». Фантасту казались невероятными мечты Ленина о ста тысячах тракторов, которые должны прийти на поля, об электрификации всей страны. Слова вождя революции окрыляли рабочий класс России, проявлявший невиданный в истории человечества трудовой энтузиазм в первые же дни установления Советской власти.

Именно этот величайший трудовой героизм претворил в жизнь ленинский план превращения России из отсталой и аграрной страны в могучую, индустриальную державу.

Советские люди оказались способными решить выдвинутые В. И. Лениным и партией задачи выработать новое отношение к труду, воспитать новую трудовую дисциплину. От этого, подчеркивал Ленин, в конечном счете зависит будущее нового общества.

Социальный гнет, беспощадная эксплуатация извращали значение трудовой деятельности людей, приводили к тому, что рабочие не только не были способны проявить творческие силы в труде, но и не видели смысла в этом. «Капиталистический строй,— писал А. М. Горький,— преступен тем, что... миллионеры, миллиардеры и прочие «великие» грабители мира сделали труд подневольным, рабским, заразили «маленьких» людей равнодушием к труду, лишили труд радости, убили в нем личное творческое начало»[1].

В. И. Ленин подчеркивал, что на почве капиталистической эксплуатации было «неизбежно создание такой психологии, что общественное мнение трудящихся не только не преследовало

---

[1] Горький М. Собр. соч., в 30-ти т., т. 25, с. 10.

плохую работу или отлынивание от работы, а, напротив, видело в этом неизбежный и законный протест или способ сопротивления непомерным требованиям эксплуататора»[1]. Это было одно из самых тяжких последствий свергнутого строя. Преодолевая его, надо было воспитывать в людях новое чувство — хозяина страны, а значит — новое отношение ко всему, и прежде всего к труду. И коммунисты не на словах, а на деле, личным примером раскрывали смысл понятий «хозяин земли», «хозяин производства», «хозяин страны» в целом. Пробуждение в человеке нового отношения к труду рождало трудовой энтузиазм, вызывало к жизни творческую инициативу.

Когда белогвардейские отряды Керенского и Краснова стали угрожать Петрограду, В. И. Ленин 28 октября 1917 года пригласил к себе путиловцев и поручил им сделать все возможное, чтобы дать фронту бронеплощадку и несколько пушек. Рабочие не выходили из пушечной мастерской целые сутки, но к 29 октября боевое задание вождя было ими выполнено.

12 апреля 1919 года в депо Москва-Сортировочная состоялся первый коммунистический субботник, возглавили его коммунисты. В нем участвовало 15 рабочих. Полуголодные, усталые, они без оплаты труда проработали 10 часов (с 8 часов вечера до 6 часов утра) и достигли небывалого для того времени роста производительности труда: отремонтировали три паровоза.

В. И. Ленин, назвав это начинание «великим почином», увидел в нем «*фактическое* начало *коммунизма*»[2]. Он писал, что коммунистические субботники именно потому имеют громадное историческое значение, что являют собой пример сознательного и добровольного участия рабочих «в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни»[3]. А ведь в конечном счете это и есть самое главное для победы нового общественного строя. И победит он прежде всего потому, что социализм непременно создаст новую, более высокую по сравнению с капитализмом производительность труда. Именно в этом убеждал подвиг рабочих, вышедших на коммунистический субботник.

Вот почему В. И. Ленин считал, что печать должна прежде всего и главным образом уделять особое внимание вопросам строительства нового на всех участках народного хозяйства, освещать и всячески поддерживать трудовую инициативу народа, «живые ростки подлинного коммунизма»[4]. Советские писатели стремились воплотить эти ленинские указания в своем художественном или публицистическом творчестве.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 145.
[2] Там же, т. 39, с. 22.
[3] Там же, с. 18.
[4] Там же, с. 23.

И вот в середине 20-х годов советская литература создала первые произведения о героике труда, среди которых наиболее заметными были повесть Н. Ляшко «Доменная печь» (1925) и роман Ф. Гладкова «Цемент» (1925).

В основе каждого из произведений — похожие жизненные ситуации: после завершения гражданской войны на родной завод (в одном случае — это цементный, в другом — металлургический) возвращается вчерашний боец Красной Армии и не узнает оставленного им перед уходом на фронт производства: территория поросла бурьяном, на машинах пыль и ржавчина, все в страшном запустении. Бывшие товарищи по работе вначале не верят в возможность вернуть к жизни умирающий на глазах завод. Но истосковавшиеся по настоящему делу рабочие ждали того необходимого «толчка», той «искры», которая бы вдохнула огонь жизни не только в угасающий очаг производственного процесса, но и в них самих. Эту-то искру и принесли в родные места Глеб Чумалов и Василий Коротков.

Без преувеличения можно сказать, что пафос созидания, жажда творчества, разбуженные революцией, составили душу этих произведений, нашли свое воплощение в центральных образах. Даже в их названиях улавливался глубокий, обобщенно-философский смысл.

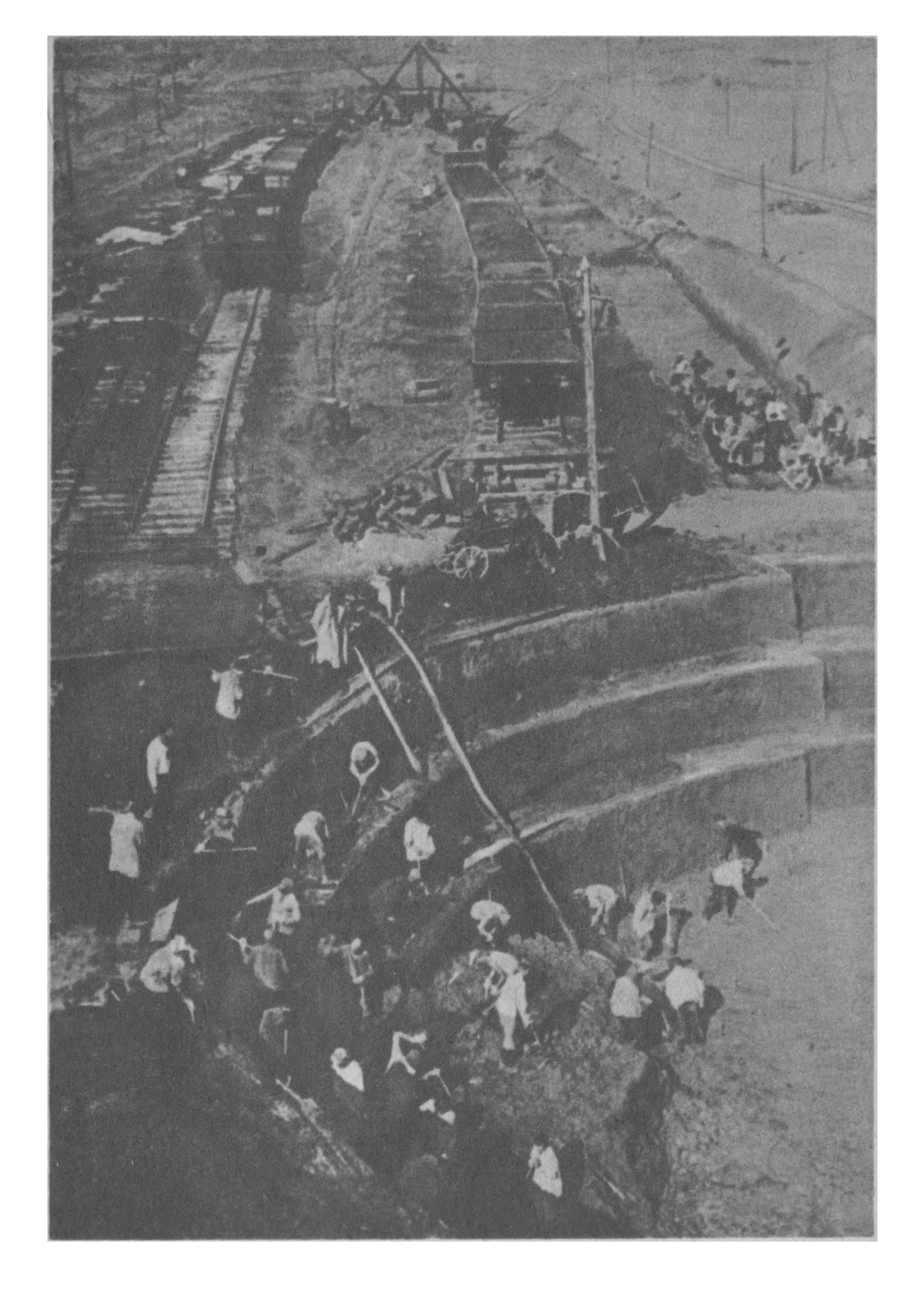
Действительность, величайший энтузиазм рабочего класса нашли впервые свое художественное воплощение в произведениях Ф. Гладкова и Н. Ляшко.

Каждый из писателей передал в будничном труде рабочих героическое его содержание. Осуществить задуманное помогло глубокое проникновение в атмосферу жизни рабочих коллективов, в которых все более росло, крепло и утверждалось понимание собственной ответственности за судьбу не только своего завода, но и всей страны.

В свете беззаветного, самоотверженного труда по-новому воспринимался мир и тружеником и художником. К такому взгляду на происходящее в жизни призывал советский писатель А. М. Горький. Еще в 1917 году он писал: «Наша цель — возбудить в сердцах юношества социальный романтизм, настроение любви и доверия к жизни, к людям; мы хотели бы воспитывать героическое, мужественное отношение к действительности, хотели бы внушить человеку, что это он — творец и хозяин мира и на нем лежит ответственность за все грехи земли, точно так же, как ему слава за все прекрасное в жизни»[1]. И еще признавался: «Всю мою жизнь я видел настоящими героями только людей, которые любят и умеют работать, людей, которые ставят целью себе освобождение всех сил человека для творчества, для украшения нашей земли, для организации на ней форм жизни, достойных человека»[2].

[1] Неделя, 1966, № 37 (4—10 сентября), с. 4.

[2] Горький М. Собр. соч., в 30-ти т., т. 24, с. 289.

Земляные работы в котловане под домну № 2. Магнитогорск, 1930 г.

В статьях и выступлениях 20-х и 30-х годов Горький призывал создавать советскую литературу, вобравшую в себя героику жизни советского народа. Он считал, что в эстетику литературы нового типа властно и окончательно вошел такой принцип познания действительности, который обнаружил героический характер борца за коммунизм. Именно это первым отметил в романе «Цемент» Горький.

Роман «Цемент» Ф. Гладкова как бы охвачен внутренним пламенем героики, романтической устремленности, атмосферой подвижничества рабочих людей. И пожалуй, наиболее сильно воплотились эти черты в Глебе Чумалове — одном из ярких классических образов литературы социалистического реализма. Глеб вернулся в родной город из армии, где был комиссаром полка. Он потрясен видом разрушенного завода, кажущегося ему «подстреленной птицей». Инертность бывших товарищей по общему заводскому делу он воспринимает как «застоявшееся беструдье». Ему, совершившему вместе с Красной Армией подвиг разгрома интервентов и белых генералов, эпохой было как бы приказано вдохнуть в товарищей энергию, волю и повести за собой на новый подвиг, трудовой — восстановить разрушенный цементный завод. Чтобы совершить это, надо было поднять рабочих до высоты осознания исторической значимости своего дела. Он убеждает и других в том, что цемент теперь нужен не для «постройки братских могил», а для того, чтобы дать «великую постройку республики». «Цемент — это мы, рабочий класс».

И ради высшей цели — строительства социализма — он готов забыть о собственной ненависти к инженеру Клейсту. Глеб предлагает инженеру возглавить техническое руководство восстановительными работами на заводе. Тот отказывается, не веря в способность рабочего класса быть подлинным хозяином и организатором промышленного производства. Но сила рабочего человека не в словах, а в деле. Своим героическим трудом, одолевая невероятные трудности, рабочие переубеждают Клейста, он становится активным участником восстановления завода.

Борьба за восстановление предприятия была суровой и беспощадной. Писатель подчеркнул это названиями глав романа: «Рабочая кровь», «Трудный переход», «Прыжок через смерть». Но как ни агрессивны враги революции, как ни пытаются они помешать строительству новой жизни, иногда маскируясь для диверсий под «друзей революции», их потуги тщетны: рабочий класс России, понимает Чумалов, не отступит от строительства социализма. Величие цели определяет и высоту настроя духа созидателей. Деятельность Глеба Чумалова увлекает, воодушевляет других, потому что работу свою он воспринимает как участие в военной операции, как атаку в развернутой цепи бойцов. В мирном труде проявились обретенные им на фронте отвага, мужество, выносливость. Сцены героического труда в ро-

мане полны вдохновенного энтузиазма рабочих, почувствовавших себя не только бойцами трудового фронта, но и хозяевами своего завода, своей земли. Своеобразным гимном героике труда звучат слова Глеба Чумалова на митинге по случаю пуска цементного завода: «Это не заслуга наша, товарищи, когда мы бьемся над созданием нашего пролетарского хозяйства... Это — наша воля... наша борьба... В этом — мы... мы — все... единым духом... Если я герой, так все же герои... И если мы не поднимем наших сил до героизма, так всех же нас — по шеям с колокольни. Но скажу одно, товарищи: мы сделаем все — мы к этому призваны партией и нашим Лениным... Мы ставили ставку на кровь и своею кровью зажгли весь земной шар... Теперь, закаленные в огне, мы ставим ставку на труд... наши мозги и руки дрожат ... не от натуги, а требуют новой работы... Мы строим социализм, товарищи, и свою пролетарскую культуру. К победе, товарищи!»

Нечто аналогичное переживал и Василий Коротков — герой повести Н. Ляшко «Доменная печь»: «Ведь поколение за поколением растаптывали мы тропы в дороги, дороги растаптывали в дорожищи. Шли и вешками оставляли у дорог и дорожищ клейменых, поротых, замученных царями и царицами прапрадедов, дедов, отцов. Сколько их? И все они будто пришли к нам, в наш клуб — бывшую церковь; все они будто слушают, как мы понимаем их, и шепчут нам:

— Вот, вот, мы из-под земли добывали руду, мы плавили ее, ковали, а нам нашим же железом рвали ноздри, жгли лбы, щеки, пытали нас, резали, заковывали в кандалы, в наручники...

Меня жаром обдало, в голову вступил туман. Будто в домну упал я и плавлюсь в ней, плавлюсь и прирастаю к прадедам, к отцам, к замученным, ко всем, кто лег за нашу правду, прирастаю и радуюсь: теперь железо в наших руках, теперь нас не окандалят, не заклеймят...

Впервые полоснуло меня так по сердцу: мы отняли у врагов самое страшное — железо — и будто не замечаем этого...»

Перед писателями производственной темы вставали вопросы изображения мира производства и семейного уклада, который тоже не просто давался «переплавке», нелегко устраивался в новых условиях.

Но если у Ф. Гладкова этот уклад испытывал на себе живительную силу пробуждения человеческой личности в каждом из Чумаловых — в Глебе и в Даше, когда семейное отступало на второй план, в жертву общему делу приносился домашний очаг, а во главу угла ставилась общественная функция личности, продиктованная завоеванным равноправием мужа и жены, то у Н. Ляшко проблема решается по-иному. Он ставит проблему более традиционно. Нелегко было убедить людей в возможности трудиться по-новому, на революционных принципах

коллективизма и товарищества. Еще труднее преодолевалась инертность взглядов на домашний очаг.

Не каждому было дано сразу понять истинный смысл революционного переустройства мира. Вот почему в пылу гнева жена Василия Короткова в ответ на слова мужа о том, что придется лет 5—6 потерпеть нужду, бросила ему в лицо нестерпимо обидные слова: «Все для людей делал? Ну и целуйся с ними! Они же и на смех тебя поднимут. В тюрьме, в ссылке паршивел... Другие в комиссарах, а ты что? Глянь на себя... На кого похож? Глянь на детей. Обтрепанные, рубашки и те чужие...» В представлении жены Короткова, борьба была не чем иным, как борьбой за собственное благополучие, чуждое сознательным борцам за свободу и счастье народа. Для бойцов революции сражение с самодержавием и капиталом было частью всеобщей борьбы пролетариата за освобождение человечества.

Продолжая спор с женой, Коротков думал о смысле жизни, о сокровенном понимании счастья, каким жило его поколение и каким питалась духовная мощь его: «Золотых гор мы не видели и во сне. У нас даже мыла вдосталь не было. На заводе чаще всего песком обходились, а мозоли с рук на точиле стачивали. Вместо пряников жевали жмых. Картошка дороже апельсина была. Насчет обуви, одежды и говорить нечего. Если по-чужому глядеть, так вроде и не жили мы, Лазаря тянули, по правде если сказать, то жили здорово! В мозгах у всех зуд был...»

Показывая сложность процесса преодоления предрассудков в сознании людей и особенно непримиримость новых принципов жизни со старыми в труде, в быту, в товарищеских отношениях, Н. Ляшко сумел преодолеть бытовизм. Сумел, потому что обыденность раскрывал сквозь призму восприятия передового рабочего. И хотя Ф. Гладков в основном исследовал непростую, только еще устанавливающуюся новизну человеческих отношений, а Н. Ляшко — процесс их возникновения и утверждения, оба романа свидетельствовали о различных и многообразных путях постижения жизни рабочего человека. Художники избрали разные формы подачи материалов. Роман «Цемент» написан от лица автора, объективно фиксирующего и события, и переживания героев, и те естественные, рожденные жизнью конфликты.

В «Доменной печи» повествование ведется как бы изнутри, представлено как прямое свидетельство участника событий. Отсюда сказовая манера повествования. Автор создал неповторимую речевую характеристику рабочего — героя-рассказчика Василия Петровича Короткова. Разведчик рабочего батальона, после войны оказавшийся управляющим коммунальным хозяйством городка, который он брал у белых, Коротков полон энергии.

В то время когда с трудом налаживается хозяйство города, не хватает рабочих рук, Коротков встречает слесаря Мень-

шуткина на базаре, где тот торгует изюмом. «Как же так!» — начал увещевать его Коротков. А тот ему: «Ты, говорит,— о моем слесарстве лучше помолчи. Где мне слесарить? Ведь завод мертвый». И герой-рассказчик признается: «Слышал я про это, не раз издали глядел на завод, а после разговора с Меньшуткиным будто ударило меня: стоит, мол, завод, расползаются наши силы, а без них все наши бани, сады, коммуны — пустая егозня и пыль. Без заводов, без машин, без железа нас за горло возьмут, а охотников на наше горло, на нашу спину хоть отбавляй...

Стою и лаю себя: самое, дескать, главное проворонил в своем коммунальном отделе, в белиберде увяз...»

Приведенный отрывок не только передает характерную для разговорной речи тональность и специфику языковых средств, но и настрой души рабочего человека.

«Доменная печь», как и «Цемент» и другие произведения этих лет, несет на себе печать четкой агитационно-пропагандистской установки. Писатели прямо обращаются к читателю, разъясняя создавшееся в стране положение и необходимость преодоления разрухи в хозяйстве.

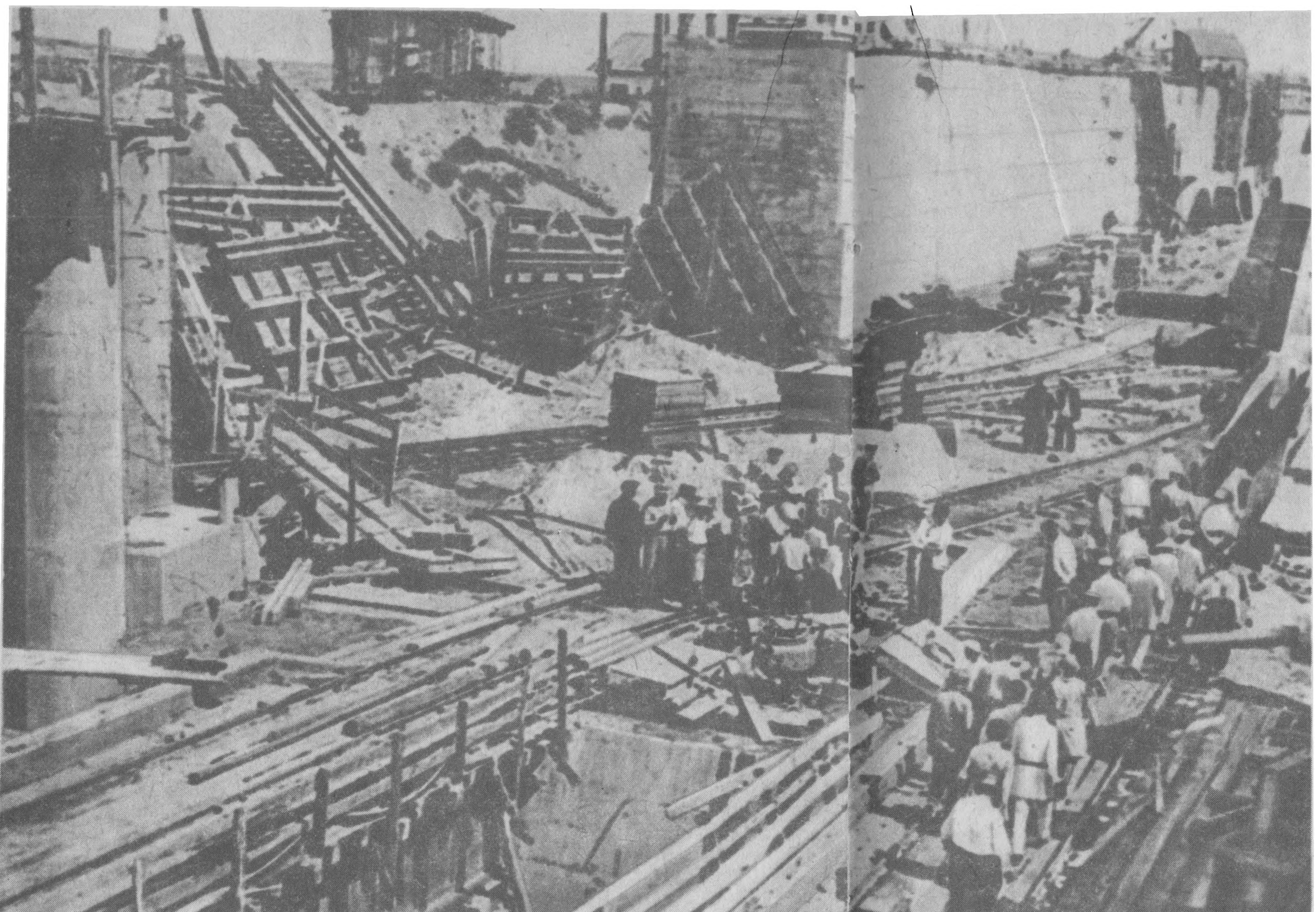
Эта настроенность литературы на насущные проблемы времени вообще свойственна советской прозе, драматургии и поэзии тех лет. Затем, в 30-е годы, большее внимание будет уделяться анализу социально-нравственного преобразования мира и созидания нового общества. И с особой силой в годы Великой Отечественной войны время потребует от писателя агитационного призыва защищать страну.

Вот сцена из «Доменной печи», когда Василий Коротков пришел на свой металлургический. Глянул — и обомлело сердце: так и есть, умирает завод. Как же быть? Неужто так и погибнет? За что же сражались, боролись? Ведь без металла ни машин, ни оружия не сотворишь. Нечем будет защищаться от врагов. А тут еще встретил Гущина — товарища по бригаде. Слесарь был первостатейный, а ныне зажигалками занимается, домашним хозяйством. Стал стыдить: неужели не веришь, что под силу завод пустить? Нет, отвечает, не верит он. А ежели Коротков так уверовал, пусть доказывает.

Понимает Коротков, как много «хлама» от прошлого еще осталось в человеке: и зажигалка, и коза, и самогонные аппараты в сторону от завода тянут. Решил: так дело оставлять нельзя.

Писатель как бы разворачивает программу действия перед героем, а значит, и перед читателем, которому так или иначе приходится сталкиваться с подобными вопросами в жизни. Потому-то он и прослеживает шаг за шагом ход осуществления задуманного Коротковым.

Вместе с товарищем Крахмалем Коротков едет в центр, в управление, где бюрократы создают заторы на пути решения

Работы ударных бригад по устройству шлюза канала Днепростроя. УССР, 1930 г.

неотложных жизненных задач. И все же им удалось добиться назначения на завод комиссии, которая должна будет определить возможность его пуска.

Не верили в его возрождение многие, в том числе и инженер.

«...Наша страна должна быть сильной, вооруженной...

Хмыкнул он и ну колоть меня:

— Мне это приятно,— говорит,— слышать, но вы же сами застудили заводы. На кого жалуетесь?

— Кто жалуется? — кричу.— Да, мы застудили заводы, верно. Иначе нельзя было. Иначе этими заводами могли воспользоваться наши враги. А теперь мы пустим эти заводы да с их помощью будем строить новые заводы, да такие, чтоб и не напоминали старых, такие, чтобы на них работалось с удовольствием...

Инженер губы скривил:

— Это,— говорит,— детская фантазия: заводы строятся не для удовольствия...

— Для вас,— отвечаю,— это фантазия, а я этому верю.

— Верьте, сделайте милость,— смеется,— это ваше частное дело.

— Нет, извините! — кричу.— Теперь это не частное дело, а общегосударственное, мировое, товарищ инженер, хотя мне и не сладко называть вас товарищем».

Так постепенно на наших глазах сугубо производственный конфликт вызревает в общественно-политический, что тоже было характерно для прозы 20-х и 30-х годов. В очерках Л. Рейснер, А. Серафимовича, М. Шагинян говорилось, как непросто наладить трудовой процесс, новую трудовую дисциплину, преодолеть рутинность производства. Проблемы ставились остро и обнаженно, что соответствовало природе жанра и нацеленности авторов на то в жизненной практике, что, с их точки зрения, определяло сущность момента.

В книге очерков Л. Рейснер «Уголь, железо и живые люди», вышедшей в 1925 году, необходимо отметить интерес писательницы к таким проблемам, как проявление профессиональной и трудовой дисциплины в рабочей среде, основанной на обостренном понимании тяжелого положения в хозяйстве республики.

Поездки на Урал, общение с рабочими металлургических заводов приводят писательницу и к такому выводу: труд ра-

бочего оплачивается дешево. И в этом ей видится совершенно не то, что могли увидеть, как бы сказал герой «Доменной печи», чужие глаза. В этом факте, говорит писательница, видится ей конкретное проявление той революционной сознательности рабочих, которая рождала в каждом из них чувство хозяина не просто предприятия, но страны. За счет их скудной зарплаты, ценою все большей интенсификации их труда на предприятиях латали зияющие прорехи бюджета, компенсировали отсутствие нового оборудования, удешевляющего производство.

Писательницу интересовала и личность рабочего. Даже во время кратковременных встреч с людьми за внешностью неприметной, за скупостью словесной, какой отличался рабочий в общении с незнакомым ему человеком, ей открылось то драгоценное, что обретал рабочий в героике будней, и удалось это потому, что смотрела на людей труда с позиции партийного отношения к жизни, руководствуясь принципами народной этики.

Вот почему Рейснер открывала в неприметном — яркое, в будничном — героическое, в обыденном — особенное. Необыкновенными предстали перед ней и красный директор Лысьвенского завода Иван Данилович, и уполномоченная цехом работница Балкова, и многие другие. О Балковой, в частности, писательница скупо, но емко сказала, что она — настоящая новая работница, без посторонней помощи нашедшая дорогу к партии и книгам. Она из тех, кто «спокойно бедствуют, работают, делают жизнь цеха более выносимой и, не замечая того, весело тащат на плечах большой и нужный кусок заводской жизни».

Так по-разному, но удивительно созвучно художественная проза и публицистика включилась в общенародное дело созидания нового общества, накапливая опыт освоения творческого энтузиазма трудящихся масс в годы первых пятилеток.

ПОДВИГ СОЗИДАНИЯ

В 30-е годы советская литература достигла невиданного расцвета. Проза, поэзия, драматургия создали своеобразную летопись подвига народа в деле созидания социалистического общества. В условиях наступления социализма по всему фронту переустройства народного хозяйства героическое становилось повседневным, подвиг — нормой поведения, а трудовой процесс стал восприниматься как продолжение ратного подвига народного.

Большинство писателей страны в эти годы включились в общенародное дело, они воспевали могучую преобразующую силу свободного труда, стремились раскрыть нравственное содержание, отыскать истоки героического поведения человека. Отмечая творческий интерес писателей к этой теме, А. М. Горький считал его закономерным, потому что, как писал он в 1930 году в журнале «Наши достижения», «никогда еще в мире, за всю его историю, труд не обнаруживал так ярко и убедительно своей сказочной силы, преобразующей людей и жизнь, как обнаруживает он эту силу в наши дни, у нас, в государстве рабочих и крестьян»[1].

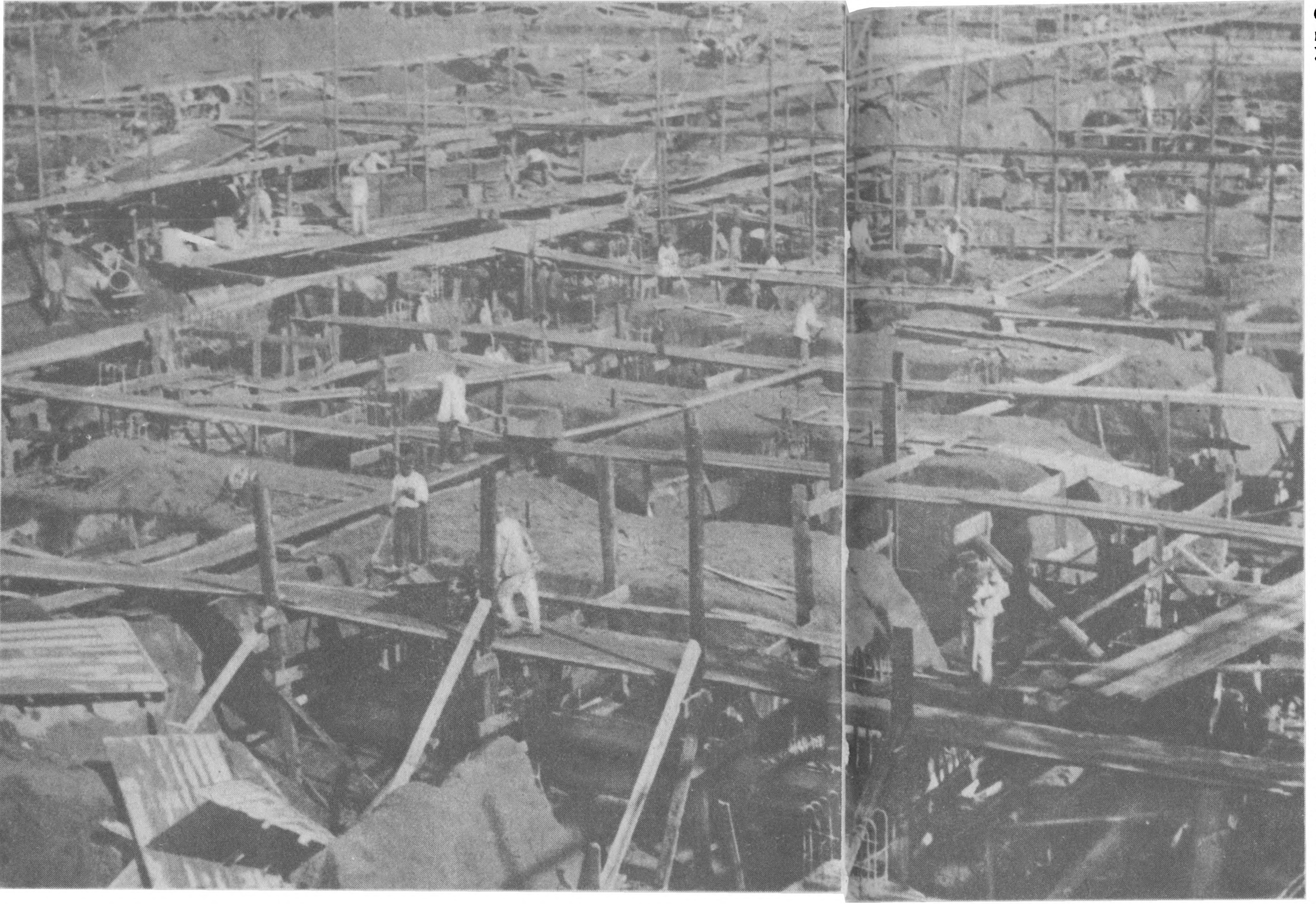
Каждый день приносил известия о трудовых победах, рекордах, ударничестве. Время великих планов и дерзаний настойчиво требовало живого отклика в литературе. И писатели по зову сердца ехали на новостройки Днепрогэса и Уралмаша, Сталинградского тракторного и Россельмаша, Магнитки и Турксиба, Комсомольска-на-Амуре и другие.

По инициативе ударников началось всенародное движение за досрочное выполнение пятилетнего плана. Партия поддержала этот замечательный почин рабочего класса, поручив решением своего XVI съезда Центральному Комитету «добиться действительного *выполнения пятилетки в четыре года*»[2].

И уверенность в осуществлении этого задания опиралась на неистощимую энергию, инициативу, смекалку и умение тружеников.

---

[1] Горький М. Собр. соч., в 30-ти т., т. 25, с. 223.
[2] КПСС в резолюциях и решениях. М., 1970, т. 4, с. 418.

Общий вид закладки фундамента бумажного зала Камского комбината. Урал, 1930 г.

Как всегда, «разведчиком» нового в жизни выступал очерк. Пожалуй, не было писателя, который бы не обратился в те годы к этому жанру, как не было и печатного органа, где не публиковались бы очерки. «Широкий поток очерков,— констатировал А. М. Горький,— явление, которого еще не было в нашей литературе. Никогда и нигде важнейшее дело познания своей страны не развивалось так быстро и в такой удачной форме, как это совершается у нас. «Очеркисты» рассказывают многомиллионному читателю обо всем, что создается его энергией на всем огромном пространстве Союза Советов, на всех точках приложения творческой энергии рабочего класса».

Очерк исследовал природу героического труда, вторгался в сферу технологических процессов и в человеческие взаимоотношения, чутко «реагировал» на атмосферу строек. Читая сегодня очерки тех лет, особо чувствуешь органичную и общую для них энергию, порыв, стремительность в подаче материала. Это обусловлено желанием журналиста, писателя запечатлеть тот истинный энтузиазм, какой царил в трудовых коллективах, где своей работой, ударной и вдохновенной, люди, казалось, обгоняли время, когда их творческая смекалка буквально рушила традиционные представления о нормах и планах. Героическая самоотверженность рабочих людей и творческая энергия духа участников революционного переустройства жизни взывали к чувствам писателей и рождали в них тот пафос, который проявился в лучших произведениях русской прозы тех легендарных лет.

Художники искали новые выразительные средства для овладения жизненным многообразием характеров, ситуаций, проблем, рождаемых созидательным порывом масс. Необходимо было найти художественное решение сугубо технических сторон производственной практики человека, вдохнуть поэзию в конкретное дело, которое было для труженика его страстью и любовью, а главное, конечно же, в полный рост показать нерасторжимось развития производства и рабочего человека. Этот поиск, не исключая индивидуального в художнике, обнаруживал и внутреннее единство писателей. Причем у одних художников это открыто проявилось во всем строе произведения, у других — в авторских отступлениях, в монологах героев или в каких-то массовых сценах.

Трудно, пожалуй, представить себе более разные по художественному исполнению произведения, чем, скажем, «Соть» Л. Леонова, «Время, вперед!» В. Катаева, «Люди из захолустья» А. Малышкина и «Танкер «Дербент» Ю. Крымова. И тем не менее они внутренне созвучны, их объединяет героика трудовых будней, общность художественных принципов, знаменовавших собой в конечном счете торжество социалистического реализма в советской литературе.

Чтобы передать героический порыв своих персонажей, писатели обратились к одному и тому же изобразительному приему — сравнению их с фронтовыми атаками, боями, штурмами и т. д.

В частности, В. Катаев в романе-хронике «Время, вперед!» так представлял членов комсомольской ударной бригады: среди них были и те, «что еще тосковали по дому, пели по ночам полевые деревенские песни, копили деньги и вещи, собирались назад; и те, для кого бригада уже становилась семьей; и те, кто, *как легендарный поход,* вспоминали теперь пережитую зиму, лютую уральскую зиму в степи с сорокаградусными буранами, с двадцатичетырехчасовой бессменной работой, кто, как бойцы, *вспоминали прежние сражения,* отмороженными пальцами гордились, как почетными ранами, и с каждой смены возвращались в барак, *как со штурма,* для кого *строительство было — фронт, бригада — взвод, Ищенко — командир, барак — резерв, котлован — окоп, бетономешалка — гаубица,*— все они — и те, и другие, и третьи — были товарищи, братья и сверстники.

Время летело сквозь них. Они менялись во времени, *как в походе.*

Новобранцы становились бойцами, бойцы — героями, герои — вожаками» (выделено мной.— *Б. Л.*).

Все сдвинулось с мест. Не случайно и в романе «Соть» (1929) и в повести «Саранча» (1930) Л. Леонова, и в романе-хронике В. Катаева «Время, вперед!» (1932), и в романе «Люди из захолустья» (1938) А. Малышкина это движение множеств обусловило дыхание той жизни, какую налаживают, строят люди, созидая одновременно, а может быть, прежде всего — сами себя. Мир творящие люди были и творцами себя. Они поднимали целину хлебного поля, утверждая новые принципы коллективного хозяйства; они несли с собой, как нехитрый свой скарб, обычаи и привычки захолустья на стройки, а вместе, сообща, всем миром оказывались победителями не только в соревновании и ударничестве, но и в преодолении отсталости вчерашних медвежьих углов, где возводили гиганты социалистической индустрии.

Не случайно, просматривая текст машинописного проекта «Истории советской литературы», А. Фадеев обратил внимание на фразу: «...самый ход сюжета, развертывая историю личной судьбы, борьбы за личное счастье, одновременно и вместе с тем

раскрывает и исторические судьбы народов, борьбу за общенародное счастье, показывая органическую связь личного счастья со счастьем своего народа».

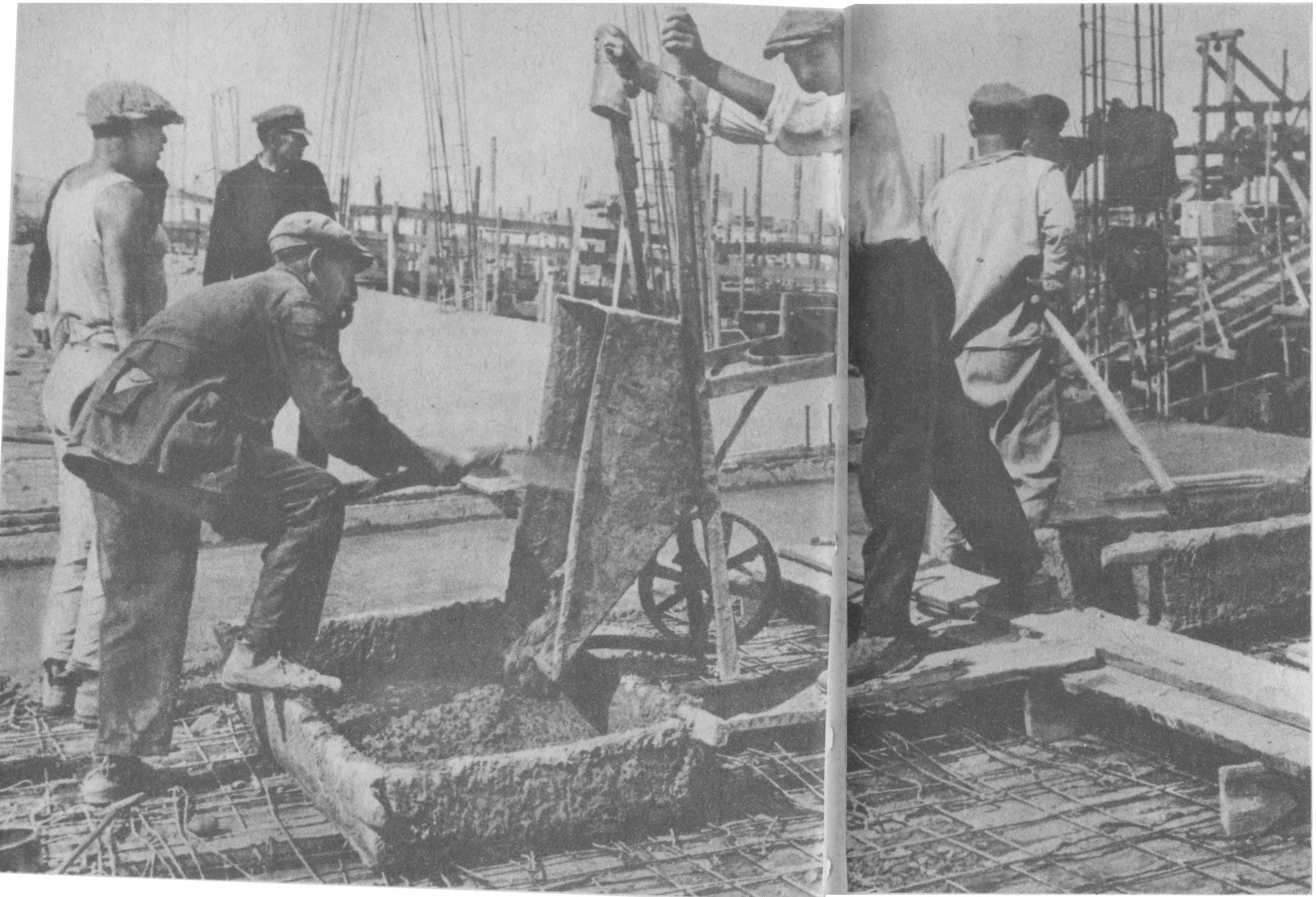
Подчеркнув в ней слова «одновременно и вместе с тем раскрывает и исторические судьбы народов», он написал на полях рукописи: «Это характерно было для литературы прошлого (Бальзак, Толстой, Тургенев). У нас чаще — наоборот: сюжет построен на общественных событиях, в разрешении которых заложено и разрешение личных судеб». Именно это и предопределило эпическое начало советской литературы. Вчерашнее «множество», участвующее в историческом процессе как революционный поток, сметающий на своем пути рухлядь прежнего уклада жизни, предстало в названных романах и повестях «множеством» созидателей.

«Какими-то подземными тропами уже распространилась весть о Сотьстрое; строители собирались во множестве»,— читаем в романе «Соть» Л. Леонова. «Тут шли все те, чьего труда от века не искать было на Руси. Плелись неспешно, сберегая силы, рязанские пильщики да стекольщики; чинно шагали вятские да тверские каменщики и печники, и волос у них под шапками дыбьем, как дым из трубы, стоял от липучей глиняной пыли; шустро, в обгонку других, поспешали смешливые вологодские штукатуры; тащились вполпьяна веселые костромские маляры, и кисти их машисто колыхались над малярным воинством; закоптелые, тяжко двигались смоленские грабари, землекопы тож, с руками и лицами цвета земли; проходили кровельщики, бетонщики, кузнецы... пермяки, вятичи и прочих окружных губерний жители, где непосильно стало крестьянствовать по стародедовским заветам, а новых не было пока. А в хвосте людского потока торжественно, точно плыли, выступали прославленные владимирские плотники, которые, по присловью, и часы починили бы, как просунулся в часы топор. И вел их седовласый бородач, Фаддей Акишин...»

В романе-хронике В. Катаева, повествующей о двадцати четырех часах жизни строительства плотины, читаем: «Шли костромские, степные, с тонко раздутыми ноздрями, шли казанские татары, шли кавказцы: грузины, чеченцы; шли башкиры, шли немцы, москвичи, питерцы в пиджаках и косоворотках, шли украинцы, евреи, белорусы...»

Словно продолжая изображение этого великого шествия, А. Малышкин в романе «Люди из захолустья» писал: «Из разных областей и земель, из самых далеких далей не переставали приваливать люди на стройку. Кроме российских, появились на шестом участке башкиры, украинцы, сибиряки».

И еще будто подтверждая слова о нацеленности литературы тех лет на героику созидания, А. Малышкин предельно точно зафиксировал именно это состояние в тексте романа. «Такое всеобщее напряжение обволакивало работающую день и ночь

Работа по бетонированию кузнечного корпуса строящегося подшипникового завода. Москва, 1931 г.

страну, такой начинался голод в людях, что даже самые залежалые ассортименты их выхватывались и пускались в полезный оборот. Поэты переключались на прозу, они уезжали в качестве очеркистов, притом по самым неожиданным специальностям: на мясо- и овощезаготовки, в животноводческие совхозы, в кустарные промартели, на рыбные промыслы... Потому что все, что работало и заново вырастало в стране, хотело перекликнуться о том, как оно работает и растет».

Новый этап развития литературы, произведения писателей и особенно роман А. Малышкина «Люди из захолустья» показали, что «множество» не безлико, а состоит из индивидуумов, кон-

кретных носителей мыслей, чувств, идей, настроений, которые выражали перемены, происходившие в общественной жизни 30-х годов. Они несли в себе и новизну чувств, среди которых, пожалуй, самым значимым и интересным было чувство собственного достоинства. Писатели открывали процесс рождения новой личности, человека социалистической формации.

Обращение к тенденциям социально-нравственного обновления жизни в духовном мире современника обусловливало появление в литературе неведомых ей ранее эстетических возможностей в раскрытии красоты человеческого труда.

«Смотри, смотри,— дрожащим шепотом говорит Потемкин,— познать класс можно из книг, но почувствовать — только тут, у машин, когда они в работе...»

Эти слова героя романа Л. Леонова «Соть» надо запомнить: в них наиболее откровенно выявлена направленность художественного исследования внутреннего мира рабочего человека, смысла его деятельности, артистизма и мастеровитости. Именно так будут смотреть на рабочего человека художники, чтобы почувствовать классовую и духовную природу его.

В произведениях первопроходцев рабочей темы и писателей, продолживших их дело в 30-е годы, вырабатывались основные приемы эстетического освоения этой темы, многие из которых остаются незыблемыми и по сей день. Среди них можно назвать умение опоэтизировать технический процесс, ощутить музыку в гуле турбин или реве моторов, вглядеться в волшебное деяние мастера-умельца, в виртуозность его обращения с инструментами, постичь его труд как подлинный творческий процесс.

Но главным и основным было и останется стремление ощутить любовь мастера к своему делу, увидеть его профессиональную гордость, которая является прямым свидетельством собственного человеческого достоинства. На гордость и на достоинство нужно иметь право. Оно обретается в упорном и кропотливом труде, ведущем к вершинам профессионального мастерства. Но и мастерство может быть мертво, если в нем нет души, нет того доброго начала, которое именуется человечностью. В этом единстве сплавлено все, что и составляет понятие мастеровой человек — одно из почетных званий труженика.

Эти прекрасные качества люди, призванные в ряды созидателей социалистической индустрии, вырабатывали в себе в трудовых коллективах, в атмосфере свободного труда и соревновательного порыва. Они стремились покончить с косностью захолустья, отсталостью. Потому-то, видимо, порыв и облекался в словесную одежду боевой лексики, а победы в труде воспринимались как продолжение побед над врагами революции и Советской Республики на поле боя.

Знаменательным представляется свидетельство В. Перцова: «Слово «штурм», родившееся в пороховом дыму военных приказов, перешло в хозяйственные. Перед решительным наступлением на Днепр — закрытием «гребенки» в 1931 году — был издан специальный приказ т. Витнера, который заканчивался так:

«Управление строительства предлагает начать действительно штурмовой поход на Днепр начиная с 1 августа и единым сомкнутым фронтом начать взнуздывать на вечные времена могучие воды Днепра»[1].

Вот откуда и в произведениях тех лет немало сцен, эпизодов, изображенных в виде штурмовых будней строек и охарактеризованных именно этим словом — «штурм». Люди, строившие заводы, шахты, плотины, жили настроением штурмующих бастионы трудового фронта.

Рассказывая о бригаде Ханумова в хронике «Время, вперед!», В. Катаев писал: они всегда ходили под красным знаменем, которое «с боем вырвали» в социалистическом соревновании на Магнитстрое. «Они с работы возвращались в барак, как с фронта в тыл. Они пропадали в хаосе черной пыли, вывороченной земли, нагроможденных материалов. Они вдруг появлялись во весь рост, с песней и знаменем, на свежем гребне новой насыпи».

Аналогично воспроизводит состояние строителей и металлургов Магнитки и Б. Горбатов в очерке «Чугун». Атмосфера первой плавки напоминала обстановку выигранного сражения. Неоднократно прокатывалось над домной громкоголосое «ура»,

---

[1] Перцов В. Писатель и новая действительность. М., 1961, с. 118—119.

знакомые и незнакомые люди обнимались, «по их лицам бегало зарево первой плавки. Над воздуходувкой в ответ на первый транспарант «Даешь чугун!» зажглось короткое ожидаемое всей страной «Есть!», за которое недаром бились доменщики».

Невиданную «добровольную отвагу» рабочих Сотьстроя во время ликвидации аварии наблюдал и герой романа Л. Леонова «Соть» инженер Бураго. Он видел в ночной тьме выхваченное прожектором кумачовое знамя строителей, которое полыхало над яростно работавшими людьми. Испытывая чувство восхищения красотой этих людей, самоотверженно сражавшихся с разбушевавшейся стихией, герой леоновского романа понимает, что таким людям все под силу.

Повествуя о битве со стихийным бедствием, Л. Леонов в повести «Саранча» такими словами характеризовал общий отпор стихии: «Туркмения наспех перестраивала свои ряды. В эти недели все было о саранче — разговоры, мысли, плакаты, газеты и даже самые люди — для нее. В округах почти сами собой возникали *боевые дружины* — комсомольцев, студентов, девушек; созданные лишь сегодня, они уже завтра *боевыми единицами* отправлялись на места, размеченные штабом верховного чусара. В разведку уходили самолеты, не виданные в этой части пустыни, кажется, с самых бухарских битв. В столице республики *мобилизовывался полк Осоавиахима,* и *оружием его были опылители, лопаты, кирки, опрыскиватели. Требовался военный опыт* в этом новом деле; начальником эшелона был назначен краснознаменный командир... Полк уходил в случайности, каких не повторялось со времен интервенции,— эшелон грузился с музыкой» (выделено мной.— *Б. Л.*).

Нередко рассказы о происходящем напоминали и строгим языком, и лаконизмом, и деловитостью своеобразные сводки с места событий, «боевые» донесения. В художественные произведения авторы вводили строго документальные материалы. Документ, скажем, в повести Л. Леонова обретал как бы новое звучание, придавал произведению дополнительную эмоциональную окраску. Вслушайтесь в этот отрывок из повести «Саранча», напоминающий «деловую записку»: «Еще в большей степени, нежели яды и железо, ощущалась нехватка в героях и в статистах для этой трагической эпопеи. Огромная протяженность саранчового фронта требовала целых полков, а республика располагала лишь полудобровольческими ротами. Самые условия момента вызывали к жизни те чрезвычайные меры, которые не применялись со времен гражданской схватки, и только они помогли Туркмении защитить свой труд и насущный хлеб». Отрывок несет в себе энергию жизни благодаря повышенной экспрессивности описания, усиливает действенность повествования.

Состояние боевого напряжения зафиксировано в сцене коллективного труда в романе А. Малышкина «Люди из захолустья».

Рабочие-подносчики кирпича на строительстве ХТЗ. 1931 г.

Как бы выхватывая мгновение из трудового напряженного порыва, Малышкин пишет: «Люди топали по настилам лесов, *словно лезли на приступ*, словно за опоздание грозила несказанная угроза, *словно была война*» (выделено мной.— *Б. Л.*).

Обстановку, сложившуюся во вновь сформированном коллективе танкера, герой повести Ю. Крымова «Танкер «Дербент» замполит Бредис характеризует так: «А *здесь тот же фронт, та же война,* если хочешь» (выделено мной.—*Б. Л.*).

О героизме советских людей, их подвижничестве стремились поведать читателям очеркисты. В писательских очерках исследование героического становилось нередко центральной темой. В очерках П. Павленко о молодых строителях Комсомольска-на-Амуре героизм чаще всего фиксируется в авторском тексте в виде информации о свершившемся. Вот как это предстает в очерке «Комсомольск»: «Март 1933 года был особенно яр — когда треснули ледяные дороги на Амуре, а воздух из-за метелей и бурь был непроезжим до неизвестных сроков. Тогда комсомольцы-шефы пробились в Хабаровск по тонкому льду, ведя машины на полметра в воде. Это был героизм непревзойденного класса, если знать здешние стужи, ветры и расстояния». И тут же: «Март 1934 года перекликается в героизме с мартом прошлого года, когда ездили по весеннему амурскому льду, качаясь на тонущих льдинах.

Но этот март оказался страшнее и потому одолен был с героизмом, который накануне еще и не снился самым смелым ребятам.

По-прежнему заедал и заедал лес, его нужно было доставлять по глубокому снегу из далеко отбежавшей тайги к месту постройки. Тогда вырубают во льду Амура борозду от лесозаготовок до города, длиной в семь километров, наливают ее водой при помощи шлангов и начинают зимний сплав леса по искусственному каналу.

История одного этого подвига потрясающа по простоте, изобретательности и выдержке и стоит многих наших романов, сочиненных от скуки или в оправдание давно просроченных договоров.

Героика марта начала год...»

По-своему, но удивительно созвучно с Павленко писали Б. Галин, М. Ильин, В. Кожевников, В. Ставский и другие. Огромным событием в литературной жизни страны явился выход очерков М. Горького «По Союзу Советов», в которых художественно ярко и публицистически страстно признанный мастер вел с читателями разговор о самых насущных проблемах времени: о социалистическом переустройстве жизни и о перевоспитании человека в процессе героического труда. В этих очерках были определены основы эстетики рабочей темы и раскрыта природа героического в обществе социальной новизны.

Тема подвига созидания и защиты социалистического Отечества в литературе утверждается жизнью в качестве ведущей, можно сказать, генеральной. Время требовало создать образ человека труда, героя времени. И литература справилась с этой большой и сложнейшей задачей, создав по горячим следам событий произведения, которые стали ныне советской классикой и в которых в полный рост запечатлен портрет современника — командира и бойца трудового фронта.

«КРОХОТНОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ СТРАНЫ»

Лесная глушь. Тишина. Ничто не предвещает перемен на берегу реки, ни в монашьем скиту, что давно уже обосновался в этих местах, ни в деревне Макарихе. Всполошился монаший скит, когда у них на ночлег обосновались комиссар будущей стройки Иван Абрамович Увадьев, инженер Фаворов и Сузанна Ренне. Был потрясен Увадьев, когда утром оказался один на один с простором, открывшимся с высокого берега.

«Огромными пространствами владел здесь глаз; они порождали пугающее желание подняться над ними и лететь. Было холодно наедине с этой пустыней и первобытным небом, повисшим над ней...» Так начинается роман «Соть» Л. Леонова.

Волнение монахов оказалось ненапрасным: вскоре они поняли, что появление троих было не случайным. С зимы в Макариху начали собираться многолюдные артели рабочих, расселявшиеся по мужицким избам. Увадьев и инженеры вели подготовительные работы. Иван Абрамович, исходивший окрестности Макарихи, нашел замечательный песок, нужный для бетона, осмотрел и площадку для строительства будущего бумажно-целлюлозного комбината. В споре о красоте он рассказал монаху Геласию о государственных планах, приведших его сюда. В ответ на слова Геласия: «Справедливость-те от красоты идет, а красота из тишины рождается, а вы ее ломом, тишину-то корежите...» — он высказал свое понимание этого «чудаковатого слова» — «красота».

«Вот мы встанем на этом месте, на берегу, где старики

Первые строители Магнитки. 1929—1931 гг.

сидят... видишь? Будем строить большой завод, каких праведники твои и в видениях не имели. На том заводе станем мы делать целлюлозу из простой ели, которая вот она, пропасть, без дела стоит. Из нее станут люди бумагу делать — для науки, пороха — чтоб отбиваться от врагов, и многое другое на потребу живым, а между прочим и шелк. К тому времени ты сбежишь из своей червоточины... и станешь ты вольный, трудовой гражданин, на работу поступишь, зазнобу себе заведешь первый сорт... и будет она, Шура, скажем, или Аня, мой шелк на себе носить. И отсюда поведется красота!»

С того самого момента, когда Увадьев и его спутники, товарищи по общему делу, ступили на берег Соти, был брошен вызов не только реке, но «и всему старому обычаю, в русле которого она текла». Они стали двигателями идеи, которую долго вынашивал и отстаивал начальник Сотьстроя Потемкин. А идея его и заключалась в создании на Соти той самой фабрики, о которой рассказал Увадьев монаху Геласию.

Вдохновенность планов совпадает с жаждой и возможностью их воплощения в жизнь, и это рождает новые мечты. Именно такой сплав реального и идеального и рождал патетику авторской речи, которая так ощутима в описании мыслей Потемкина:

«Край благоденствует, рабочий вопрос улажен, лозунги о социализме сходят в жизнь со своих уличных полотнищ. При электрическом свете мужики коллективно едят малокалорийный

обед и, благородно любуясь на портрет комбината, слушают радиомузыку. Жизнь им легка и приятна, как новорожденному мир, но Потемкин и тогда не предается заслуженному покою. Потемкин не спит; он выпрямляет и углубляет древние русла рек, вчетверо увеличивает их грузоподъемность, заводит образцовое лесное хозяйство. Потемкин объединяет три губернии вокруг своего индустриального детища. Потемкин открывает бумажный техникум и произносит знаменитую впоследствии речь о пользе бумаги. Целлюлозные реки текут за границу, процент целлюлозы в газетной массе утраивается, все чрезвычайно удивлены, и сам он тоже втихомолку чему-то удивляется. В его снах, как в ночной реке, преувеличенно и зыбко отражаются дневные планы. Сны подгоняют явь, а явь торопит сны...— Оно истощало его, это непосильное мечтание, как голодного мысль о хлебе».

И вот этот «мечтатель» Потемкин встречается в бумажном тресте с Увадьевым, в шутку прозванным друзьями «битюгом революции». Там же, в тресте, отыскали Потемкину и старого специалиста, крупного знатока лесного дела, инженера Филиппа Александровича Ренне. Главным инженером на Сотьстрое назначили инженера Бураго. Словом, мечта Потемкина стала воплощаться в явь. Время измерялось не астрономическими мерами, а новыми заводами и фабриками, нормами укладки бетона или выданными на-гора тоннами угля. Образ времени органично ворвался из стихии жизни в художественную плоть литературы. Этот образ органичен и в романе «Соть», и во многих других произведениях 30-х годов. Он вынесен в название хроники В. Катаева «Время, вперед!». О времени спорят писатели и их герои. Увадьев говорит главному инженеру Сотьстроя: «У нас вообще любят скулить о прошлом, потому что безвольны к будущему. Ты слушай не стоны, а цифры! Купи билет и поезжай по стране; ты увидишь новые избы, новые заводы, новых людей... и при том великолепную рождаемость! — Он сделал нетерпеливый жест рукой, точно кто-то смел сомневаться в его статистике.—...Да, может быть, мы спешим сменить старое поколение другим, которое не заражено прошлым... но в наш век надо мыслить крупно: десятками заводов, тысячами гектаров, миллионами людей... не мельчить творческой мысли.

— Словом, не гляди на пирамиды в микроскоп,— шутливо вставил Бураго.— Чудно: до революции настоящее у нас определялось прошлым, теперь его определяют будущим, а его надо определять самим собой».

Время клокотало, полное созидательного пафоса, ему было тесно в рамках сегодняшнего, и писатели воплощали его в глаголах движения, передающих стремительность и скорость, в метафорических образах плавки, стройки и т. д. И природа, которой брошен вызов строителями, тоже работала, защищалась, сопротивлялась. Л. Леонов превосходно воспроизводит норо-

вистость реки: «Она правильно выбрала минуту, чтобы отомстить человеку, замыслившему запрячь ее в работу. Она не хотела в трубы, она хотела течь протяжным прежним ладом, растить своих тучных рыб, хранить свою сонливую мудрость. Она как будто молчала и теперь, но Потемкин-то слышал, как она кричала пространствам, чтобы поддержали ее бунт. В ней просыпалась ее дикая сила, воспетая еще в былинах; она стала грозна, она приказывала, и вот ветры, осатанелые бурлаки небес, потащили дырявые барки с водой, а леса зашептались, а птицы вились, и в самом кровоточащем лоне ее как будто открылись тысячи новых родников...»

Надо было отстоять сработанное, надо было защитить детище своих рук. Размеренный, чуть даже замедленный ритм повествования взрывается, учащается пульс движения слов, призванных передать тревожность создавшегося на стройке положения.

«Несся ветер и спотыкался, и пищал в детскую дуду, и снова мчался по долине. Непрерывной очередью, подобные убойному скоту, в небе тащились облака. Похолодало, ветер знобил, но все были в поту — и те, которые бежали к реке вдоль колючей изгороди строительства, и те, которые, достигнув реки, бродили по берегу добровольными и бессильными сторожами. Говорили почему-то шепотом, и всякий с тревогой посматривал на неспокойную луну, удушаемую облаками».

Разбушевавшаяся стихия делает людей собраннее, дисциплинирует их, обостряет внимание ко всему и обнажает то, что прямо или косвенно ослабляло сопротивляемость человека и коллектива стройки в битве с буйными силами природы. Вот почему так энергична и действенна сцена проверки состояния хозяйства, проводимая Бураго и Фаворовым в момент возникшей опасности. Вот почему так несовместимы оказались «поэтические излияния» Фаворова о том, что они все же закуют разбушевавшуюся стихию реки, с неполадками и бесхозяйственным отношением к прямым своим обязанностям некоторых хозяйственников. Не случайно Бураго предлагает принять по отношению к ним самые строгие дисциплинарные меры. Вот и наступает самая критическая точка повествования, с которой начинается переоценка ценностей. Люди, прибывшие сюда со всех концов страны, впервые в этом поединке ощутили свое единство, а инженер Бураго, который все еще сомневался в возможности строить современное индустриальное предприятие с теми, кто не обладал достаточной профессиональной подготовкой, увидел, что люди сейчас и без него старались делать все, что возможно, что в их силах и даже сверх силы, «ибо тут погибала не только их собственность...» В этом неожиданном открытии окончательно открывался Бураго, новый, неведомый доселе человек. Потому-то он «опустил глаза; на его памяти случались не раз строительные катастрофы, но этой доброволь-

ной отваги он не встречал никогда». И ему стало не по себе, «ему хотелось думать о геройском безумии людей, вступивших в рукопашную схватку с Сотью...»

Тревожная ночь многое выявила в жизни героев. Особенно это касалось инженера Ренне. Это о нем спорили не раз Потемкин с Увадьевым. «Битюг революции» не признавал его своим, видел в его так называемом практицизме — скепсис, сомнение, чуждость новому, как когда-то видел их в насмешках инженера и Василий Петрович Коротков — герой «Доменной печи» Н. Ляшко. Потемкин, напротив, придерживался другой точки зрения: уж слишком не доверял он таким скоропалительным выводам, какими бросался Увадьев: «не наш человек», «гнать его надо».

«— Я понимаю, диктатура,— смущенно говорил Потемкин своему решительному и категоричному в суждениях товарищу.— Однако ведь есть бритва, которой бреются, и есть топор,— им лес рубят. Каждому свое, а перепутаешь второпях — либо рожу обдерешь, либо дорогой инструмент попортишь. Ты меня только пойми правильно!»

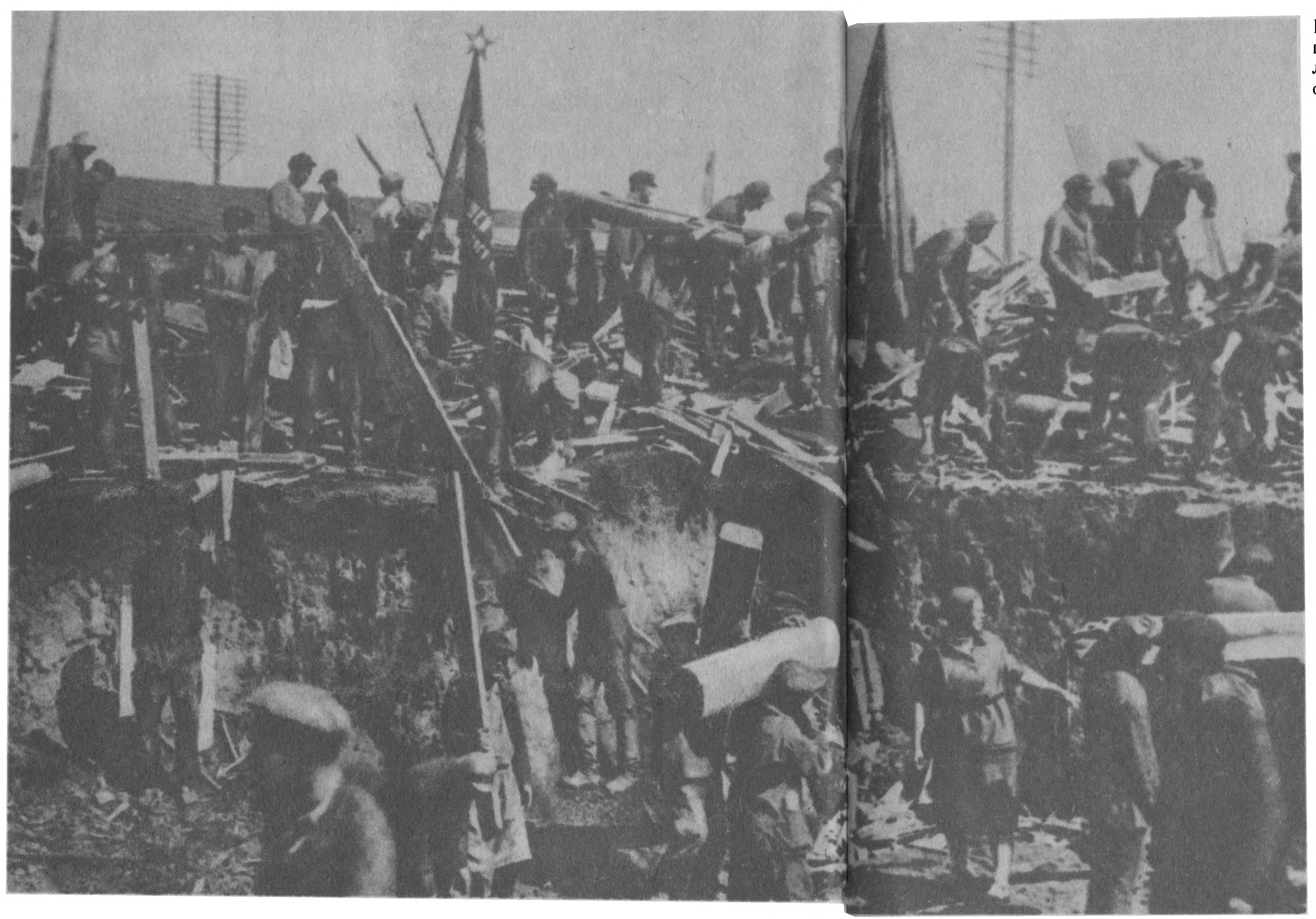
Но Увадьев был непримирим: «А Ренне надо гнать, мы не богадельня, мы — фронт».

Как видим, и здесь сугубо производственный конфликт перерастал в конфликт человеческих отношений.

Чувством легкой грусти пронизано слово Леонова об инженере Ренне. Мы еще не умели ценить частное, особенное, так необходимое порой в человеке, а интересовались прежде всего человеком в целом, его соответствием или несоответствием занимаемой должности. Не соответствует — и слышалось это непререкаемое увадьевское — «гнать!».

«Этот добросовестный паровичок с российской узкоколейки оказался вовсе не приспособленным к рельсам новых магистралей,— не только по техническим своим навыкам; отнять у него работу — значило вырвать тот последний колышек, за который он держался в жизни. Он сам понимал это...»— писал Л. Леонов. Писал кровью сердца, сострадая герою и понимая одновременно, что помочь ему не в силах умирающий Потемкин. Писал и взывал к бережному отношению к человеку, тому отношению, которое позднее раскрыл в судьбе деда Матвея Вс. Кочетов в романе «Журбины». Леонов, пристально всматривающийся в лицо современности, увидел в нем и черточки будущего. Не о том ли были прощальные слова Потемкина, адресованные Увадьеву, провожавшему его, безнадежного, на лечение в санаторий: «Я скажу тебе секрет: свяжи судьбу свою с удачей предприятия, и если гибель — то и тебя нет. Тогда победа. Ты еще любишь вверх глядеть... понятно? а ты вниз гляди, вниз, откуда миллионы глаз на тебя смотрят. Ты внизу справляйся, ладно ли идет...»

И неслучайным в художественном мире романа был этот

Комсомольцы на строительстве первенца I пятилетки — Кузнецкого металлургического комбината. Кемеровская обл., 1931 г.

уход «со сцены» Потемкина. Ближайшее, обозримое, наступающее неумолимым ходом истории будущее принадлежало Увадьевым.

Художник глубокого, вдумчивого подхода к действительности, философски осмысливающий движение жизни, Л. Леонов осознавал необходимость и неизбежность поступательного рывка к социализму, предопределенного объективными законами социально-экономического и общественно-политического процесса строительства нового мира в отдельно взятой стране, когда стало ясно, что расчет на мировую революцию оказался нереальным.

Страна мнилась Увадьеву кораблем, который идет сквозь ночь и бурю. «Нужно было чрезвычайное уменье и воля, чтобы

вести его при перегруженных котлах через море, не помеченное ни на каких картах. Корабль кренился то в одну, то в другую сторону, и всякий раз волны свирепей вскидывались на покачнувшуюся вертикаль. Ломались рули, их заменяли новыми; только от мудрости капитана и выносливости команды зависел успех рейса туда, куда еще не заходили корабли вчерашнего человечества. Усилия, сделанные накануне, забывались, как забывались и имена их зачинателей; некогда было повторять эти стотысячные имена. Начиналась пора великого маневрирования, и, может быть, именно в этом заключалась истинная героика революции».

Помудрел в большом и реальном деле Увадьев. При всем том, что он «чувствовал себя командиром при воинской части», он помнил и совет Потемкина — вглядываться в «глаза снизу». Он все вбирал в себя, этот открытый, категоричный, боящийся нежностей человек, который уже несколько другим, нежели в момент нашей первой встречи с ним, вышел вновь на берег реки. Он думает о прожитом и пережитом, испытанном не только им самим: «отсюда всегда заметней было, что изменился лик Соти и люди переменились на ней».

Собственно в этих словах главная идея романа.

Написанный об одной из многочисленных новостроек страны, и о тех, кому было поручено руководить тысячами людей, созидающими новый лик Соти и самих себя, роман «Соть» представал таким произведением о жизни нашего общества, в нем были поставлены такие вопросы, какие надлежало решать на протяжении долгих лет. Это и позволило писателю открыто

заявить: «Сотьстрой стал крохотным зеркальцем, в котором с местным искажением отражалось все сложное распределение сил в стране; это было верно, поскольку во всем отражается все».

И в то же время это был так называемый «производственный» роман, в котором нашли свое художественное решение многие вопросы чисто технического плана. Леонов показал, как одухотворяется дело, которому посвящают свои жизни его герои. Только влюбленный в этот мир человек мог так воспринимать происходящее, как воспринимал его Бураго: «Глухой подземный гул ударяет инженеру в грудь,— Бураго слышит его грудью: рвут землю для нового котлована. Дикобразами встают леса варочного здания, и глаза инженера словно ищут бетонных башмаков варочного корпуса. Стучит силовая — неугомонный маятник Сотьстроя; кричит паровоз, пробуждая спящие стихии; слух Бураго ласкают нетерпеливые лязги пара и железа».

Литература придет еще к поэтизации техники, увидит прекрасное в инструменте в рабочих руках, раскроет красоту работы умельца. Но «уроки» леоновской «Соти» в подходе к решению темы труда, темы рабочего класса окажутся непреходящими в будущем.

«ВРЕМЯ ЛЕТЕЛО СКВОЗЬ НИХ...»

В. Катаев в романе-хронике «Время, вперед!» провозглашает: «...пусть ни одна мелочь, ни одна даже самая крошечная подробность наших неповторимых героических дней первой пятилетки не будет забыта».

Выполняя эту программу, писатель рассказал, как одна из бригад поставила на бетономешалке мировой рекорд. Обращение к производственному процессу, к исполнителям этого рекорда потребовало от писателя не только вторжения в сферу технологическую, но и проникновения в психологию труженика, в те самые душевные кладовые человека, которые бы объяснили смысл происходящих перемен во времени и в обстоятельствах. Жанр хроники не освобождает художника от анализа духовного мира героя, он лишь предполагает ускоренное развитие событий, стремительность развертывания сюжета. Не все здесь подчинилось писателю, многое оказалось принесенным в жертву не только «подробностям» и «мелочам», но и тем установкам «законодателей мод» в прозе, которые требовали обязательной красочности языка, непременной метафоричности и пр.

Для того чтобы оживить картину стройки, писатель ввел в повествование такие метафоры и сравнения: «Будильник затарахтел, как жестянка с монпансье»; «Воздух ломался мягко, как грифельная доска»; Маргулиес поставил очки «вверх оглоблями, как черепаховый кабриолет»; «Коридор — это два ряда

дверных ручек, два ряда толстых пробирок, как бы наполненных зеленоватым метиловым спиртом»; «Белое сильное солнце горело в окне со скоростью ленточного магния»; «Снаружи, сквозь черный край плывущей пыли, горела ртутная пуля термометра»; «Поезд выходит из дула туннеля, как шомпол»; «русые способные брови»; «простонародное лицо, чуть тронутое вокруг глянцевитых румяных губ сердитыми бровками молодых усиков»; «лицо — скуластый глиняный кувшин» и т. д.

Леоновская проза тоже не была лишена метафоричности. Напротив, метафора органично присуща произведениям Леонова. Можно отыскать в его произведениях 20—30-х годов и определенную ориентированность на цветистость и красочность языка: «он вообще не любил ничего, что крошилось под грубым рубанком его разума»; «Весна спустила своих псов; ветры, тихо скуля, лижут снег»; «дробить и мять людскую глину он по справедливости предоставлял Увадьеву»; банды белых, Махно и других — «все это была пыль, взметнувшаяся из-под сапог героев» и т. д. Однако нельзя не ощутить и очевидную разницу как в количественном, так и в качественном использовании метафоры Л. Леоновым и В. Катаевым. Первый следует логике жизни и «впрягает» ее в логику метафоры. Второй, кажется, занят постоянным поиском непременного сравнения чего-то с чем-то.

К чести В. Катаева, он не поддался, не подчинился полностью соблазну демонстрации мастерства; жизнь, к которой прикоснулся он, внесла свои коррективы. Поэтому поучительным и небезынтересным представляется его опыт в работе над темой дня, темой, продиктованной социальным запросом времени. Игра в метафоричность, в красочность, основой которой выступала экзотичность изображаемой обстановки, неожиданно прерывается, уступает место простоте, когда писатель обращается непосредственно к показу трудовой деятельности людей.

Больше того, именно здесь обнаруживается подчинение В. Катаева общим тенденциям, характерным для прозы тех лет в решении ею темы труда. И эта строгость языка, даже определенная скупость средств в показе работающих людей, позволила ему изобразить необычные перемены, которые были рождены в них и в их взаимоотношениях социалистическим соревнованием. Хроникальность, «жонглирование» изобразительными средствами отвлекли внимание писателя от глубинного постижения происходящего. Казалось бы, показывая организацию соревнования, писатель следовал за приметами реальной действительности. Поэтому организацией соревнования занимаются в хронике и выездная редакция «Комсомольской правды», и комсомол. Пущена в ход наглядная агитация. Но изображения существа сложного процесса работы с людьми, каким был на самом деле каждый трудовой почин, на страницах романа-хроники не получилось.

Позднее повесть Ю. Крымова «Танкер «Дербент» расскажет о рождении социалистического соревнования, передаст напряженность и кропотливость той работы, какую вели партийный актив и организаторы производства. Однако, когда Ю. Крымов писал свой роман, советская литература накопила солидный опыт в освещении социалистического соревнования, а В. Катаев стоял у истока его.

Принципиально важной в его романе-хронике была сцена, разработанная психологически точно и цельно. Это сцена битвы за рекорд бригады Константина Ищенко, за которой наблюдает Ханумов. Ханумов понимает, что его бригаде придется перекрывать нормы Ищенко. И Ханумов приготовился к борьбе, он видел те, как мы сейчас говорим, резервы увеличения производительности труда, использование которых позволит ему перекрыть достижения бригады Ищенко. Он обязательно обеспечит, во-первых, лучшую подачу щебенки. Во-вторых, исправит недостаток в конструкции бетономешалки, что даст экономию на операции в 5 секунд. И эти открытия он пока держит при себе.

Но случилось непредвиденное — налетел буран. Стало трудно работать. Люди устали. А тут еще воду отключили из-за глупого распоряжения Семечкина, отвечавшего за водопровод. Стало очевидно — возможен срыв рекорда. И тут-то обнаружилась новая черта характера Ханумова. Не находя себе места от волнения, ведь рекорд харьковчан может быть не побитым, он решил помочь Ищенко:

«— Слушай, Костя! Черт с тобой... Два рычага. Один подымает ковш, другой пускает воду. Разница пять — семь секунд. Соедини проволокой. Будет давать ковш и воду сразу, десять секунд выиграешь на замес. Эх, для себя держал. Ну, ничего, пользуйся. Пей мою кровь. Я тебе все равно — и так и так — воткну. Мои хлопцы лучше твоих».

В хронике затронуто много важных вопросов, решение которых требовало от людей внимания, анализа, напряжения сил и прежде всего преодоления инерции в понимании нового. Но поставлены они стремительно, общо. Видимо, в такой информативности проявилось авторское стремление не упустить из виду ни одной подробности в текущем дне. Признание, прозвучавшее в письме автора, завершающем хронику, во многом объясняет отмеченную репортажность. Он исповедовал распространенные в то время взгляды части интеллигенции о необходимости разрыва всяких связей с прошлым. Они признавали только взгляд в будущее, взгляд, так ясно высказанный Увадьевым в разговоре с Бураго. Л. Леонов по-другому смотрел на связь времен. Он, как и многие современники, понимал, что без глубокого исследования прошлого немыслимо постижение человека, нельзя осмыслить настоящего и прозреть в людях и в их жизни ростки будущего. Этот взгляд питается чувством историзма, каким не

обладал во взгляде на новизну жизни в те годы автор романа-хроники.

В. Катаев хроникально зафиксировал картину преображения людей в труде, приоткрыл для нас сферу человеческого общения в творческом соревновании.

«КАК ПРОИСХОДИТ РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК»

Александр Малышкин первым из художников социалистического реализма создал подлинную социально-психологическую историю «происхождения» рабочего человека, ставшего хозяином жизни. Такой историей предстает сегодня его роман «Люди из захолустья», первую книгу которого он завершил в 1937 году.

Ф. Гладков и Н. Ляшко набросали портреты рабочих, выдвинутых жизненными обстоятельствами на позиции застрельщиков, командиров возрождаемых к жизни разрушенных предприятий. Л. Леонов дал широкую картину преобразования глухого места силами пришедшего «множества», организуемого и направляемого инженерно-техническим составом, который тоже испытывает на себе дыхание стройки, волю коллектива и меняется вместе со всеми в процессе ударного труда на строительстве. Их опыт, как и опыт других писателей тех лет — М. Шагинян (роман «Гидроцентраль»), В. Кетлинской (роман «Мужество»), К. Паустовского (повести «Кара-Бугаз», «Колхида»), явился той благодатной почвой, той уже завоеванной литературой мерой постижения темы труда, темы рабочего класса, какую, несомненно, учитывал в работе над романом А. Малышкин. В этом убеждает и внутреннее созвучие его романа с книгами-предшественницами.

А. Малышкин сумел синтезировать опыт предшественников, соединить глубину проблем с их остротой. Он создал характер человека, рождающегося в обстановке великой переделки мира на принципах социальной справедливости и новой коммунистической нравственности. Этой задаче художник подчинил все компоненты произведения, включая сюжет, композицию, изобразительные средства.

Чтобы до конца осуществить задуманное, он избрал в качестве главного героя самого заурядного, но вместе с тем наделенного душой умельца, мастерового человека, который оказывается на стройке не по призыву страны, не по зову сердца, а из примитивного стремления заработать денег и, вернувшись в свою глухомань, открыть собственное столярное «дело». Им и был гробовщик Иван Алексеевич Журкин.

Начинается роман со сцены отъезда Ивана Журкина и Петра Соустина из родных мест. И эта разлука с домом передается писателем в сцене прощания: «На задах, по берегу Мши, *по-*

Комсомолец — строитель Магнитки прикрепляет плакат. Магнитогорск, 1933 г.

гибали в метели окраинные бани и ветлы»; «...на обочинах *ныли по-нищему* телеграфные столбы»; «путлялись в этом барахле *слезные провода, ребячье вытье, осиротевшие* верстаки»; «Колокол *рыднул* за мерзлым окном» и т. д. (выделено мной.— *Б. Л.*).

«Шел Ивану Журкину,— сообщает автор,— пятый десяток, старше отца стал, и борода выросла гуще отцовой, а так и не добился в жизни спокойного и сладкого куска. И вот на пятом десятке — никак не думал — опять пускаться в скитания...»

Так оказались Иван Журкин, Петр Соустин и приставший

к ним по дороге Тишка Куликов новожилами рабочего барака на Красногорской стройке. У Петра Соустина были свои планы, в которые входили и связи с людьми, подобными торговке Аграфене Ивановне. Журкин неуютно чувствовал себя на новом месте, и сомневался, «стерпит ли он до конца артельную эту жизнь, барак, полный чужих мужиков», которые между тем все прибывали и прибывали на стройку. Пока суд да дело, начал потихоньку Иван ладить гармони новых знакомцев. Ведь он и сам был отменный гармонист. Да вот отказался сыграть в доме Аграфены Ивановны при первой встрече: зарок дал не играть до тех пор, пока не наладится добрая жизнь у него. А как же наладится, если вот недавно опять Журкин впросак попал, когда Подопригора пришел, чтобы успокоить людей, взволнованных слухом, что им не будет выдана зарплата, а Ивану предложили выступить от лица всех. Он заговорил о лучшем куске, который каждому хочется иметь... Но смолк, смазал речь. А Подопригора этого и ждал, сразу же в обвинение его бросился: «Вот эдакие мастера... они и тянут вас в ту самую старую, сволочную жизнь! Братки! Не надо верить им, а надо верить нашей партии, нашему правительству... Что же, они бросят вас на произвол? Они остановят эту громаду, которую рабочий класс поднимает на своих плечах?»

Вера сама собой не приходит, особенно к крестьянину, который все взвешивает, оценивает да примеривает. И все-таки утверждалась в людях вера в новую жизнь. Сплачивала людей, круче и деятельнее двигала за собой одна могучая сила — организаторская и хозяйственная деятельность партии. Ее-то и представлял Подопригора. Это он работал с барачными рабочими, это он заметил Тишку и решил направить его учиться на шофера.

«Горячий был человек Подопригора! Вдруг всплыла в нем одна мысль, искусительная, необоримая. Парня выплеснуло сюда из недр огромного деревенского пролетариата. А что, если сразу оторвать нетронутую эту, дремучую душу от мужицкой родни? Перебороть его — не завтра, а сегодня же, поставить хозяином над ошеломительными, могуче орудующими механизмами?..

Тишка тут же поделился предложением Подопригоры с Журкиным, на что тот ответил: «Хилой ты для этого: автомобиль — она тяжелая, железная. Наша простота, Тишка, к железу не ударяет; *слеза мы, а не люди*. Ты около дерева присматривайся, оно помягче будет и к характеру нам подходит».

Но мечта сильнее, и Тишка решил стать шофером. И во сне снится ему другая жизнь, другая земля, которая была «во сне молодой и праздничной, какой и была на самом деле: ведь что бы там ни случилось, а все же *ему, Тишке, принадлежала она*».

Эта же мысль об обновленной земле, о будущей счастливой жизни близка столичному журналисту Николаю Соустину, брату Петра, он «верил в конечное превосходство, в великую

воспитательную силу общественного труда, в новое, непреложно ясное мужицкое будущее, из которого будут начисто выметены остатки полузвериного житья, косноязычия, темноты». Приехав на зов сестры, он увидел родную Пензенскую улицу, которая предстала перед ним, «словно вырытая со дна могилы», и только тут понял, что одолеть тьму, невежество, отсталость еще труднее, чем разгромить вражеские армии.

Но его наблюдательный глаз отметил сразу же и приметы нового, что изменилось в поведении людей, и в разговорах, какие они вели, и в самом факте заседания женщин в бывшей городской управе. Невольно всплыла мысль: «Когда-то писатели, Чеховы, Короленки, звали нести свет в народ: устраивать для него школы, организовывать ясли, столовые для голодающих. Меньший брат, гражданская скорбь... А сейчас меньший брат без всякой опеки, сам берет, требует и строит для себя то, что ему надо. Да, это хозяева, а не подчиненные».

И, уезжая, Николай Соустин увозил полную уверенность в торжестве нового в жизни. Он понял: что делалось в Мшанске, «разрасталось по своему смыслу гораздо шире, разрасталось, расхлестывалось во всю неоглядную даль страны».

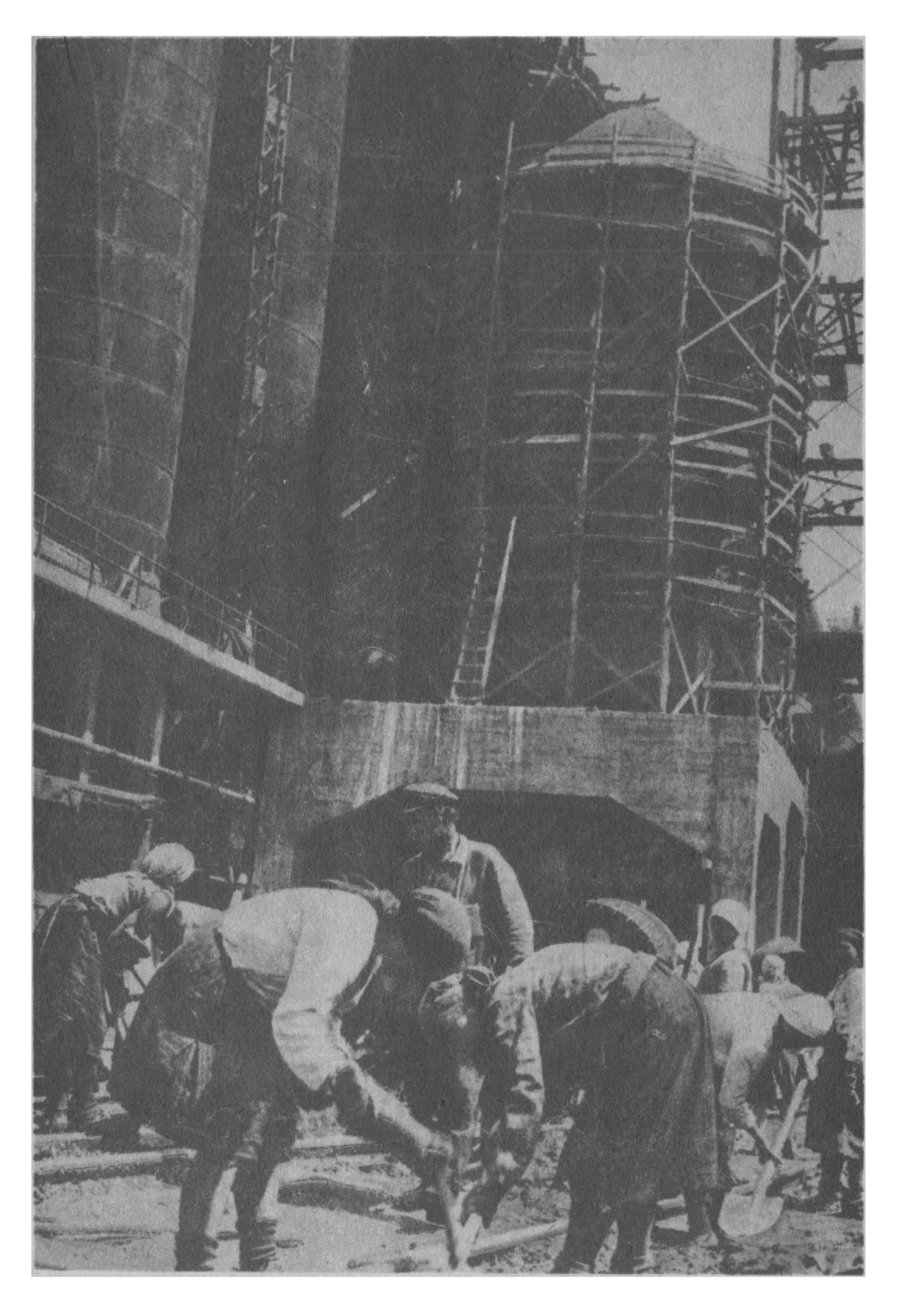
Изменение настроя повествования, вызванного началом перемен в жизни Журкина, Тишки и им подобных, обнаруживает себя и в такой детали, к которой вновь прибегнул автор. Вспомните, как провожал колокол уезжавшего в неизвестность Журкина: «он «рыднул». А вот восприятие уже иное: «Великолепно плескались колокольные звоны». И это «великолепно» находит дальнейшее свое развитие в образе Времени, для А. Малышкина тоже органично связанного с творением нового человека.

«Время ломилось в слободу железною грудью,— разве этого не видно даже из узких слободских окошек? Над малым этим собранием витала та же воля, которая воздвигала домны, беспощадно преграждала реки, *творила неузнаваемого человека*». И перемены в жизни творили люди, ведомые партией, и «люди эти жили на своей земле».

Своя земля! В этих словах, пожалуй, обостреннее всего проступает смысл хозяйского, рачительного, заинтересованного отношения ко всему, что окружает человека.

А. Малышкин не обошел и вопроса, интересовавшего, хотя и по-разному, но к которому непременно обращались писатели и в 20-е, и в 30-е, и в последующие годы и который можно назвать отношением к быту.

Об этом, как мы помним, речь шла и в повести «Доменная печь» Н. Ляшко, и в романе «Цемент» Ф. Гладкова. В романе «Люди из захолустья» о бытовой стороне жизни производства и вообще о быте в обществе идет спор Подопригоры и коменданта барака Поли, потребовавшей от представителя рабочкома улучшить быт рабочих. Реакция Подопригоры была однознач-

Рабочие на строительстве домны № 4. Магнитогорск, 1933 г.

А. Г. Стаханов — новатор угольной промышленности. Донбасс, 1937 г.

ной: вчерашний боец гражданской войны связывал быт с враждебным миром, против которого он воевал, а победу и на фронте труда мыслил «непременно за суровыми хребтами лишений, в отказе от себя, в воинствующем обеднении жизни».

Автор отнюдь не солидарен с Подопригорой. Малышкин не мог навязывать своему герою то новое, что уже проявлялось в действительности в годы, когда писался роман, но чего не принял еще его герой. Тем более что взгляды Подопригоры разделяли многие советские люди старшего поколения, взгляды, которые, как мы знаем по другим произведениям, отразились в литературе и в искусстве. Подобно Подопригоре, мыслил свое отношение к быту и Павел Корчагин в романе Н. Островского «Как закалялась сталь».

И вот, когда Поля потребовала улучшить быт рабочих: ведь барак — это все-таки дом людской, и в нем должно быть ощущение домашнего тепла, Полю поддержал спецкор столичной газеты Зыбин. Оказавшись свидетелем разговора, он сказал Подопригоре: «Мы, дружище, фундамент социализма строим не только на коксовых печах... Должен знать. И в жизни. И в жизни тоже нужно, чтоб и в ней сейчас с одного краю все больше светлело. С гражданской ты вредную путаницу не разводи». Такова была позиция Малышкина.

Запечатленное в произведении переустройство жизни полнее всего проявилось в судьбе Ивана Журкина. И немалую роль в его новом рождении сыграл Подопригора. Классовым чутьем он обнаружил в Журкине умельца, труженика, истосковавшегося по работе. Он способствовал переводу Журкина в цех деревообделочного завода на квалифицированную работу.

Ходил Иван по заводу, глядел, оценивал. «Но сильнее всего,— читаем в романе,— поразил Журкина фрезерный станок, его чудесная способность настраиваться на самые различные фасонные резьбы, будь то «фаска», или «чепель», или закругленная арка для окна. Гробовщик смотрел — кругом работал без останову *умный и яростный инструмент*, словно неслась *живая металлическая река-быстрина...*» (выделено мной — *Б. Л.*)

Текстильщица Е. В. Виноградова за работой у станка; г. Вичуг, Ивановской обл., 1936 г.

Попав на завод и увидев буквально текущую оттуда реку рам, дверей и прочего «продукта труда», Журкин, пожалуй, только в эту минуту осознал грандиозность и необъятность стройки. Начальник цеха сумел оценить работу мастерового с первого взгляда. Назначил его бригадиром.

«И все-таки: и верилось, и не верилось еще...

Слишком много горького отстоялось в памяти у гробовщика. Он помнил голодную безработицу довоенных лет. Он пережил в Мшанске бедование одиночки. Прочности — вот чего никогда не знал он в своей рабочей судьбе. Но теперь он упрямо захотел ее, этой прочности, он захотел ее и для завода, для всей стройки. Ибо то, что его провели приказом, было уже прочно. Приказом Журкина проводили в первый раз в жизни.

«Да тут чего-то получается»,— приятно содрогнулся он, потирая руки».

Он осознал, что такие, как он, простые люди нужны партии. И это была та самая главная прочность, которая выковывалась не только в сознательном отношении к труду. «Зачиналось, передавалось от человека к человеку то героическое, честолюбивое волнение, которое доставило потом стройке мировую славу, мировые рекорды в различных областях труда». Как ощутима эта смена ритма повествования, как забилось в словах энергическое чувство красоты настоящего свободного труда, делающего уже зримо в собственном представлении землю не просто

своей, но «заработанной им землей», что по-новому проставило акценты в привычной связи взаимоотношений человека и земли.

Не просто теперь шел по своей земле человек, а шел как рабочий, ее созидатель. Вот почему все «на этой земле — сооружения, люди, подвиги — хотело, рвалось превысить черту всегдашнего, житейского». И апофеозом этого напора трудовой энергии, человеческой красоты, ритма повествования предстает сцена, завершающая роман, где во всю силу звучит в руках Ивана Журкина гармонь, словно обрадованная тому, что зароку хозяина не играть, покуда не наладится жизнь, пришел конец.

Завтра начнется новый день, чтобы открыть что-то новое, еще более ценное, интересное, сокровенное в рабочем человеке, которое проявится в нем в процессе трудового соревнования с товарищами, в том великом начинании советских тружеников, что рождено было их великой верой в торжество социализма и любовью к своей родной земле, где впервые в истории человечества они ощутили себя хозяевами жизни. Духовному захолустью пришел конец. Началась эра глубоко сознательного, самоотверженного и радостного служения общему делу.

«ИХ СЧАСТЬЕ И ИХ ВЕРА В БУДУЩЕЕ»

Дежурившие в эту ночь на радиостанции Каспийского пароходства Муся Белецкая и Арсен Тарумов неожиданно получают сигнал СОС с танкера «Узбекистан», на котором вспыхнула нефть и который бросил танкер «Дербент». Дежурные возмущены. Там, на «Дербенте», муж Муси — Александр Басов. Неужели он мог пойти на такое? И вдруг за его подписью приходит радиограма, что «Дербент» пришел на помощь «Узбекистану», команда спасена, есть, правда, обгорелые и раненые.

Что же все-таки случилось в штормовом море?

С такого интригующего вопроса начинает Ю. Крымов повесть «Танкер «Дербент» (1938).

Начало, казалось бы, предполагало, по существующим стереотипам построения сюжета, раскрытие тайн, связанных со случившимся, распутывание загадочных обстоятельств, приведших к чрезвычайному происшествию, исследование темных закоулков в душах тех, кто оказался виновным в сложившейся ситуации. Ничего загадочного, таинственного в дальнейшем повествовании не происходит.

Все сюжетные линии, конфликты, поведение героев вынесены в сферу социально-производственных отношений людей, оказавшихся на танкере «Дербент».

Теперь им вместе предстояло выполнять ежемесячные и

ежеквартальные планы, жить долгие дни, недели, месяцы на судне. Чтобы обрисовать их деловые качества, а также представить, какова будет совместная работа, писатель эскизно набрасывает портреты некоторых, наиболее колоритных членов экипажа.

Капитаном танкера оказался безвольный, трусливый Евгений Степанович Кутасов, на совести которого предательство команды на «Веге» в Одессе 1920 года. Тогда он оказался виновным в гибели матросов. Уехав из Одессы на Каспий, он поступил на работу в управление пароходства, был там на неплохом счету, дослуживал до пенсии. И вдруг ему предложили должность капитана на «Дербенте». Вновь обнаружилось его безволие, за которым стоял страх возможного разоблачения. И он принял назначение.

Со штурманом Касацким и матросом Гусейном мы знакомимся одновременно: оба ехали в одном вагоне к месту назначения — Баку, не ведая, что там встретятся на танкере в качестве членов команды. Касацкий был из той породы людей, которых именуют ловеласами и которые умеют производить впечатление на окружающих рассказами бывалого моряка, изъездившего полсвета, писавшего в молодости стихи, сожалеющего о том, что плавать придется на внутреннем море и страдать от однообразия рейсов.

Заходит разговор о технике, о будущем. И Касацкий начинает развивать свои «мысли» о том, что техника «изменит лицо, дух профессии» моряка, изменится и романтика моря. Она и теперь уже вынуждена ютиться лишь на рыбачьих шаландах. Это вызывает протест ехавшей с ними студентки Жени: «На парусных судах люди несут тяжелую, неблагодарную работу. Они не могут совладеть с морем и рады, когда им посчастливилось выйти сухими из воды. Это и есть их романтика, по-моему. Только ведь это минутная радость, а будни у них тяжелые и скучные. Мне больше нравится романтика достижений. Подводники достают корабли со дна моря. Ледоколы идут в Арктику. Это жизнь!»

Непростой и изломанной оказалась жизнь Гусейна. Его судили товарищи за пьянство, и он бежал от них на неведомый танкер. И именно Гусейн, вступается за Женю, к которой стал приставать Касацкий.

Механиком на «Дербенте» назначили Александра Басова, «неудачника», как называли его знакомые и жена, да и сам он. И инженер завода Яков Нейман, и жена Муся вроде бы немало «поработали» над Басовым, чтобы он был, как все, не противопоставлял себя другим. А таким быть он не мог, да и не противопоставлял он себя другим: напротив, его все время донимала мысль, как улучшить работу на том или ином участке цеха, за счет чего можно сократить сроки монтажа или сборки машин, каким образом организовать и наладить техническую

учебу людей и привить им любовь к технике. Бои за общее дело и привели к конфликту, в который он вступил с Яковом Нейманом из-за изобретения токаря Закирия Эйбата. Он мучается, неужели и впрямь он неудачник, неужели его старания напрасны? Вопросы встают один за другим перед Басовым. «Чтобы убедить людей в своей правоте, нужно много упорства, убежденности и равнодушия к собственной судьбе. Вот он мучает свою жену. Нетерпелив, горяч. И разве он хочет обострять на заводе отношения с товарищами? Он даже не знает толком, как называется та правда, которая захватила его. Он изучил процессы труда и пришел к выводу, что механизмы используются плохо, что можно работать лучше, вот и все».

Кроме упомянутых членов команды, на танкере были и другие. Они первоначально оцениваются в повести с точки зрения Гусейна: среди команды он ищет себе товарища, который должен быть близким ему по духу, добрым и принципиальным. Второй штурман Алявдин не допустил к себе Гусейна. Комсомольцы, а их на судне был пятеро, держались особняком. Узнав от Гусейна о его прошлом, электрик Корабельников, ставший председателем судкома, заметил: покажи себя в работе, «комсомол — не проходной двор».

На «Дербенте» сорок пять человек — матросы, мотористы, штурманы. Но нет между ними настоящей дружбы. Больше того, каждый сразу же стал подумывать, как бы уйти с танкера.

И все же, считает Гусейн, ему особо не повезло. Дело в том, что у него буквально несносный начальник — Басов. Он хуже других. Ко всему придирается. Говорит, что оба двигателя — левый, который дает 103 оборота, и правый со 105 оборотами — можно довести до 110 оборотов. И когда Гусейн сказал в сердцах: «Вот и делайте, если все так просто», Басов спокойно ответил: «Один я ничего не смогу сделать. Да это и не так просто. Но с вами вместе мы это осилим вполне».

И не только Гусейн не любит Басова. Капитан тоже не принял его, назвав «комиссаром на шее». Это надо же додуматься, что погрузку можно производить быстрее! Чего доброго, еще следить за капитаном начнет.

В конце концов, решает Гусейн, ему все равно. «Пусть надрывается механик, отлынивают мотористы, пусть курят на палубе матросы. Пусть комсомольцы собираются и голосуют впятером. Танкер не выполнил плана, он идет последним в этой навигации. Пусть!»

Комсомольцы не чувствуют себя хозяевами на танкере. Радист Володя Макаров, возмущенный положением дел, предлагает Котельникову уйти на другое судно. «Нет,— дезертировать не годится,— сказал Котельников твердо, но без всякого чувства.— Может быть, еще удастся наладить дело. Кроме того, я ведь здесь председатель судкома...»

У Басова нет никого, кто был бы близок ему по духу. «Люди растекаются перед ним, вялые, непостижимо похожие друг на друга. Их исполнительность кажется фальшивой, их серьезность — насмешливой... На заводе Басов считался хорошим организатором, но завод жил до него и живет без него, здесь же все надо было начинать с самого начала. Как? И его мутило от бессилия, от бесплодных попыток двинуть дело. Но стать равнодушным, успокоиться, запереться в каюте он не мог. Какая-то цепкая долька его мозга, надорванная и оглушенная усталостью, все ныла не переставая, как ушибленное место: действовать, повернуть все по-новому, удержав людей на стоянке, перебрать двигатели, поднять обороты...»

Точно так же не случайна и подробная социально-психологическая экспертиза характеров, проведенная писателем либо от автора, либо с точки зрения «доверенных» персонажей, каковыми предстают и Гусейн и особенно Басов.

Все это понадобилось писателю для того, чтобы создать наиболее сильный контраст между тем, что представляла собой команда в ее изначальном виде и коллективом, родившимся в труде, когда люди воспламенялись идеей созидания, проникались духом соревнования, когда находится выход естественного для советского труженика чувства, которому А. Малышкин дал точное определение — «героического, честолюбивого волнения».

Если дать схему внутренней динамики становления коллектива, можно обозначить несколько этапов в его развитии, начиная с безысходного: «А мне какое дело?», когда человек живет в атмосфере отчужденности; затем: «А что мы хуже других?», когда в людях начинает пробиваться пусть слабое, но уже очевидное ощущение причастности к коллективу, и, наконец: «Да мы можем еще лучше», когда коллектив осознал себя единым целым.

Для того чтобы он осознал себя таковым, с ним надо работать, воспитывать в нем не только самолюбие, но и сознание. Об этом, в частности, сказал Басову больной помполит, употребив то самое характерное: «А здесь тот же фронт, та же война, если хочешь. Не вывезем нефть — не будет бензина, смазочных масел. Нечем будет заправлять тракторы и самолеты. Ясно?»

Басов ему спокойно возражает: «Все, что ты говоришь, мне известно, да и им, пожалуй. Мне кажется, иногда возить мазут труднее, чем драться на фронте. Они знают, что стране нужно горючее, но они не чувствуют себя ответственными за дело».

И вот тут-то прозвучала фраза, в которой как бы скрыт внутренний заряд: «Слушай, Басов, а пожалуй, ты прав. Если бы можно было организовать соревнование...» Социалистическое соревнование в те годы живо освещали газеты, журналы, радио. Но это была публицистика. Время поставило перед литературой проблему писательского исследования природы социалистического соревнования, эмоционального постижения его и такого же воздействия на читателей.

Чтобы быть «частью единого общепролетарского дела», литература должна была самым активным образом вторгаться в современность, обращаться к самым волнующим проблемам жизни общества. И литература, создавая образы героев времени, следовала призыву А. М. Горького: «Показать партийному и беспартийному рабочему его самого в процессе строительства нового, социалистического мира. Мы должны развернуть перед ним широкую и яркую картину его разнообразной работы, дабы этим возбудить его революционное классовое самосознание, углубить в нем понимание государственного значения его труда, вызвать в нем разумное, социалистически-хозяйственное отношение к сырью и фабрикату, станку и машине... Пора принять весь поток творческой работы осуществления социализма как симфонию труда, в которой все инструменты имеют свое место, играют свою роль и совершенно необходимы, хотя иногда и не слышны в общем широком, грандиозном потоке музыки»[1].

Эти чувства руководили Ю. Крымовым в процессе работы над повестью, где главной целью было — показать неисчерпаемость духовной энергии советских людей, нашедшей свое воплощение в организации социалистического соревнования.

Писатель показывает, как незаметно, исподволь направляет Басов коллектив, как в команде вызревает мысль вызвать танкер «Агамали», обходящий их по всем производственным показателям, на соревнование. Первым шагом к этому было решение: на стоянке заняться машинами. Всем вместе, понимает Басов, в машинном отделении делать нечего. Но он осознает и то, что ни в коем случае нельзя говорить об этом. Скажи он — и может тут же, не разгоревшись, погаснуть первая вспышка энтузиазма, которая должна, и он верил в это, сплотить команду. Ю. Крымов, показывая этот первый, такой ожидаемый Басовым шаг единения людей в совместном труде, использует прием взгляда со стороны, взгляда влюбленных в дело и понимающих в нем толк глаз.

Басов «с волнением приглядывался к тому, что происходило вокруг него, и особенно к тому новому выражению, которое было на лицах людей. С них как бы слетело ленивое оцепенение и сменилось выражением нетерпения и горячего любопытства, какое бывает у людей, впервые вложивших душу в серьезное дело».

И вот отправлена телеграмма на «Агамали» с вызовом на соревнование по выполнению плана перевозок. Теперь и им будут выдавать баржи вовремя, не тянуть с погрузкой. Теперь, предлагает Котельников, надо больше уделять внимания гласности в работе. Это позволит организовать, подтянуть и мобилизовать людей. Они вместе начинают размышлять, за счет чего можно увеличить грузоподъемность, сократить время в пути и т. д.

---

[1] Правда, 1933, № 181.

На судовом собрании обсуждают подвиг Стаханова и его последователей.

По-своему понимает смысл происходящих перемен на танкере Касацкий. Он говорит капитану: «Для меня... соревнование было своего рода откровением. Удивительно универсальный метод обработки любого человеческого материала. Пущены в ход все дальнобойные орудия человеческой морали, даже такие вечные, как «слава» и «доблесть». В самом слове «вызов» есть что-то старомодное, но красивое и сильное. Право же, мне кажется, что сейчас у наших людей новое, осмысленное выражение появилось на лицах. Одним словом, я — за».

Слова эти были не более чем «дымовой завесой» Касацкого. По мере того как люди все восторженнее встречали свои скромные, но уже заметные и замеченные в пароходстве успехи, тем все неприязненнее относился к ним Касацкий. Команда оставалась для него все тем же «сбродом». Он даже подумывает над тем, чтобы на судне произошло нечто вроде аварии, только бы не очень задирал нос Басов и его «творцы будущего».

Не сразу и не вдруг, но даже трусливый, мягкотелый и инертный капитан угадал истинное нутро Касацкого. Об этом он сказал Касацкому: «Я понял только, что вы ненавидите тех, внизу. Ненавидите за то, что они счастливы и слушают музыку. Вам недоступно их счастье и их вера в будущее. В этом будущем для вас нет места. Вы слишком... чужой. Но ваше притворство страшное, Касацкий!»

И он верно угадал: Касацкий когда-то предал восставших матросов в Кронштадте.

Можно сегодня упрекнуть Юрия Крымова, да и не только его одного, в том, что в качестве причины «отрицательности» в своем персонаже он выставлял преступление. Но в основе социально-классовой точки зрения писателя на природу тех, кто шел против новой жизни, против поступательного движения к социализму нашего общества, была историческая правда. Именно Касацкий оказался виновником ЧП в штормовом море. Мужество, воля, товарищество команды «Дербента» нашли свое яркое выражение в подвиге — команда горящего «Узбекистана» была спасена.

Ю. Крымов, как и многие писатели тех лет, стремится логически подчеркнуть перемену, происшедшую в жизни людей, в деятельности коллектива. Итоги подводит, на сей раз с полным на то основанием, Басов.

«Всего несколько месяцев назад он считал их никуда не пригодными, какой-то лукавой, мелкой породой. Кто-то назвал их сбродом... Нет, то были совсем другие люди. Они исчезли, и он не помнил, как их звали, не помнил их лиц. Гусейна, и Володю, и слесаря Якубова он как будто знал долгие годы, и они были ничуть не хуже сборщиков или токаря Эйбата, которыми он когда-то гордился.

Весной, покидая завод, он думал, что жизнь его кончилась. А сейчас он знал: на будущий год появятся новые, повышенные нормы. Многие суда перешли уже на стахановские рейсы, и «Агамали» снова выдвигается, стремится занять первое место. Как-то покажет себя в будущем году команда «Дербента»? Басов подумал, что если бы он сейчас исчез, то в его отсутствие, пожалуй, ничего бы не изменилось на «Дербенте». Но именно поэтому он твердо знал, что не уйдет с танкера после окончания навигации».

Это и было настоящим человеческим счастьем, верой в людей, в созидаемое их героическим трудом будущее. В боевых, полных человеческого подвижничества трудовых буднях первых пятилеток закалялись мужество, воля, высокое сознание нового поколения советских людей — наследников и продолжателей революционной славы отцов. Именно этому поколению вскоре предстояло вступить в единоборство с фашизмом, в жесточайших сражениях отстоять «построенный в боях социализм».

НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ

Над страной, окутанной в западных областях дымом пожарищ, пронизанной ревом смертоносных стервятников, лязгом гусениц танков и непрекращающейся стрельбой из всех видов оружия того времени, прогремела из края в край песня-призыв, песня-лозунг, песня-клятва: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!»

И она встала, наша великая Родина, навстречу ненавистному врагу, посягнувшему на честь, свободу и независимость социалистического государства. Известные и безымянные герои-пограничники, пехотинцы и моряки, летчики и артиллеристы, танкисты и конники уже в первых, далеко не равных боях проявили невиданные чудеса героизма и вписали красные строки в историческую летопись подвига народного в годы Великой Отечественной войны. Героизм бойцов фронта подхватили труженики тыла.

Страна превращалась в боевой лагерь. Места бойцов тыла вместо ушедших на фронт рабочих занимали женщины, старики, подростки. Не жалея сил, ковали люди труда оружие победы над фашизмом, веря в правое дело. Именно эта вера в победу придавала уставшим бодрость, удесятеряла энергию тружеников.

Сила этого чувства заставляла их бить врага, плавить металл для новых танков и орудий, взращивать хлеба и создавать прекрасные произведения искусства.

Невиданные ранее оперативные задачи встали перед литературой. Она должна была по ходу военных событий перестроить сами формы и ритм работы, включиться в дело партии по переводу жизни на фронтовой лад. Слово писателя зазвучало, поддерживая героическую стойкость бойца переднего края и бойца тыла, взывая к глубинным чувствам патриотизма советского человека. Литература зажила новой, боевой жизнью на страницах газет, где печатали статьи, стихи и очерки А. Толстой и А. Сурков, М. Шолохов и М. Рыльский, Л. Леонов и Я. Колас, Б. Горбатов и П. Тычина, С. Вургун и А. Корнейчук, К. Симонов и Л. Соболев, А. Исаакян и многие другие писатели нашей страны.

Тыл — фронту. На заводе им. С. М. Кирова. Ленинград, 1942 г.

Это хорошо почувствовал и проникновенно передал в статье «Самоотверженность» (1942) А. Н. Толстой. «Любовью к ушедшим на фронт живет весь тыл,— писал он,— им, героям, передоверена вся сила мщения народа за свои страдания, за горе, и лишения, и разорение; в тыловой работе, на заводах и полях, им, героям, хочет подражать молодежь; в них, в красных героев, уничтожающих фашистскую сволочь, играют малые ребята.

Весь наш тыл живет, равняясь по нравственной высоте Красной Армии; люди борются за металл, за уголь, за хлеб, за хлопок, за картошку, за производство оружия и военных машин с таким же упорством, самопожертвованием, с отдачей всего себя, как это делает Красная Армия. Тыловой труд — будничный, незаметный, в нем не кровь льется, а пот, в нем не наносят жгучих или смертельных ран; но не меньше нужно величие души, чтобы день за днем, ночь за ночью, преодолевая изнеможение, отдавая все силы, вооружать и снабжать Красную Армию, веря священной всенародной верой, что победит и отомстит она разорителям родины нашей».

Новые условия вызвали изменения и в принципе подхода к изображению героизма, в стилистике произведений. Если в романах и повестях 20-х и 30-х годов героическое в трудовом процессе нередко представало в ярком свете порыва, штурма, несло в себе пафос патетики и элементы лозунговости, то теперь этот пафос обернулся внутренней сосредоточенностью бойца трудового фронта, полной самоотдачей его общему делу

создания трудового фронта. Такая идейно-эмоциональная переакцентировка потребовала от художников слова внутренней собранности, умения в скупых и точных штрихах передать настрой человека на высоту героического свершения в тяжких, порой невыносимых условиях тыла. Оперативно откликнулись писатели на требования времени. Были созданы роман А. Первенцева «Испытание» (1942), Вс. Кочетова «Предместье» (1943), А. Караваевой «Огни» (1944), повесть Ф. Гладкова «Клятва» (1944) и другие.

К сожалению, не всем писателям удалось создать полнокровные, убедительные образы тружеников тыла, раскрыть во всей многомерности и сложности их духовный мир. Стремление мгновенно запечатлеть подвиг тыла порождало хроникальность, информативность повествования. А. Первенцев, Вс. Кочетов, Ф. Гладков сумели проникновенно изобразить суровую атмосферу военного времени, социально-нравственные истоки подвига на заводах и фабриках, в колхозах и МТС.

Роман «Испытание» А. Первенцева был посвящен событиям эвакуации авиационного завода с юга страны на Урал. В центре его — главный инженер, затем директор завода Богдан Дубенко, его отец — старый кадровый рабочий, им и их товарищам выпало суровое испытание в кратчайшие сроки, в неимоверно трудных условиях демонтировать завод и вывести его под бомбами гитлеровцев и вновь начать выпуск самолетов в цехах под открытым зимним небом Урала.

Начинается роман со сцены в поезде, где возвращающийся на завод Богдан Дубенко слышит от попутчика-полковника резкие, но созвучные со своими думами слова о том, что договоры, заключенные недавно,— «одна видимость, клочок бумажки для таких субъектов, как Гитлер. Тащим им зерно, масло, гусей. яйца... Все это передышка. Гусями их не проймешь». Поразила Богдана и такая деталь: «военные — а их в поезде ехало немало — усердно изучали немецкий язык». И он понимает, что уже близка, уже тревожно обозначилась в жизни «военная беда — к ней готовились». А за окном шла работа, люди, словно чуя грозу, не жалели сил: «Пылали топки домен и коксохимических заводов Донбасса. Вулканами клубились высокие терриконы. Казалось, могилы скифских вождей овеваются дымом жертвенных костров. Донбасс поставлял металл и топливо заводу Дубенко, и инженер смотрел на эту землю с сыновьим уважением».

Взгляд, вобравший в себя серьезность момента, предчувствие надвигающейся беды, всегда более обострен.

И вот пришла весть о начавшейся войне. Боец гражданской, Богдан ясно представлял себе, что значит эта война. Взглянул на жену, на сына, на людей, и снова на родных, и горячо обожгла мысль: «Победить надо и для них, а может быть, даже в первую очередь для них. В них частица большого, просторного понятия р о д и н а. И сейчас, несмотря на то, что

Стахановки Н-ского завода Скворцова С. И. и Старухина А. И. за изготовлением военного заказа. Москва, 1942 г.

кругом было много людей, людей, одинаково мыслящих с ним, его соотечественников, особенно чувствовалась необходимость в близости родных».

Отныне внимание автора неотступно от событий, связанных с эвакуацией завода, и от людей, творящих трудовой подвиг. При этом писатель стремится не просто отметить какие-то кажущиеся ему важными, главными вехи в жизни персонажей, но и обязательно прокомментировать, дать оценку и переменам в людях, и в событиях, используя нередко «мнение» или «размыш-

ление» главного героя. Вот как комментирует автор картину ухода людей от врага:

«Люди успели съесть хлеб, испеченный в оставленных ими городах и селах, и их кормили другие. Хоть и горек был этот хлеб, но никто не называл его чужим — война сблизила всех, по-новому раскрыла могучие, всеобъемлющие силы содружества.

Конечно, задавали вопросы: а что впереди? Люди думали обо всем этом, это их право и необходимость. О прожитом, настоящем и будущем. Паника истерична, криклива. А здесь паники не было, и больше того — не было жалоб. Так здраво и мужественно переносил наш народ, казалось бы, кошмарные беды. Никто не скулил, не пророчествовал о гибели, никто не проклинал порядки и не выискивал виновных за первые неудачи.

Рабочий класс не сетовал на свою судьбу, всякое бывает как в жизни, так и в истории. Что было хорошего — все мое, что плохое — тоже мое. Гамузом замешали, гамузом расхлебаем, выкрутимся. Великое дело рабочий класс. За кого он, тот никогда не пропадет...»

Эти авторские суждения затем почти полностью повторятся в словах отца Дубенко, старого кадрового рабочего, в разговорах других персонажей. Причем каждый из них непременно высказывает собственное суждение о начавшейся войне. Вот, например, как понимал ее суть летчик Андрий Лоб, считавший себя «штрафником» из-за того, что работал в гражданской авиации и рассматривал это не иначе, как строжайшее наказание. «Война не только кто кого обдурит»,— говорил Лоб. И чтобы люди не очень-то рассчитывали только на храбрость, добавлял, что «война — применение всех накопленных знаний...»

В каждом случае автор считал необходимым оценить высказывание персонажа. Слова летчика он заключал выводом о том, что знания эти вернее всего проявляются в деле. Собственные слова: «И рабочие втягивались в войну по-настоящему, без паники, суеты и излишней «психологии» — автор подкреплял коментарием директора завода Шевкопляса, который в конце-концов добъется отправки на фронт и передаст дела главному инженеру. Война для бывшего военного летчика Шевкопляса, «как и для многих других, уже давно перестала быть материалом для рассуждений, для охов и ахов... Да, дело, одно из возложенных на его плечи». И далее: «Нужно было понять одно — народ принял войну как необходимость, как новую задачу самоотверженности, и поэтому надо в полную меру своих сил присоединяться к общему движению, не опускать руки и верить в победу,— без нее смерть».

Так, по сути дела, и вели себя бойцы тыла. Они стойко и мужественно переносили выпавшие на них невзгоды. «Рабочие худели и чернели буквально на глазах. Но никто не роптал, дисциплина поднялась без всяких понуканий. Рабочих перевели

на казарменное положение. Завод напоминал боевую действующую часть».

Роман Арк. Первенцева вобрал в себя документ, оперативную сводку, репортаж с места событий. Это подчеркнуто и своеобразным ритмическим рисунком некоторых мест произведения, которые нередко по стилистике напоминают тексты телеграмм.

Осознание долга, подчинение приказу, и прежде всего внутреннему, обостряли мысли, и потому со всей отчетливостью понималось, какие неимоверные испытания выпали и еще ждут впереди тружеников тыла. Об этом говорит отец Богдану: «...для нас тыл повернется страшнее фронта. На фронте есть отдых, подкрепления, просто передышка, а у рабочего в тылу в такую войну никаких передыхов не предвидится».

Как это оказывается созвучным тому пониманию сути труда в тылу, какое открыл для себя довоенный тракторист, затем партизан-разведчик Виктор Цымбал, которому в порядке партийной дисциплины приказали быть директором МТС в прифронтовом ленинградском колхозе! Так вот он, герой повести Вс. Кочетова «Предместье», в беседе с молодым лейтенантом Костей Ушаковым, помогавшим налаживать колхозную технику, сказал: «Когда меня лет через сорок — пятьдесят ребятишки спросят: что самое страшное на войне... я отвечу: быть во время войны директором МТС».

Ушаков отлично понимал Цымбала: он часто завидовал танкистам, которые ходили в атаку. Они сражались с врагом, а ему, ремонтнику, надлежало сидеть и ждать их возвращения из боя. Выйдут задымленными, в ссадинах, синяках, до изнеможения усталые, но возбужденные пережитой схваткой с противником и потому готовые хоть всю ночь рассказывать, как «гробанули фрицевскую коробку», как «проутюжили окоп»... А ты пускай в ход станки, берись за инструменты, чини гусеницы, заваривай башню и т. д. «Работа твоя по трудности, по ответственности не очень-то уступит атаке, но, безусловно, в десятки раз превзойдет атаку по длительности напряжения.»

И напрасно было бы сегодня видеть в таком взгляде героев на существо своей работы в тылу противопоставление героики тыла подвигу фронта. Люди в тылу, где, конечно же, не рвались бомбы, не грозила случайная смерть от шальной пули, стремились попасть на передовую. И в этом желании проявлялась жажда советского человека выйти в открытый бой с врагом. Многим молодым, здоровым, сильным людям, среди которых был и директор Шевкопляс, и летчик Лоб в романе А. Первенцева «Испытание», и директор МТС Виктор Цымбал, и лейтенант-ремонтник Ушаков в повести Вс. Кочетова «Предместье», как и героям других рассказов, очерков, повестей тех лет, казалось, что их место на передовой. И вот эта тяга в атакующий строй и определяла неудовлетворенность человека своим пребыванием в тылу.

Писатели Вс. Кочетов и Арк. Первенцев в полную меру испытали это чувство неудовлетворения. Полностью освобожденный от армейской службы из-за болезни сердца, Вс. Кочетов, которому предлагали эвакуироваться из блокированного Ленинграда, не только отказался выехать из города, он стал сотрудником фронтовой газеты «На страже Родины», все время находился на передовой. Он писал в то время: «Что нас гонит туда, на передний край, от этих мирных поэтических полян? Нас обязал кто-нибудь идти туда? Нет. Приказ получили? Тоже нет. К бойцам переднего края нас ведет нечто более сильное, более властное, чем любой из приказов в мире. Не пройдя через огонь, мы не сможем прямо, честно, открыто смотреть в глаза тем, о ком пишем; мы не будем иметь на это право, мы идем туда, вперед, где стреляют».

Не остался в тылу и Арк. Первенцев. 2 июля 1942 года десантный самолет ЛИ-2, на котором находились и писатели А. Первенцев и Е. Петров, уходя на бреющем полете от фашистских истребителей, врезался в землю. Многие члены экипажа и пассажиры, в их числе Е. Петров, погибли. Первенцев чудом оказался жив. Сначала был направлен в госпиталь Сталинграда, затем — лечился в Куйбышеве. Подлечившись, он попросил направить его на Южный фронт, где готовился десантный бросок на Крым. И добился своего: вместе с десантниками уходит в боевую операцию, о чем позднее расскажет в повести «Огненная земля».

Судьбы Арк. Первенцева и Вс. Кочетова не были исключением. Не дожидаясь мобилизационного предписания, многие советские писатели надели военную форму. Одни стали фронтовыми корреспондентами, другие сменили перо на оружие. Свыше тысячи писателей ушли на фронт, и 275 из них не вернулось с войны, пав смертью храбрых в боях за Родину. Среди них А. Гайдар, В. Ставский, И. Уткин и др. Литераторы разделили судьбу народную, и потому по праву А. Н. Толстой назвал литературу «непосредственным голосом воюющего народа».

И в свете всенародного подвига Арк. Первенцев, глядя на рабочий коллектив завода, увидел в нем и рабочего Терешкина, который затерялся в чреве плавильной печи, проводя там расшлаковку, и в его трудовом героизме писатель увидел подвижничество всей страны, всего народа. Вот как это звучит в романе «Испытание»: «Гудели барабаны, перетирали с грохотом и свистом свою суточную пищу в восемьдесят тысяч пудов рыхлого угля, выброшенного из-под земли шахтерами. Восемьдесят тысяч пудов сгорит как молния и понесется по кольцу, чтобы крутить тысячи станков, выбрасывающих на поля сражений эшелоны оружия, снарядов... А внутри раскаленной топки остервенело долбил киркой незаметный рабочий Терешкин, один из поколения русских людей, отбивающих яростную атаку врага по всему фронту».

И не гигант, не богатырь этот Терешкин, а самый обыкновенный, рядовой боец фронта: «Сколько раз придется бросаться в атаку с киркой рабочему Терешкину! Везде штурмы, атаки, напряжение, недостатки, а человек остается тот же, ангинами болеет, насморк ему мешает, поел не того — за живот хватается». А. Первенцев сочувствует своему герою: «Сколько навалилось на этого маленького человека!» Писатель возвеличил Терешкина. Такова сила любви к человеку в художнике и естественное «срабатывание» приема контраста в обрисовке характера или события.

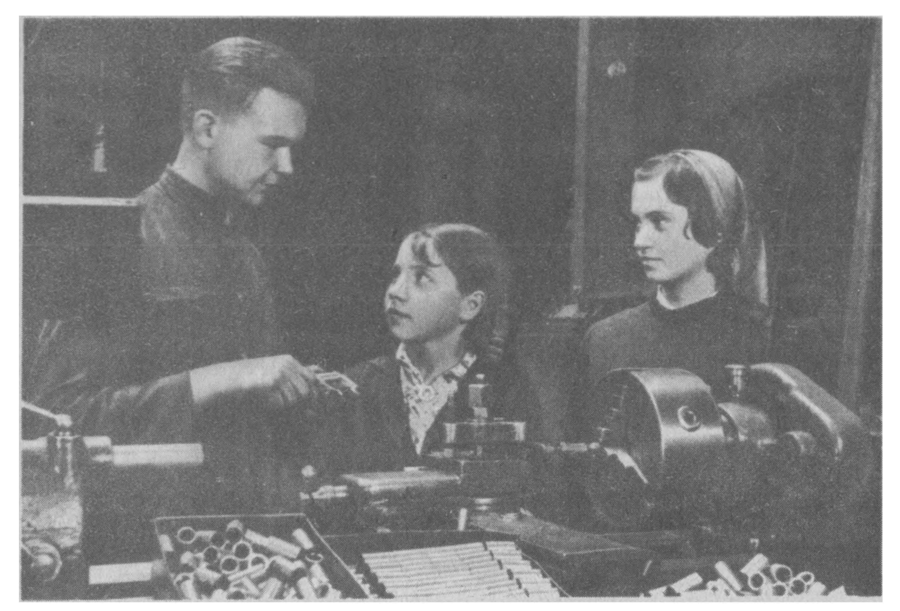
Арк. Первенцев восторженно изображает трудовой подвиг тех, кто в невиданно короткие сроки налаживает выпуск боевой техники, создавая цехи завода прямо под открытым, студеным небом. «Невероятное напряжение выдерживал народ. Беззаветно храбро, с редчайшей самоотверженностью трудился тыл. Жизнь или смерть! Вот лозунг тех почетных дней».

Остро поставленная проблема, открыто высказанное отношение писателя к происходящему, призывные выводы, обращенные к читателю, характеризуют роман «Испытание». Время заставляло писателя непосредственно обращаться к бойцу и труженику, мобилизуя его на тяжкий труд и вдохновляя его на смертный бой. В этом проступала общая тенденция литературы тех огненных лет. Писатели как одну из первоочередных задач решали в своих произведениях задачу пропагандистскую, когда слово художника, как и слово журналиста, должно было напрямую донести необходимую идею до каждого читателя. Так звучали рассказы М. Шолохова «Наука ненависти» и «Русский характер» А. Толстого, повесть Л. Леонова «Взятие Великошумска» и очерк П. Лидова «Кто такая Таня». Они же буквально пронизали и «Записки фрезеровщика Николая Шаронова», как определил жанровую особенность своей повести «Клятва» Ф. Гладков.

Прямое обращение к читателю героя «записок» дало возможность писателю почти документально рассказать о том, как на одном из уральских заводов начали трудиться эвакуированные ленинградцы-кировцы.

Герой Ф. Гладкова Николай Шаронов тоскует по родным оставшимся в блокадном городе на Неве. «Чтобы ослабить эту тоску,— признается герой,— твержу себе, что я и отсюда пробиваю блокаду Ленинграда. От нашей работы зависит число орудий и боевых машин. Я делаю в пять, в десять раз больше, а сегодня-завтра я оснащу свой станок так, что буду давать оружия в двадцать, в тридцать раз больше... в пятьдесят, в сто, черт возьми!»

Чувство глубокой причастности к великому, священному сражению с фашизмом дает силы Николаю Шаронову совершить новаторский, героический поступок: он сумел за смену выполнить сорок с лишним заданий. Его почин поддержал весь коллектив завода.

Мастер цеха Ленинградского завода В. Ф. Егоров, награжденный медалью «За оборону Ленинграда», обучает токарному делу комсомолок Веру Воробьеву и Нину Герасимову. Ленинград, 1943 г.

На фронте люди мужали, крепли в непосредственной схватке с врагом, мстя ему за страшные мучения, которые принесли оккупанты на нашу землю. Люди тыла горели этим же огнем священной мести. Таким мстителем рабочего фронта был и Петр Полынцев в повести Ф. Гладкова «Клятва».

«В нем никто не нашел бы никаких внешних перемен, но я-то хорошо видел, какая буря происходила в его душе. Его жгла одна мысль, одна жажда — мстить! Если он не может стрелять непосредственно на фронте, он должен разить врага, убийцу его девочки, отсюда. Гибель Верочки, безумие Наташи — это его личная мука, но эта мука неотделима от страданий миллионов людей, от моих страданий. Мы оба работали с одинаковой страстью. Но эта страсть выражалась у нас по-разному: он как-то угрожающе замолчал и ушел в себя, крепко сцепив зубы, а я кипел, волновался и нередко не в состоянии был управлять собой».

Николай Шаронов приходит к мысли, которая была близка героям «Испытания», «Предместья» и других произведений: «Мне кажется, что жить и работать в тылу — несравненно труднее и мучительнее, чем быть на фронте. Ненависть к врагу требует битвы с ним лицом к лицу. Расстояние в тысячи километров терзают душу тишиной неба и суровой трезвостью труда. Чтобы преодолеть эту отдаленность, недостаточно одного умозритель-

ного напряжения. Надо обладать острым чувством видения и страстью бойца, сердце которого кровоточит гневом...» И потому-то такие, как Шаронов и его товарищи по общему трудовому делу, воспринимали свое рабочее место как своеобразный участок фронта, и они шли «к своему станку, как боец к своему орудию». И потому-то клятвой звучат слова фрезеровщика, которые повторяют за ним товарищи по заводу:

«— Клянусь... ежедневно, ежечасно, без устали... увеличивать во много раз... выработку оружия и боевых машин... Клянусь... быть таким же беззаветным воином в тылу... как самоотверженный боец... на поле сражения... в беспощадной борьбе с врагами...»

И в этой повести, и в других произведениях периода Великой Отечественной войны зазвучали слова о понимании того великого подвига, который совершают советские люди во имя светлого завтрашнего дня будущих поколений.

«Пройдут года, десятилетия,— говорит Шаронов своим друзьям — ...Может быть, мы будем уже в могиле, а может быть — дряхлыми стариками... Жизнь после этих кровавых лет расцветет невиданной красотой. И новые люди, наши дети и внуки, будут вспоминать о нас как о героях. Они не будут знать о наших житейских мелочах, об эгоизме, о низких страстишках. Но наши страдания и радости, победы и поражения, успехи и неудачи они возвеличат. Про нас тогда будут говорить: это были богатыри, они боролись за свободу и счастье и несли свет миру. Нам будут подражать и учиться стойкости и упорству в борьбе...»

В этих словах звучит та самая патетика, которая отнюдь не была отменена суровостью жизни советских людей в годы военного лихолетья, а наполнилась новым содержанием и выражалась по-иному. И героическое напряжение, и энтузиазм, и творчество труда оказались удесятеренными осознанием грозящей беды, но насколько сдержаннее стало изображение их в произведениях военных лет! Нет, писатели не скрывали чувства восхищения подвигом тружеников тыла. Но описание труда коллектива воспроизводилось в иной тональности по сравнению с произведениями 30-х годов. Буйство красок уступало место черно-белой графике. Время как бы пригасило лучи прожекторов, приглушило песенную атаку рекордов. Слово обрело военную строгость, собранность, сосредоточенность. И вот что интересно: когда сегодня писатели обращаются к теме труда в годы Великой Отечественной, они невольно настраиваются на общую тональность того времени.

Стремление сохранить в первозданности подвиг советских тружеников, передать суровую правду времени в строгом облике рабочего человека требовало от художника в будничном увидеть красоту, в неприметном — величие, а в конечном счете — запечатлеть величие и красоту героизма советских людей в годину военных испытаний как на фронте, так и в тылу. И пожалуй,

наиболее цельно, органично и концентрированно сумел это сделать Николай Тихонов, ему удалось предельно сократить «расстояние» между событиями и их участниками, между душой человека и атмосферой времени. Словом, он не только в жизни нашел своего героя, но и сумел создать его индивидуальный и коллективный портрет. Не случайно его «Ленинградские рассказы» носят подзаголовок — «Черты советского характера». На такое определение идейно-тематического содержания сборника писатель имел право. Оно было подтверждено и художественно.

Война для Н. Тихонова была по счету четвертой. Блокада — первой. Писатель увидел, как человек преодолел нечеловеческие испытания в осажденном фашистами городе. Именно в таких, казалось бы, невыносимых, чудовищных условиях с наибольшей полнотой и наивысшей степенью откровенности проявилась подлинная героическая суть советского человека. Не пасть духом, выйти несломленными из жестоких испытаний, выстоять в смертельной схватке с врагом ленинградцам помогло необычайно сильное, обостренное фронтовым дыханием чувство организованности, сознания своего нерасторжимого единства со всем великим советским народом. Н. Тихонов писал: «Чувство коллектива было очень сильно в ленинградцах. Стали они, как бы породнившимися в осаде, и это чувство укрепляло силы людей и давало им мужество и бодрость...»

В марте 1942 года «Правда» опубликовала несколько «ленинградских рассказов» Н. Тихонова, среди которых были и такие известные, как «Поединок», «Люди на плоту», «Старый военный», «Мать». Высоко оценил его рассказы А. Толстой. Тогда же он писал, что Н. Тихонов «первый из нас, советских писателей, находит художественный язык, чтобы рассказать о герое нашего времени, о незаметных людях — чудаке-фотографе, старике военном инженере, о матери, о девушке, о детях, о прозревшем художнике: это русские люди, которые в тяжкие дни просто, незаметно и скромно нашли в себе нравственную высоту, и души их заблистали, как капельки алмазных слез... Новеллы Тихонова для наших дней значительны как первые вехи, намечающие пути к новому периоду советской литературы. Это будет огромный и блистательный период нового советского ренессанса, эпоха высокого гуманизма, где художник будет трудиться, высекая из мрамора в памяти будущим счастливым поколениям простой величественный образ героя-победителя»[1].

Примечательно, что все, о чем рассказано в новеллах, было лично пережито Н. Тихоновым, свой талант писатель отдал служению великому делу победы. Он бывал на передовой и в цехах заводов, выступал перед ранеными в госпиталях, сбрасывал зажигалки с крыш домов города, писал очерки, листовки, стихи, не зная усталости и перерыва в работе. Все подлин-

---

[1] Толстой А. Собр. соч., в 10-ти т. М., 1961, т. 10, с. 522.

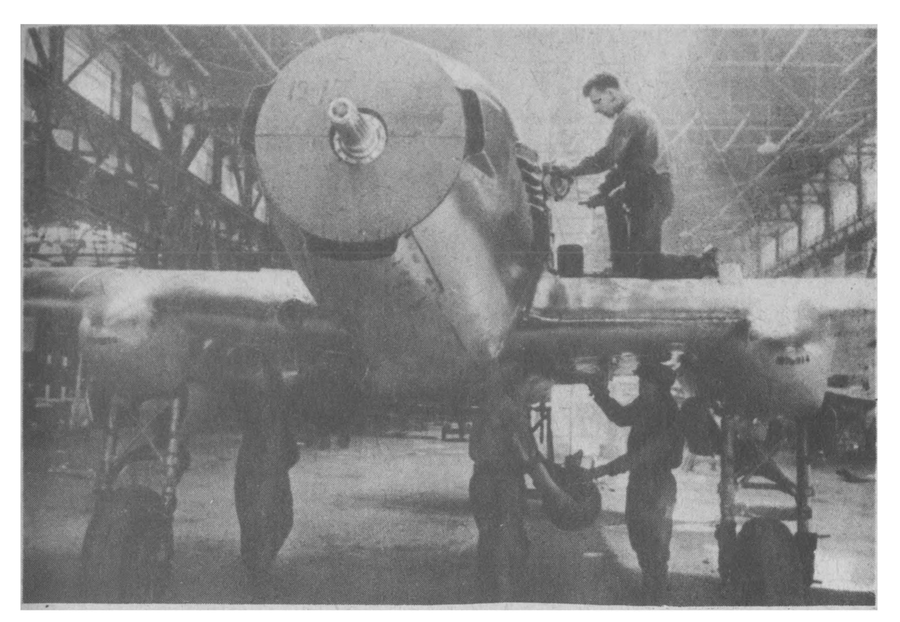
Токарь-комсомолец Н-ского завода В. А. Тихов, выполняющий нормы на 400%, за работой. Ленинград, 1943 г.

ное, искреннее, что встречал писатель в земляках-лениградцах, открывало ему сокровенные черты родного народа, яркие особенности национального понимания патриотического долга.

Духовные особенности нации, народа проявляются во всей их глубине и цельности в переломные, наиболее драматичные периоды истории, особенно во время грозных испытаний войной. «Мы русские! — писал Н. Тихонов.— С этим сознанием сражаются от моря до моря сыны гордого и свободного народа. Рядом со своими братьями, сынами всех народов Советского Союза, истребляют они подлое племя захватчиков. И в минуту смертного боя сердце их полно гордостью и сознанием, что за русскую землю бьются они и побеждают с такой выдержкой, с таким небывалым напряжением сил, с таким героизмом, какого никогда не поймет подлый и тупой враг наш»[1].

В рассказах и очерках Н. Тихонов стремился в каждом частном случае, в отдельной человеческой судьбе запечатлеть жизненную силу народа. Исторический оптимизм, романтическая приподнятость стали характерными приметами его произведений той поры. Во имя максимального выявления величия подвига народного Н. Тихонов сознательно выбрал в качестве героев своих новелл рядовых участников героической обороны Ленинграда, иногда не называя их даже по имени. И характеристики,

[1] См.: Гринберг И. Творчество Николая Тихонова. М., 1958, с. 277.

Подвеска испытательных бомб на самолет в одном из цехов самолетостроительного завода № 10, 1944 г.

которые давал им автор, совпадают даже лексически. «Она была самая обыкновенная девушка»,— пишет он о героине рассказа «Девушка на крыше». «Это работали не гиганты, а самые обыкновенные люди»,— читаем о ленинградцах, вышедших на расчистку города от снега.

Но в то же время творческая и гражданская сила художника превращала каждого обыкновенного человека в явление типическое, торжественное и великое.

Герои ленинградских рассказов и очерков Н. Тихонова выявляли свою принадлежность к трудовому народу и его великому делу не в словесных признаниях, а в поступках и через них обнаруживали черты своего нравственного облика. Порой это происходило буквально в мгновение. Так назван один из лучших рассказов Н. Тихонова, с героиней которого — Женей Стасюк мы знакомимся в критический момент боя. В «мгновении» фронтового эпизода писатель выявляет способность русской души воспламениться великой идеей, которая выводит человека на вершину героического деяния.

Ни бомбы, ни пули, ни потоки грязной клеветы на советский строй не смогли убить в ленинградцах душевной энергии, красоты, поколебать веры в победу. Они поклялись во имя достижения общей великой цели самоотверженно трудиться, только огнем металла и сердца можно выжечь на родной земле фашизм. И все делали во имя победы.

Трудовой героизм будней осажденного Ленинграда стал главной темой ленинградских рассказов и очерков Н. Тихонова. Запечатленная в них неисчерпаемость духовных и физических сил русского человека была ответом советского писателя тем, кто надеялся легко и быстро покончить с Советским государством.

Могущество народного духа, трудового энтузиазма было еще убедительнее оттого, что условия жизни ленинградцев, казалось, не оставляли никаких надежд.

Но жизнь свидетельствует, что именно в критические моменты истории Советского государства во всем величии и полноте и силе предстает перед миром не только характер русской нации, но и обнаруживается жизнестойкость основ строя, созданного гением Коммунистической партии Советского Союза и народа.

В решении этой темы мощным идейно-художественным звучанием выделяется среди других рассказов «Зимней ночью». В простой русской женщине Н. Тихонов открыл целый мир душевного могущества и бессмертия человека. И поныне этот рассказ заряжает сердца современников гордостью и энергией.

«Снаружи стены цехов темнели, как обледенелые скалы арктического залива. Казалось, жизнь замерла на всем пространстве, заваленном мерзлыми кусками металла, бочками, грудами шлака. Как застывшие волны, всюду подымались сугробы. Мрак январской ночи не освещался ни единым огоньком.

Если бы привести свежего человека и поставить его в безмолвии этого двора, среди мрака и снега, то он сказал бы, что находится в ледяной пустыне, за много километров от человеческого жилья. И однако, это был двор завода-гиганта...» И завод-гигант этот действовал, он жил удесятеренной энергией людских сердец, работающих для фронта, для победы.

Герой рассказа Потехин увидел пожилую женщину, колдовавшую с совком над формовочной землей. А рядом притулился полусогнувшийся человек. «Потехину показалось, что он крепко спит».

И он предложил отправить Тимофеича домой. Тут герой заметил, что совок в руках у женщины дрогнул, и она заплакала. Потом, «придвинув к нему свое лицо, она начала говорить, шевеля почти каменными от холода губами:

— Русский ты человек, скажи мне?

— Русский, конечно,— сказал Потехин.— Что с тобой, тетя Паша?

— Ну, раз русский, хорошо,— ты поймешь, тебе рассказывать много не надо. Ослаб мой-то, совсем ослаб, а все ходит, все работает. «Душа горит,— говорит он мне,— душа горит, Паша. Давай, давай быстрее!» А как быстрее — руки не идут. И самое от голода крутит. Говорит: «Совсем плохо мне». Я ему: «Не говори, старик, такого, отлежишься». «Не отлежусь,— от-

Фронтовая бригада Вл. Кафтанова на сборке самолета «Ил-2», 1944 г.

вечает.— Слушай меня: землю-то какую ответственную делаем! А ты-то не знаешь, сколько ее надо, как смешать — плохо умеешь. Учись-ка, повторяй за мной и смотри. И смотри...»

Всплакнув, тетя Паша продолжала:

«— У меня душа горит»,— говорил. И у меня, сынок, душа горит! Сказала ему: «Спи, Тимофеевич, отработал, уж я за тебя, за двоих сегодня землю нарою». Ишь сколько, смотри, и все мало. Мало мне, и мороз меня не берет».

И слова этой женщины об «ответственной земле» выводят думы Потехина к символическому обобщению: «Как она сказала,— думал Потехин, идя по цеху в его широкой темной холодине,— «ответственная земля». Да, хорошо старуха сказала: «ответственная земля! Ленинградская, родная, непобедимая!»

И этот трудовой подвиг тети Паши, как и подвиг Жени Стасюк, был частью подвига народного. Он складывался из боевых и трудовых «взносов» каждого, кто выкатывал на передовую орудие или, склонившись, вытачивал корпус снаряда на станке, кто пускал под откос фашистские эшелоны и до последнего колоска убирал в поле урожай.

Рядом с теми, кто варил металл танков и отливал пули, кто шил стеганки и шапки, кто восстанавливал разрушенные дома и выносил из-под обстрела раненых, трудились «девочки с тоненькими косичками и мальчики с серьезными лицами», ровесники нынешних школьников. Трудились наравне со взрослыми, сами став взрослыми. И не ведали ребята, что

творили настоящий подвиг, который достойн самых высоких, искренних и благодарных слов.

Они, писал Н. Тихонов, «стали большими помощниками взрослых, защитниками Ленинграда. Иной из них овладел мастерством, и все его уважительно называют Василий Васильевич». Продолжая тему очерка «Василий Васильевич», писатель вновь обращается к подвигу подростков в рассказе «Я все вижу».

«Это был редкий случай, что его (Тимофея Скобелева.— *Б. Л.*) отпустили с завода. Надо было выступить на одном небольшом собрании и рассказать о своей работе.

— Я не умею говорить,— сказал он серьезно.

— Иди, иди,— отвечали ему.— Ты у нас передовой, ты коротенько расскажи, как ты, работая по третьему разряду, выполняешь работу пятого, как слесарем стал, ну и еще что-нибудь.

Собрание было коротким.

— Время военное,— говорил он солидно, как бывалый производственник, и даже вызвал улыбки у присутствующих, когда сказал басом: — Из старых рабочих на моем участке остались только двое — я да Степанова. Все на фронт ушли, или заболели, или померли, или эвакуированы. Степанова старше меня. Ей примерно пятнадцать-шестнадцатый...»

«Не думай, что я маленькая,— говорит двенадцатилетняя Оля матери, решившей идти на завод, чтобы заменить уходящего на фронт мужа.— Теперь маленьких нет. Все мы большие. Идите оба, раз нужно, идите» («Семья»).

Кажущаяся взрослость слов девочки воспринималась как точное выражение военного времени и как самая верная характеристика советского человека: «Все мы большие».

Кадры фотохроники навсегда запечатлели великих подростков военных лет, подставлявших к станку ящики из-под снарядов, чтобы вытачивать снаряды. Наивны и не по-детски строги лица юных патриотов страны. Прикрасно сказал о них А. Первенцев в романе «Испытание».

«В цехе — триста семьдесят подростков, им приходится трудновато следить за работой станков, но ребята важно-сосредоточенные и гордые: вряд ли они думают сейчас о своем участии в патриотическом подвиге спасения отчизны, о том, что они уже сейчас люди красивой и пламенной легенды».

Дети делили все тяготы и лишения блокады со взрослыми. В городе не было света, топлива, продовольствия. Потом фашисты взорвали и водопровод. Но люди не сдались. Они жили, они боролись.

«Каждый день целые процессии шли по городу за водой, жуткие, длинные,— это шли непобедимые ленинградцы, которых ничто не могло сломить»,— писал Н. Тихонов в очерке «Так жили в те дни».

Передовики комсомольской бригады Н-ского завода В. Синиченко, В. Шевелев и Т. Новокрещегова за подготовкой продукции к сдаче. Сибирь, 1945 г.

Пришел март, и новый враг уже внутри города стал угрожать жизни людей.

«Целые бастионы снега, ледяные окопы окаймляли улицы, и, казалось, никакое солнце не растопит их.

А если они начнут таять, то город будет затоплен потоками грязной, мутной воды и улицы его превратятся в ущелья, по которым будут катиться шумные реки. В город придет эпидемия, и ко всем мучениям осады прибавятся заразные болезни, лихорадка, простуды.

И тогда на очистку города вышли все ленинградцы».

И ленинградцы победили. Как салют в честь победы прозвучал первый трамвайный звонок. Люди бросали работать, смотрели на трамвай, идущий по Невскому, «смотрели как дети на игрушку... и вдруг раздались аплодисменты десятков тысяч. Это ленинградцы овацией встречали первый воскресший вагон. А вожатая вела вагон и стряхивала слезы, которые набегали на глаза. Но это были слезы радости, и она вела вагон, и плакала, и не скрывала слез».

Читая произведения тех лет о трудовых буднях тыла, обостренно понимаешь, что советские писатели сумели раскрыть бессмертие ленинской мысли о непобедимости народа, ставшего хозяином жизни.

СВЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Отгремели победные залпы. Завершилась Великая Отечественная. Наступил долгожданный мир. Тысячи фронтовиков устремились домой, к неотложным делам, к работе, по которой так истосковались их руки за годы войны. Завтрашний день, будущее представлялось не безмятежным. Знали, что вновь придется работать не покладая рук, восстанавливать разрушенное войной хозяйство.

Естественно, что о будущем, о своем долге перед народом на новом этапе жизни страны думали и советские писатели. Свою основную задачу они видели прежде всего в раскрытии подвига ратного и трудового в годы Великой Отечественной войны.

Уже 15 мая 1945 года в Москве в Большом зале Политехнического музея начал работу Десятый пленум правления Союза писателей СССР, на котором с докладом о состоянии советской литературы выступил Н. С. Тихонов. Приведя многочисленные примеры высокохудожественного осмысления народного подвига в произведениях военных лет, он сделал вывод: «Да, у нас есть героическая, высокая, стремящаяся вперед литература».

Подводя итоги осуществленного, писатели говорили о том, как углубить исследование героической природы советского человека, вернувшегося с поля боя победителем.

Об этом немало размышляли на пленуме писатели, и в частности А. Т. Твардовский. «Мы все понимаем,— говорил он,— что достоинство человека, победившего в этой войне, очень возросло. Человек, который прошел от Волги до Берлина, знает себе цену — не то, чтобы он кичится, но он относится к себе уважительно. У каждого писателя есть свои герои, контингент людей, подвластных данному художнику. И каждый из нас должен теперь представить себе их возвращение домой — в деревню, в город ли,— представить себе и показать, что великая радость победы — это действительно ни с чем не соизмеримая радость, и, может быть, именно тем она особенно дорога, что за ней много тяжелого, невозвратимого, много крови, слез и мучений. Теперь, когда война кончилась, возможна известная идеализация отношений и быта войны, и некоторые люди, вернувшись к будничному порядку трудовой мирной жизни, не без конфликтов и эксцес-

сов воспримут ее... Есть множество и других проблем, с которыми столкнется наш герой после войны...»[1].

Чтобы одолеть разруху, чтобы одерживать все новые трудовые победы, необходимо, считала партия, не только повышать производительность труда, внедрять новую технику, но улучшать идеологическую работу в массах. А роль художественной литературы в этом деле трудно переоценить.

В русской советской прозе 40-х — начала 50-х годов со всей очевидностью наметилось три главных проблемно-тематических пласта: Великая Отечественная война, современная жизнь и борьба за мир. Конечно, наибольшее место в текущем литературном процессе занимали произведения о войне. Заметных успехов добилась проза и в овладении темой современности. Здесь прежде всего выделялись произведения, которые рассказывали о трудностях перехода от войны к мирному времени. Тем самым они своим содержанием преодолевали действие бытовавшей в те годы так называемой «теории бесконфликтности».

В послевоенной прозе было немало произведений о современности, которые жизненно правдиво и художественно убедительно рассказывали о людях труда, о сложностях в их повседневной практике. Среди них выделялись «Счастье» П. Павленко, «Сталь и шлак» В. Попова, «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Водители» А. Рыбакова, «Земля Кузнецкая» А. Волошина, «Кружилиха» В. Пановой, «Высота» Е. Воробьева, «Искатели» Д. Гранина и, наконец, «Журбины» Вс. Кочетова. Их авторам удалось художественно полноценно воспроизвести конфликты в социально-нравственной сфере. Производственные коллизии выявили нравственный мир трудового человека с наибольшей степенью открытости. Писатели как бы приблизились к рабочим местам своих героев и увидели не просто технику, а прежде всего одухотворенного человека, владеющего этой техникой.

В центре каждого из названных произведений люди активной жизненной позиции, люди волевые, целеустремленные. Собственно, такими были и герои произведений 30-х годов. И это постоянство в выборе подобного типа героя было обусловлено не субъективными причинами. В нем с наибольшей полнотой выражается суть советского образа жизни. Для художника социалистического реализма всегда плодотворно общение с людьми, преобразующими мир и себя в нем. И потому, исследуя социально-нравственную атмосферу их конкретной деятельности, взаимоотношений в трудовом коллективе и в быту, писатель обязательно сумеет отразить в своем произведении какие-то существенные стороны жизни общества в целом. В справедливости вывода убеждал опыт лучших произведений прошлых десятилетий, убеждают и достижения литературы наших дней.

---

[1] Литературная газета, 1945, 22 мая.

В самом деле, разве не такой глубиной и широтой обобщения социального обновления общества отличался роман «Соть» Л. Леонова при всей его «привязанности» к конкретной стройке и к жизни тех, кто возводил бумажный комбинат? Разве не этим соединением двух планов изображения интересен и сегодня роман В. Ажаева «Далеко от Москвы»? В основу его положена история строительства нефтепровода в дальневосточной тайге тяжкой зимой 1941/42 года. Ценой напряжения всех нравственных и физических сил коллектив строителей сумел выполнить задание партии и правительства — дать фронту нефть, необходимую для победы над врагом.

В этом событии, обычном для военных лет, писатель сумел запечатлеть мужество и патриотизм советского рабочего класса. Каждый из строителей — от начальника строительства Батманова до шофера Сморчкова — ощущает себя участником всенародной битвы с фашистскими захватчиками. В далекой тайге в горячих буднях стройки чувствовалось дыхание боя: и потому, что каждый переживал о близких и родных, встречавших грудью врага на передовой, и потому, что напряжение работы чем-то было похоже на боевую обстановку.

В. Ажаев скупыми, но точными штрихами сумел передать героику труда коллектива строителей нефтепровода. С особой теплотой описывает он подвиг мастеров своего дела — Ивана Батурина, несколько дней не уходившего от своего станка, тракториста Силина, отдавшего все свои сбережения на постройку танка, рыбака Карпова, помогавшего прокладывать нефтепровод под водой, сварщика Умару Магомета, работавшего на сварке за четверых.

С нескрываемым восхищением написаны страницы романа, посвященные комсомольцам-связистам. Городские ребята не дрогнули перед морозами, снежными заносами, протянули над таежными буреломами линию связи. Возглавляет их обаятельная и милая девушка — инженер Таня Васильченко. Скажи этим ребятам раньше, что они смогут одолеть выпавшие на их долю трудности, они не поверили бы. И откуда только взялись в них мужество, выносливость, самоотверженность! Они достойно представляли молодое поколение страны, продолжая трудом своим эстафету подвига поколения Корчагина. Им понятно самопожертвование рабочих стройки, забота о Красной Армии. Когда наступила суровая зима, читаем в романе, «у строителей почти не было одежды, но все-таки они отказались от государственных фондов, а то, что было получше, отдали Красной Армии сами же оделись в бушлаты и телогрейки, пошитые из обмундирования, которое было списано в утиль воинскими частями».

Если нефтепровод, о котором рассказывалось в романе «Далеко от Москвы»,— стройка огромная, объект государственной значимости, то место действия романа А. Рыбакова «Водители» — обычная автобаза, о которой один из персонажей его — шофер

Максимов говорит так: «Подумаешь, какой Магнитострой! Таких паршивеньких гаражей, как наш, по Советскому Союзу тысячи». Звучащее в словах пренебрежение к своей автобазе не что иное, как выявление содержания человека, самохарактеристика Максимова — работника недисциплинированного, ленивого. Полная противоположность ему в романе — шофер Демин, грузчик Королев, диспетчер Валя Смирнова и другие. Они относятся к своей работе с чувством высокой ответственности, которое несет в себе понимание государственного значения всякого труда в социалистическом обществе. И потому убедительной представляется их борьба с бюрократами, комбинаторами, рвачами.

Показывая каждого в сфере производства и в общественном деле, А. Рыбаков настойчиво и целенаправленно проводит мысль о том, что обычное в нашем обществе не синонимично заурядному, будничное не исключает героичности труда влюбленных в свою профессию людей. Об этом повествует начало одной из глав романа.

Выходящий рано утром из гаража поток машин растекается по улицам города, по шоссейным дорогам, которые идут в Москву и районные центры. «Поток превратился в сто отдельных подвижных точек, разбросанных на огромном пространстве,— оно зовется коротким словом «линия». Держать каждую из них под контролем невозможно, организовать их работу необходимо Человек, который руководит эксплуатацией, должен быть гибким, чтобы примениться к условиям перевозок, и достаточно твердым, чтобы не стать их рабом. Он должен обладать большим размахом и не упускать мелочей, из которых слагается работа шофера на линии. За одной машиной он должен видеть весь парк, за всем парком — каждую машину. Он обязан широко мыслить, ибо две тонны разного груза весят по-разному — это опреляется их государственной значимостью».

Рассказу о творческом начале характера рабочего человека писатель посвящает сцены, в которых люди проявляют себя на своих рабочих местах. Не только мастером своего дела предстает шофер Демин, но настоящим товарищем, строгим в своей доброте наставником. Он охотно делится «секретами» профессионала, накопленными за долгие годы работы, не откажет в помощи, когда нужно найти неисправность в машине и устранить ее. Но он же не пройдет мимо фактов бесхозяйственного отношения к технике, крепким рабочим словом осудит тех, кто подрывает авторитет рабочего человека. И в этом беспокойстве за общее дело Демин удивительно похож на директора автобазы Полякова, который советует экономисту Попову: «Леонид Иванович! Там, где вы видите семьдесят два процента груженого пробега, я вижу двадцать восемь процентов порожнего. И я хочу, чтобы каждому рабочему отчет прежде всего показывал все его потери. Понимаете? Отчет — это не мармеладка, а пилюля: чем она горше, тем лучше действует».

Сегодня мы имеем прекрасную возможность оценить гражданскую зрелость и художественное умение, проявленные советскими писателями в раскрытии героической атмосферы жизни первых послевоенных лет. Эта атмосфера создавалась честным, подвижническим трудом советских людей на различных участках народного хозяйства, людей, которые видели в своем деле государственную значимость.

В произведениях тех уже далеких лет писатели стремились показать читателям живые, вдохновенные портреты современников, запечатлеть в их трудовых достижениях общие завоевания советского народа первых послевоенных лет. А они были поистине впечатляющими. К 1948 году оказался достигнутым и даже превзойденным уровень довоенного 1940 года по общему объему выпуска промышленной продукции. Героический трудовой подъем обеспечил досрочное выполнение и перевыполнение четвертого пятилетнего плана (1946—1950). Успешно выполнялись задания пятой пятилетки. Строились грандиозные электростанции на Волге, на Дону, на Днепре, в 1954 году была пущена первая в мире атомная электростанция. Все это открывало новые грандиозные перспективы в строительстве народного хозяйства, а вместе с тем требовало от искусства и литературы шагать в ногу со временем.

Об этом, в частности, говорилось в Приветствии ЦК КПСС Второму съезду писателей (1954), который подводил итоги развития советской литературы за двадцать лет и намечал пути ее в будущее. Выступая на съезде, писатели касались самых разных вопросов: их интересовали проблемы положительного героя и производственной темы, профессионального мастерства и сближения литератур народов СССР, упрочения связи литературы с жизнью советских людей.

О развитии темы рабочего класса говорил на съезде Вс. Кочетов. В художественном овладении темой труда, создании героического облика советского человека, отметил он, у советских писателей было немало удач, но были и издержки. Если на ошибках учатся, то положительное развивается дальше, обогащается работой молодых писателей. Именно это и позволило автору «Журбиных» сказать, что «мы теперь знаем, как в книгах обращаться со всякого рода производственными процессами, чтобы они не только не заслоняли человека, а, напротив, помогали бы ярче его раскрыть»[1].

В прозе 50-х годов особо ощутимо стремление писателей обнаружить в нравственном мире рабочего человека готовность к повседневному трудовому подвигу, который каждый совершает, не ведая того, просто работает, делает свое дело, исполняет свои обязанности. Суметь увидеть сквозь будничность и текучку повседневности героическую сущность человека труда — задача

---

[1] Кочетов Вс. Искусство жить. М., 1979, с. 24—25.

чрезвычайно сложная для художественного решения. И прежде всего потому, что, как мы уже говорили, будничный героизм менее податлив для эстетического выражения, чем подвиг воинский или даже трудовой, но в экстремальных условиях. Героическое же, взятое в будничном варианте, постоянно должно определять «диалектику души» героя. Художники, следовавшие этому принципу, как раз и добивались несомненной удачи в изображении жизни рабочих коллективов, в которых проходили или проходят свои трудовые университеты их герои. И тогда сугубо профессиональные проблемы обретали смысл общественных, социально-нравственных, что вело к эстетическому постижению производственных коллизий, а точнее — мира людей, занятых своим насущным делом.

«СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ ИЛИ ЖИЗНЕННАЯ ПРОГРАММА?»

Шел последний год войны. Герои романа В. Пановой «Кружилиха» жили ожиданием победного ее завершения, делая все возможное для того, чтобы приблизить час Победы. С одним из героев этого романа, генералом Листопадом, мы встречаемся в тот момент, когда он опаздывает на городской партактив.

Роман Веры Пановой «Кружилиха» сразу же вызвал большую дискуссию в критике. Характеризуя ее, И. Гринберг писал: «Должно быть, здесь имела значение и решимость, с которой писательница оставляла своих героев «с глазу на глаз» с читателями, отказывалась от каких-либо объяснений, акцентов, прямых оценок, выражающих авторскую позицию»[1]. Правда, уточняет далее исследователь, В. Пановой глубоко симпатичны люди, хорошо и умело работающие, чувствующие себя на заводе, словно дома, дорожащие его славой и традициями.

И не случайно в центре внимания автора постоянно находятся рядовые рабочие, то представители старой гвардии Веденеев или Мартьянов, то люди среднего возраста — Семен Лукашин и Марийка Веденеева, то совсем еще юные рабочие, подростки. Причем писательнице каждый персонаж по-своему дорог. Взять хотя бы Лидочку Еремину — виртуоза в своем деле. В свои восемнадцать лет она отмечена за труд орденом «Знак Почета». Но сколько в ней мещанского эгоизма, холодного расчета, душевной черствости. Писательница не убыстряет неумолимый ход переделки характера Лиды. Лида еще не осознала происходящих в ней изменений, не откликнулась сердцем на суровую доброту товарищей по цеху, по заводу. И конечно, не может ответить на тот главный вопрос, какой со всей очевидностью поставит и перед ней жизнь: ее приход на завод — это страничка биографии или программа на всю жизнь?

---

[1] Гринберг И. Точка опоры. Труд, художник, литература. М., 1969, с. 99.

Именно эта проблема и составляет главный нерв романа «Кружилиха», задает этот вопрос и главный конструктор завода Владимир Ипполитович молодому специалисту Нонне Сергеевне Ельниковой.

«— Я хотел поговорить с вами о вашем будущем. Вы как, серьезно собрались посвятить себя технике?

— Я не понимаю вас,— сказала она,— что вы имеете в виду?

— Что для вас машины? Страничка биографии или жизненная программа?»

И ответом на аналогичный вопрос представляется дорога в новую жизнь вчерашнего сержанта Семена Лукашина, который изменил своей прежней канцелярской работе и пошел на завод, встал к токарному станку. Время со всей определенностью требует ответить на этот же вопрос и Толю Рыжова, и его дружков, которые не решили пока, каким будет их будущее, насколько крепко связали они себя с заводским коллективом. Ответить так, как однажды сделали это и Веденеевы, и председатель завкома Уздечкин. Не считаясь с самолюбием директора Листопада, Уздечкин однажды сказал ему: «Тебе Кружилиха что? Ты до нее, может, на десятках предприятий побывал. У меня тут и дом, и семья, и родина, и отцовская могила, и все!..»

Герои Пановой — люди со стержнем, с глубоко осознанным пониманием своего места на земле. В профессиональной определенности для них скрыты чувства ответственности, ревности за порученное дело, своего долга перед коллективом и обществом. Бывает, что люди эти не всегда понимают друг друга, не сразу находят общий язык, нередко руководствуются личным впечатлением там, где следовало бы больше полагаться на объективные факторы совместной работы на предприятии. Таков, в частности, по природе своей конфликт между Листопадом и Уздечкиным, наметившийся в самом начале романа после выступления на партактиве Уздечкина. В конфликте этом концентрированно сосредоточились жизненные и производственные вопросы, которые предстояло решать партийным и хозяйственным руководителям совместно с рабочим коллективом, решать в свете тех уже ощутимых перемен, какие будут обусловлены изменением режима работы предприятия в условиях мирного времени.

Многие проблемы производственной жизни открываются теми сторонами, которым во время войны не придавалось первостепенного значения. «В те годы сместились обычные понятия о рабочих часах, об отдыхе, о служебных обязанностях. Сутки не делились на часы, ночь была не для сна. Силы людей удесятерились, и все жили известиями с фронтов, в великом напряжении ожидая неизбежного перелома событий».

Вот почему эти же вопросы, но уже по-иному, более остро и волнующе повлекли за собой другие, касающиеся взаимоотношений руководства завода и завкома, четкой отлаженности

графика производства и технической учебы, совершенствования условий труда и организации быта рабочих. Споря с требованиями председателя завкома к нему как к директору, Листопад постепенно раскрыл и положение, сложившееся на предприятии к моменту назначения его на пост директора, и те первые шаги, предпринятые им, которые позволили наладить не только выполнение плана заводом, но и его перевыполнение.

Хотя в этих листопадовских суждениях многое, казавшееся ему второстепенным и третьестепенным, сбрасывалось со счета, оно тем не менее не исчезало из жизни, а ждало своего неотложного решения.

«Все было, все. Зажимал, нарушал, подменял. Только не из желания самодержавно властвовать: от несчастной страсти непременно самому во все вмешиваться, собственными руками поднять всякое дело, хоть большое, хоть маловажное. Может, оно и не очень разумно. Даже, наверно, совсем не разумно, да что поделаешь: такой характер».

А уже вскоре секретарь горкома Макаров со всей откровенностью скажет Листопаду о тех самых новых требованиях, которые непременно поставит перед ним, директором завода, послевоенное время.

«Вы знаете,— сказал Макаров,— на что сейчас пойдут все силы народа; и если ваша новая эра начинается с недоразумений между дирекцией и профсоюзом, то плохое это начало. Вы ссылаетесь на разность вкусов и склонностей,— не знаю. Не могу входить в такие тонкости. Но объективно это выглядит так, что вы не переносите критики и иногда теряете принципиальность».

Макаров развивает свою точку зрения на существо возникшего конфликта между завкомом и дирекцией, а затем вскрывает корни его. С точки зрения партийного руководителя города причина в системе управления заводом, какая исповедуется Листопадом.

«— Вы как будто не заметили, что война кончилась,— говорит директору Макаров.

— Вот как — не заметил?

— Или не придали этому должного значения. Сейчас уже невозможно руководить заводом так, как в военное время. Это, конечно, очень эффектно, когда без директора станка не настроят, но объективно — опять-таки объективно — это выльется в зажим, в подмену и прочее такое...»

Включившись в разговор, парторг Рябухин продолжает мысль секретаря горкома: «Вот объявят новую пятилетку... Волной хлынет инициатива! Попробуй единолично управиться...»

После ухода Листопада из кабинета секретаря возникший разговор продолжается. Макаров и Рябухин говорят о жизненной программе директора завода, в которой ведущим принципом оказывается волевое начало. Листопад, подчеркивает Ря-

бухин, человек талантливый, удивительно работоспособный, буквально горящий на работе.

«— Талантливые люди у нас на каждом шагу,— сказал Макаров.— И не ленятся, и не лукавят, и горят на работе не хуже твоего Листопада. Не в этом дело... А в том дело...— Макаров подумал, ему было трудно выразить свою мысль в точных словах.— Дело в том, что одни работают, жертвуя чем-то своим личным: долг выполняют... С радостью выполняют, с готовностью, с пониманием цели,— а все-таки каждую минуту чувствует человек: я выполняю свой долг. А такие, как Листопад, ничем не жертвуют, они за собой и долга-то не числят, они о долге и не думают, они со своей работой слиты органично, чуть ли не физически. Ты понимаешь: успех дела — его личный успех, провал дела — его личный провал, и не из соображений карьеры, а потому, что ему вне его работы и жизни нет. Ты понимаешь: для других пятилетний план завода, а для него — пятилетие его собственной жизни, его судьба, его кровный интерес, тут вся его цель, и страсть, и масштабы его, и размах — что хочешь».

Как бы ни развивалось действие романа, какие бы новые персонажи в него ни включались, заявленный в начале конфликт остается ведущим. Он как бы растворен во всем, о чем бы ни заходила речь в повествовании: о семейной ли жизни, о любви ли, о домашних ли хлопотах и заботах. Его пульс ощутим во всем: что для тебя завод, его настоящее и будущее, что для тебя техника, ее сегодняшнее состояние и завтрашний день, что все это для тебя — вынужденная посадка или безостановочный полет?

Люди, испытавшие лишения в тылу, сознательно шедшие на жертвы в условиях военного положения, начинали всерьез задумываться о завтрашнем дне. И понимали, что строить это завтра будет нелегко. Так или иначе, но каждый персонаж романа высказал свое мнение о завтрашнем дне. И в этом была правда времени, которую по-своему ощущала, понимала и оценивала писательница, воплотив в философию жизненной позиции каждого из героев «Кружилихи».

Многие страницы романа оказались созвучными общим проблемам советской прозы, что обращалась к жизни рабочего класса в годы Великой Отечественной войны. Но в подлинном искусстве традиционное отнюдь не исключает новизны, потому что художник использует привычное для передачи собственного отношения к той жизненной ситуации, о которой пишет.

Интересны страницы романа, посвященные заводу, открывающемуся глазам Семена Лукашина, впервые оказавшегося здесь. «Десятки людей обгоняли Лукашина. Некоторые были в шинелях, как и он.

Словно из земли поднялся медленный, торжественный гул, разросся в устрашающий, оглушающий рев,— второй гудок; через четверть часа начнется смена.

«В добрый час»,— торжественно и взволнованно повторил про себя Лукашин.

И как в армии, почувствовал себя опять одним из многих, ратником огромной рати. И подумал: хорошо. Пусть всегда будет так».

Прекрасны страницы в романе, написанные В. Пановой о подростках. О юных рабочих мы узнаем из информации «от автора» и из воспоминаний рабочих о том, как впервые подростки появились на заводе, из рассказов мальчишек и девчонок, ставших равноправными членами трудового коллектива огромного завода.

Если Н. Тихонов в «Ленинградских рассказах» и А. Первенцев в романе «Испытание» констатировали суть героического поведения подростка, видели в факте их становления бойцами трудового фронта только высокое и возвышенное, то В. Панова рассказывает о том, каким образом, по каким причинам эти ребята оказались на предприятии, что привело их в ряды рабочего класса. Отсюда многогранность коллективного портрета подростка, созданного в «Кружилихе».

Узнав от комсомольского вожака завода Саши Коневского, что один из подростков прогулял неделю, Листопад размышляет о том, что в годы войны много подростков пришло на завод. «Одни пошли по горячему желанию быть полезными родине в тяжелую минуту; других погнала нужда: отцы-кормильцы воевали, надо было поддержать семью.

Из этих молоденьких многие оказались хорошими работниками, о них говорили на собраниях, писали в заводской газете, и Листопад знал их в лицо». Знал Листопад и Лиду Еремину, и Костю Бережкова, и еще нескольких, а вот Тольку Рыжова, как и многих-многих других, не знал: не интересовался теми, у которых «не было никакой славы».

Писательнице важны раздумья героя о воспитательной работе в коллективе, о сложностях и трудностях ее. В многотысячном коллективе не просто сочетать общее руководство с индивидуальной работой. Листопад решил — надо заняться ребятами.

Впервые директор завода встретился с Толей Рыжовым и его товарищами. Общение с ними открыло Листопаду их характеры, условия их жизни. Казалось, было не до ребят, но директор приказал улучшить жизнь подростков в юнгородке. Оказалось, улучшать условия быта и досуга людей после войны было непросто. И не потому, что бытовыми удобствами не занимался никто и никогда, а потому, что об этом люди особенно не думали, главным — было производство. Пришло время, и новые требования «сформулировал» Уздечкин.

По мнению рабочих старшего поколения, быт имел печальную репутацию мещанского.

Вот, например, как относился к быту парторг завода Сергей Рябухин, выходец из потомственной пролетарской семьи.

«Жизненные удобства,— читаем в романе,— не имели для него большой цены; общежитие или отдельная комната — ему было неважно. Он и в общежитии занимался своими делами — читал, писал, готовился к докладу. Была у него как бы дверца в мозгу: захлопнет ее и не замечает окружающего...»

И такая установка героя на вопросы быта напоминает в чем-то существенном точку зрения Подопригоры в романе А. Малышкина «Люди из захолустья». Да и Листопад высказывает аналогичное суждение в ответ на жалобу Уздечкина, что быт буквально на ногах висит и не дает возможности заниматься в полную силу реконструкцией предприятия.

«А что быт? — сказал Листопад успокоительно.— Часть жизни. Чай вон пьешь? Бреешься? Детишки есть? Вот и быт. Ничего такого страшного...

— Хочу счастья для каждого человека! — сказал Уздечкин, не слушая его.— Хочу жизни ясной и светлой для всех...»

Да, таков был новый взгляд на проблему. Человеческое счастье не мыслится вне решения бытовых вопросов. Писательница высказала мысли, казавшиеся в те годы не просто смелыми и дерзкими. Они казались даже неверными. Война приучила людей «мыслить шире, в больших масштабах: приходилось думать о громадных территориях, громадных материальных ценностях, о судьбах народов. Ничто не измерялось грошами, счет шел на миллионы и миллиарды, чего бы ни коснулось. В какой-то степени по направлению мыслей они все стали государственными людьми...» А тут какой-то быт, забота о семейном уюте!

Да, требовалось еще немало сил, энергии, да и времени, чтобы, с одной стороны, появилась реальная возможность в государственном масштабе всерьез быть готовым к решению проблем быта, с другой стороны, переломить явно устаревшее отношение к бытовым проблемам. И вместе с тем их уже нельзя было откладывать на потом. Люди выстрадали и заслужили хорошую жизнь.

Обращение к сфере заводских будней требовало от писательницы проникновения в деятельность своих героев. И она показывает их в деле, используя при этом немало традиционных приемов раскрытия «живой души» в «бездушном» инструменте, который оживает в руках умельца. В. Панова сумела передать и творческое начало в работе как пролетария, так и инженера-конструктора. Это начало прежде всего выявляется в полной самоотдаче человека любимому делу, на которое он и смотрит прежде всего как на жизненную программу. Об этом, в частности, говорил молодому инженеру Нонне Сергеевне главный конструктор, поверив в серьезность ее намерений стать настоящим специалистом своего дела. Поверил не с ее слов. Она доказала свою увлеченность, свою любовь к профессии преодолением сложностей и трудностей в конструкторской практике.

Вот почему разоткровенничался с нею главный конструктор: «Наше дело, как всякое искусство, требует жреческого служения». И продолжал: «Что такое настоящий конструктор? Он должен быть металловедом, механиком, моделистом, литейщиком. Должен знать термообработку, электросварку, инструмент — и быть художником. Обязательно быть художником! Науки конструирования нет, как нет рецепта, как написать «Войну и мир». Мы идем дорогами творцов.

Разговор становился интересным.

— Художник,— сказал главный конструктор,— это человек, обладающий чувством прекрасного. Конструктор машины должен обладать чувством прекрасного. Ощущение меры, формы, габаритов мне необходимо не меньше, чем Рафаэлю».

Старик Мартьянов, подручным к которому определен Семен Лукашин, объясняет ему суть профессии: «Токарное дело...— умное дело. Требует души и изящества. Душу тебе придется вкладывать с первых дней, а изящества достигнешь со временем».

В традиционном решении той или иной задачи изображения заводского мира писательница находит новые возможности, с помощью которых полнее раскрывает характер рабочего человека. Она нашла такие свойства рабочего уменьца, которые и дали возможность показать особенность внутреннего мира, воспитания, поведения его. Особенно интересно описала В. Панова работу Лиды Ереминой.

Лида явилась перед заводчанами этакой «маменькиной дочкой». В этой «дочке» уживалось много такого, что именуется отрицательными чертами характера. Стремление к позе, расчет на эффект проявился и в ее работе. Привычные и монотонные, казалось бы, операции она выполняла виртуозно и красиво. При этом В. Панова не обошла вниманием технологический процесс труда Лиды.

«Первая операция: вставлять капсуль в корпус. Лида сидела в голове конвейера. Капсули похожи на крохотные графинчики, с наперсток величиной: горлышко графинчика — сосок капсуля. Сторона, противоположная соску, обернута фольгой: прямо — елочная игрушка.

Около Лиды ставили ящики с капсулями: по пятьсот штук в ящике; особая упаковка, сургучная печать на веревочке, приклеенной мастикой,— сверху, как откроешь, лежит аттестат... Лида выработала специальные жесты: шикарно — молниеносным движением пальцев — срывала пломбу, шикарно — как бросают карту, которая выиграла,— бросала аттестат на конвейер... Норма на закладку капсуля была сперва одиннадцать тысяч за одиннадцать часов, потом, поднимаясь постепенно, дошла до двадцати двух тысяч. Лида делала пятьдесят пять. Один раз она попробовала работать еще быстрее и сделала шестьдесят три тысячи. Но после этого у нее дрожали руки, и она

почувствовала себя выжатой, опустошенной,— испугалась и запретила себе это делать: лучше отказаться от громких рекордов, но уже держаться на двух с половиной нормах и не сдавать этих позиций ни за что!»

Здесь передано многое: последовательность трудовых операций, нравственное и физическое напряжение, тяжесть психологической перегрузки. Но над всем этим господствует это найденное точно и эмоционально действенное определение того, как работает Лида: блестяще. В ее работе обнаруживает себя натура девушки, ее стремление выделиться среди других.

Раскрывая красоту человеческого труда, рожденную любовью к профессии, к делу или же юношеским стремлением быть лучше всех, В. Панова доказала, что сделать это может только тот художник, кто не просто знает людей и их дело, но и любит их. Вместе с тем она умеет видеть в каждом не только доброе, но умеет и оценивать своего героя по заслугам.

Справедливости ради надо сказать, что не все в романе равноценно. Особенно обедненной оказалась психология «командиров» производства, хотя в общем объеме произведения им отведено больше места, чем другим персонажам.

Попробуем же сегодня понять, отчего в романе оказались не совсем убедительными образы Листопада, Рябухина, Уздечкина.

Конечно, В. Панова и не ставила перед собой задачу показать во всем объеме деятельность этих героев. Она свела их в конфликте, который, с точки зрения писательницы, выражал одну из ведущих проблем мирной жизни и требовал пересмотра вчерашнего понимания ее. Такое целенаправленное обращение к конфликту, такое жестокое следование анализу возникающих вопросов личной жизни в свете требований к человеку со стороны общества и постоянное наблюдение за происходящими событиями сквозь призму концептуального взгляда на мир, естественно, обеднило каждого из названных героев, ограничило проявление многосторонности их характеров. Ощущение уязвимости такой жесткой заданности героев потребовало от писательницы включения в ткань повествования «объясняющих» слов в отношении каждого из них или же пространных суждений других персонажей о них. И комментирование, и изустная характеристика каждого оказались не всегда органичными в романе, и это привело к некоторым просчетам в художественном решении сложной темы.

Но в другой линии романа, связанной с жизнью рабочей семьи Веденеевых, писательница более убедительна при всей, казалось бы, традиционности изображаемого. Правда, и здесь нередко в повествование о Веденеевых вторгается пересказ, излишнее информирование вопреки изображению. Но в главах, где В. Панова показывает старого рабочего Веденеева, его товарищей и домочадцев в работе, романный текст обретает упругость, а изображение — объемность.

Новизна начавшихся перемен в жизни рабочего человека в послевоенные годы потребовала глубинного вторжения в сферу рабочей семьи, несущей на себе отсвет процессов, послевоенной жизни.

«ВОТ НАШ С ТОБОЙ ПОРТРЕТ...»

В 1952 году вышел в свет роман Вс. Кочетова «Журбины». Органично продолжая традиции прозы предшествующих десятилетий, роман этот отражает новизну качественных перемен в сфере производства. Время обогащало традиции, формировало и новое освоение прежних тем. Если попытаться хотя бы пунктирно раскрыть специфику этой новизны, то прежде всего следует отметить возросшее мастерство писателя в создании характера героя, обладающего высоким чувством достоинства, осознанием личной причастности к общественному делу.

Роман и по сей день пользуется большим успехом у читателей. И критика, пытаясь постичь характерные черты литературы о рабочем классе 50-х годов, каждый раз обращается к «Журбиным». Исследователи солидарны как в оценке значения романа Вс. Кочетова, так и в понимании его не просто как семейно-бытового, но как романа о советском рабочем, чувствующем себя хозяином родной страны.

Действительно, роман Вс. Кочетова «Журбины» явился художественным открытием, новым словом в литературе о героике труда рабочего человека. Художник сумел злободневное переплавить в непреходящее, воссоздать характер рабочего человека на новом этапе развития советского общества. Сегодня особенно очевидно, что роман «Журбины» предвосхитил появление в современной литературе ряда произведений о рабочем классе, в центре внимания которых не только проблемы социального и профессионального характера, а прежде всего исследование духовного мира рабочего, рожденного в борьбе за утверждение советского образа жизни. Среди них и такие романы, как «Истоки» Гр. Коновалова, «Обретешь в бою» В. Попова и др., в которых заметно «журбинское» начало.

И в то же время творческий опыт Вс. Кочетова неотрывен от опыта предшественников, органично воспринятого и претворенного в художественную практику. И главное заключалось в горьковском требовании сделать героем произведений труд человека труда.

В диалектической взаимосвязи — духовного начала труда и самого его процесса как мастерства, умения — скрыты первоэлементы успеха лучших писателей, обращающихся к рабочей теме. Духовное начало предполагает не просто любовь к своему делу, но и связь с коллективом и осознание причастности к общенародному, государственному делу. А это, несомненно,

влияет на отношение человека к своей профессии, к совершенствованию умения и мастерства. Но, думая только о себе, рабочий человек утрачивает корневую связь с жизнью коллектива, вне которой советский рабочий не существует.

Не о том ли говорил мастер Александр Александрович Басманов младшему Журбину — Алексею: «Рабочая слава, Алешенька, ведь она как растет? Ее не в одиночку — сообща выращивают. Вокруг тебя орлы — тогда и ты орел...» Старый рабочий развивает свое понимание существа жизни рабочего на нашей земле. «Рабочий класс... он, Алеша, особенный. Он, понимаешь, плечом к плечу по земле идет. На нем ответственность какая! Знаешь ты, ее, эту ответственность, или нет? Знаешь. Ну, ладно. В наши с твоим батькой молодые времена плакат такой в клубах висел: земной шар — весь в цепях, а рабочий по этим цепям кроет с маху кувалдой — только железные брызги летят. Затем и живем, за то и бьемся,— сорвать эту оплетку с земного шара. А квартирки, патефончики, портретики... Вот наш с тобой портрет: с кувалдой в руках да по цепям, по цепям!..»

В этом максимализме Вс. Кочетов слил воедино и бессмертный призыв к пролетариям всех стран, и величие освободительной миссии Советской Армии во второй мировой войне, и марксистско-ленинское понимание рабочего класса как гегемона общества в великом движении к коммунизму. Точка зрения кадрового рабочего важна еще и тем, что она подчеркивает глубокую идейную закалку советского рабочего, его нацеленность на главнейшие проблемы века, его верность великим революционным идеалам.

Могучие в своем идейном наполнении слова рабочего, к которым писатель вернется в финале, органично вырастают из содержания произведения, несут в себе основной пафос произведения, пронизанного мыслями и мироощущением рабочего человека. Потому-то роман не замыкается в «производстве» или в «быту». Да и образ рабочего с молотом в руках — не плакатен. Он часть жизни, запечатленной в романе, начиная с первой его сцены, бодрой и радостной, в которой Илья Матвеевич Журбин вещает свету о рождении нового рабочего человека в семье Журбиных. Сцена, исполненная в мажорной тональности, обусловливает и весь настрой романа.

Не случайно после произведенного Ильей Матвеевичем «салюта» наций в честь появившегося на свет внука старый кадровый судостроитель думает о продолжении своего рода мастеровых людей и о великом счастье принадлежать к рабочему классу. Возникает в его воображении картина, в которой жизнь страны сравнивается с плавкой металла. «Вот была в тысяча девятьсот семнадцатом пущена в великую переплавку человеческая руда, раскалялась она от года к году — и забурлила теперь, заклокотала, варится металл, какого свет не видывал».

А утром следующего дня, как всегда, Илья Матвеевич встречается с Александром Александровичем Басмановым, другом, потомственным корабелом. Его отец строил знаменитую «Аврору». Ныне он мастер по сборке корабля. Вместе они идут на завод. По пути каждый раз успевали обсудить множество вопросов. Прежде всего — известия, переданные по радио. За мировыми событиями шли по порядку семейные новости, потом общезаводские, и, наконец, обсуждался предстоящий рабочий день: что и как надо делать, о чем не забыть.

На сей раз, делясь с Басмановым новостью о прибавке в семье, он называет внука рабочим человеком. На возражение Александра Александровича: «А что если вдруг академик или по государственной линии?» — Илья Матвеевич убежденно говорит о том, что рабочий класс — корпус всей жизни человечества. Он всему голова. Вот и Алексей с малых лет в рабочих и вот человеком стал.

В годы войны, когда младший ходил в шестой класс и рук рабочих не хватало на заводе, хоть и жалко было мальчишку, а отвел Алексея Илья Матвеевич на выучку к брату — Василию Матвеевичу. Шел с ним и говорил о том, что все в мире создано руками тружеников. И первым среди них — рабочий класс. Он главный, на него вожди революции всегда опирались.

Видимо, вспомнил и то, как нелегко давалась Алешке работа клепальщика, но с каким упорством и настойчивостью овладевал сын пневматическим молотком. И когда принес он домой первую получку, Илья Матвеевич сказал ему: «Вот, Алешка, ты и могильщик капитала! Хозяин земного шара!» Через пять лет сын достиг такого мастерства, какое старые клепальщики обретали десятилетиями. Потом реконструировал молоток, и производительность труда выросла в несколько раз. Что ни говори, на заводе стал человеком Алексей. Вот почему и внук должен быть рабочим.

Так писатель снова «подключает» личную жизнь рабочего к судьбе заводского коллектива. И по многим высказываниям, раздумьям и воспоминаниям Ильи Матвеевича мы открываем для себя его понимание исторической роли рабочего класса в развитии общества.

И вновь Илья Матвеевич возвращается к делам семейным, чтобы начать очередное «подключение» частного к общему. Помимо новости о рождении внука, он сообщает другу Басманову о письме старшего сына Антона, в котором тот извещал родных, что завершилась работа над проектом реконструкции их завода. Размышления о перспективе развития предприятия переключаются на личные судьбы: «Если что-то будет меняться в жизни завода, разве ничто не изменится в их личной жизни?»

Этот движущийся сплав частного и общего, личного и коллективного оказывается прочным, органичным, единым на протяжении всего романа. Семья Журбиных — эта часть заводского

коллектива, точно кусочек металла, всегда сохраняет в себе все свойства этого металла.

И Антон прошел заводскую школу, и Виктор, и Константин, и его жена Дуняша, которая выбрала себе мужскую специальность разметчика и работает с дедом Матвеем. Младшая дочь Тоня после десятилетки тоже подумывает о заводе. Лида, жена Виктора, жалуясь Тоне на брата, не замечая того, открывает в нем характерные черты умельца, одержимого творчеством. «Мне кажется, любая доска для него интереснее, чем я. Он живет этими досками и бревнами, он пропах стружками и клеем и ничего больше вокруг себя не замечает. Все считают меня ненормальной. а мне думается, он ненормальный. Ну, подумай только! Вскочит среди ночи, лампу зажжет и что-то рисует. Посмотришь утром — какие-то колеса с зубьями. Зачем они? Он же столяр»

Тоня понимает: это у Лиды оттого, что она живет в другом мире, другими представлениями о человеческих планах, мечтах, заботах. И стараясь помочь ей найти общий язык с Виктором, предлагает Лиде пойти на завод, а Лида невольно отвечает так, что полнее и емче не скажешь, если захочешь определить основное содержание жизни и каждого члена семьи и всех их вместе: «Для вас, Журбиных, только завод и существует».

Сила их в том, что они умеют свою любовь к делу, свою увлеченность работой не только глубоко и гордо развивать в себе, но и передать другим, увлечь своей одержимостью. Не случайно идея Виктора создать слесарную машину-универсал нашла горячий отклик у инженеров Зины Ивановой и Скобелева.

Слова Агафьи Карповны — доброй русской женщины, мудрой и по-народному тактичной хозяйки дома, матери взрослых, беспокойных и таких разных, но преданных дому, семье детей, верной подруги своего мужа Ильи Матвеевича, которые она говорит появившейся в их доме Зине, как бы итожат все, что было сказано ранее: «Мы же рабочие, Зиночка, как и твои папаша и мамаша, царство им небесное. У нас с государством одна дорога. Оно было бедное, и мы были бедные, оно богаче стало, и мы приободрились...»

Да, такие они, Журбины, во главе которых стоит патриарх Матвей Дорофеевич, отец Ильи и Василия. Долгую и трудную жизнь, полную всяких испытаний, радостей, огорчений, прошел этот человек, однажды и навсегда ставший «рабочим пролетарием, которому нечего терять, потому что все его богатство — руки, трудовые, избитые молотками и разъеденные кислотой руки».

Вс. Кочетов, раскрывая существо общественной жизни 50-х годов, увидел в рабочем коллективе не только исполнителя, но и творца, живущего интересами государства, носителя того

передового, тех самых «ростков коммунизма», о которых говорил В. И. Ленин и которые наказывал советской литературе всячески поддерживать, утверждать в жизни. Следуя этому ленинскому наказу, советские писатели выступали не только летописцами великих событий, но и первопроходцами в исследовании новых тенденций в обществе, выявляли и поддерживали в нем ростки коммунизма.

Если в романе «Кружилиха» В. Панова только наметила проблему наставничества, связав ее с работой на заводе Марийки Веденеевой, то в «Журбиных» эта проблема вскрывается как бы изнутри. Общество научилось ценить опыт старшего поколения.

Со вниманием отнеслись к старому рабочему деду Матвею на судостроительном заводе. В разговоре с директором председатель завкома Горбунов советуется, как быть с дедом Матвеем. Труд разметчика ему уже не по силам. Но удалять его с завода нельзя, ведь он «живая биография» предприятия.

Дед Матвей все понял, мудрый был старик. И по-своему оценил шаг руководителей. Они ведь защитили рабочего. А «защищать рабочего — это прежде всего защищать свое Советское государство», — так полагает дед Матвей. И потому согласился на новую «должность», названную острословами «ночной директор». Его опыт, его знание завода и каждого на нем обнаружились в тот момент, когда старейшему Журбину необходимо было организовать борьбу заводчан с паводком. Это позже на завод прибыли и Иван Степанович, и Жуков. А начало авральных работ по обузданию разбушевавшейся стихии проходило под руководством Матвея Дорофеевича. И в эти минуты, ставшие определяющими в схватке со стихией, он чувствовал себя «чуть ли не капитаном на корабле, который попал в жестокий шторм».

Опыт старших, видимо, сродни таланту, который является ныне национальным достоянием.

Уже в начале 50-х годов Вс. Кочетов в жизни производства обнаружил новое качество организации трудовых процессов, которое позднее будет названо научной организацией труда. Его герои активно выступили против штурмовщины и авралов. «Нам надо тройное увеличение программ»,— убежденно говорил Антон Журбин на одном из совещаний. «И никакими сверхурочными, никакой мускульной силой этого увеличения не достигнуть», необходимы максимальная механизация производства, организация его и техническая учеба всех, начиная от рабочего и кончая инженером. Невыполнение одного из компонентов этой программы грозит не только срывом графика работы всему производству, но и безнадежным отставанием инженера от требований времени.

Не каждому дано преодолеть инерцию привычки. «Поздно мне ломать себя заново»,— заявил, например, Александр Александ-

рович. А вот Илья Матвеевич находит в себе силы преодолеть привычное, пойти учиться, чтобы не отстать от времени. И «с удивительной основательностью он накапливал знания, он как бы строил прочное здание, подгоняя камень к камню, без всяких зазоров, и, только уложив один ряд, принимался за другой. «Так он и корабли строит»,— думала, следя за ним Зина».

Новое торжествует в романе не только в сфере производства, где героическим трудом рабочих осуществляется дерзновенный план быстрой, проходящей на ходу реконструкции предприятия. Готовясь выполнить задание партии — в кратчайший срок приступить к выпуску новых типов судов для отечественного флота, корабелы не только демонстрируют высокую мобилизованность, настрой на преодоление трудностей, но и думают над тем, за счет каких усовершенствований можно сократить срок «перевооружения» завода.

Показательна сцена встречи директора и других руководителей предприятия с секретарем обкома Ковалевым. Увидев в кабинете карту СССР, секретарь заметил: «Видите, стрел сколько начертили, кружков, квадратиков... Прямо план настоящего боя». Директор тут же подхватил мысль секретаря: «Но вот предстоит бой и на другом фронте. С заводами-поставщиками придется драться. Помощи просим, Дмитрий Дмитриевич».

Заходит разговор о плане, о сроках его выполнения. И сказанное Ильей Журбиным: делать надо быстро, но «не за счет качества» — находит четкое и развернутое продолжение в словах парторга Жукова: «Сегодня для нас очень важно, что мы делаем. А завтра это будет самым главным требованием в промышленности». И стал приводить примеры добросовестного, коммунистического отношения к труду, называя фамилии умельцев, мастеров, высококвалифицированных рабочих.

Ковалев поддержал руководство завода: «умельцев надо беречь, берегите их, товарищи! Но растите и новых умельцев, мастеров коммунистического труда, мастеров владения машинами, механизмами». Ведь будущее неразрывно связано с техникой, доведенной до степени высочайшего искусства. «В такой мы вступили век!»

Чистота и цельность нравственных обретений нашей жизни проявляет себя и в глубоком чувстве любви Алексея Журбина к Кате, заблудившейся в романтических, книжных суждениях о мире, о людях. Все это привело к драме в ее судьбе, когда она восторженным сердцем откликнулась на слова «непризнанного героя и гения» Вениамина Семеновича. Ощутима эта нравственная глубина и в высказанных с большим тактом и в то же время с чувством человеческого достоинства словах Матвея Дорофеевича Лиде, неожиданно ушедшей из дома Журбиных, уехавшей с геологами в Сибирь и теперь приехавшей, чтобы просить прощения за свое «бегство».

«Какое же прощение!» — говорит Матвей Дорофеевич молодой женщине. «Железо нашла, вот тебе и прощение! Это если во всенародном масштабе. А в нашем, семейном, как еще придется,— ты же нам в картуз наплевала. Про это думала, когда тягу собиралась давать? Нет? Человек должен жить с открытой душой. Приди, скажи: жизнь ваша, товарищи дорогие, не по мне. Желаю размаха, желаю воли, а вы тут копаетесь, что муравьи».

Новая нравственность прорывает и замкнутый круг семейных традиций, не разрушая их, а, напротив, обогащая эти традиции новым содержанием. Люди чувствуют себя членами большой семьи — всего рабочего класса. И хоть Илья Матвеевич не прочь возвысить весь свой класс, в разговорах с сынами, в семейном кругу все же настаивал на исключительности журбинского рода, они-де такие особые, что «везде нужны».

«— Да они, отец, и так везде есть,— ответил Антон весело.— Только фамилии у них разные. Один — Алексеев, другой — Васильев, третий — Степанов.

— Встречал?

— Встречал.

— Семейной гордости у тебя нет, сынок.

— Она у меня немножко пошире. За всех Журбиных сразу: за тех, которые Степановы, и за тех, которые Васильевы».

Собственно, ведь это портрет всего класса запечатлен на плакате, который по сей день хранил Александр Александрович, а ныне принес в виде подарка Алексею на его новую квартиру. Решил передать на хранение в надежные молодые руки.

«Это был старый плакат — плакат первых лет революции. Рабочий, в мужественных чертах лица которого, в сильной фигуре, в яростном взмахе рук читалось общее и с Алексеем, и с Виктором, и с Антоном, и с Костей, и с Ильей Матвеевичем, и с тысячами тысяч простых тружеников, бьет тяжким молотом по цепям, опутывающим земной шар. Он бьет со всего маху, он устремлен вперед, он ни перед чем не отступит. Он бьет — и рвутся, падают железные звенья. Гудят материки от этих могучих ударов».

Время, прошедшее после выхода в свет романа Вс. Кочеткова о кораблестроителях, о людях гордых, мечтающих о завтрашнем дне и приближающих его своим вдохновенным трудом, принесло большие качественные перемены во все сферы жизни общества. И, несмотря на это, «Журбины» по-прежнему вызывают интерес читателей.

Мы уже говорили о том, что и «Кружилиха» В. Пановой, и «Водители» А. Рыбакова, и «Высота» Е. Воробьева отличались от других произведений-ровесников тем, что авторы сумели перевести чисто производственные конфликты в сферу нравственную. Это верно. Но также верно и другое. Писатели сумели по-новому подойти к сфере производственной жизни. И оказалось,

что мир производства как бы узловая система, где, с одной стороны, наглядно, конкретно проявляет себя научно-технический прогресс, а с другой стороны, ясно видны и непосредственные человеческие чувства, которые порождаются этим процессом.

Споря о проблемах производственной темы в литературе, мы нередко впадаем в крайности. Категорическое утверждение зависимости человеческих чувств от производства и отрицание такой зависимости одинаково неверны. Человек, создав уникальные машины, проникнув в тайны природы, несомненно, стал богаче интеллектуально, чувства его стали глубже и тоньше, все более его привлекает мир прекрасного. Об этом скажет Д. Гранин в «Искателях». И конечно же, не поняв этого или отказав в этом человеку, мы не сможем постичь природу производственных процессов как природу эстетическую, претерпевшую опять-таки изменения в соответствии с характером труда и нового в самом его процессе.

Передовые производственные процессы, внедрение передовой техники и технологии, как это показывали писатели, не исключают привычных норм морали во взаимоотношениях людей. Напротив, как подтверждает время, наши представления о жизни, наши привычки, образ мыслей, психика и т. д. сверяются с традиционными, веками установленными в народе морально-этическими нормами. Не потому ли Алексей Журбин в романе Вс. Кочетова и Сережа Сугробин в романе Г. Николаевой «Битва в пути» относятся как к должному к той «проработке», которую устраивают старики.

Естественно, что ощущение и осознание собственной причастности к историческим деяниям народа, характерное для многих героев прозы о рабочем классе обусловливают те нравственные силы человека, которые проявляются в труде, наполняют смыслом его деятельность, составляют, наконец, духовное содержание его работы.

Художники, обостренно чувствующие движение времени, постоянно стремились показать в своих произведениях эту взаимосвязь нового сознания и новой морали с традиционными нормами жизни народа.

О внутреннем духовном содержании труда своим классовым чутьем, своим мудрым опытом судят и старики в романе «Журбины». Они многое познали в жизни, постигли на практике разные виды техники и даже «через ее движение» видят ход развития», как сказал Алексею дядя Василий Матвеевич. Но главное, они, отцы и деды, на своем горбу испытали подневольный труд, а потому далеко не теоретическим представляется им суждение о труде в различных социальных системах. Пойдя вслед за партией Ленина на штурм капитала, они завоевали и отстояли в боях радость свободного труда, что и дает им право напоминать об этом сыновьям и внукам. Причем не

всегда назиданием, не словесным укором, а примером, страстным желанием помочь развить все то лучшее, то прекрасное в их профессии, в человеке, что открыто в трудовом опыте не только умельца, но и гражданина Страны Советов.

Если важнейший принцип движения на пути к идеалу, к человеку завтрашнего дня для Вс. Кочетова заключен прежде всего в искусстве растить человека, то высшей меркой оценки этого искусства педагога, старшего товарища, наставника становилось умение, изучая душу подростка, юноши, молодого человека, предвидеть его будущее и помочь сделать эту судьбу счастливой. В этом тоже проявляется органичность взаимосвязи личного и общего, непременно присущая социально значимой литературе. А социальность в художественном произведении, в чем мы уже могли убедиться на примере рассмотренных произведений о рабочем классе, выражается в том, что за изображением какой-либо частной ситуации вставали крупные коллизии, волновавшие общество в целом.

«В МАЛЕНЬКОМ ДЕЛЕ УВИДЕТЬ БОЛЬШУЮ МЕЧТУ»

В Управлении энергосистемы была лаборатория, которая, значась научно-исследовательской, занималась в основном прикладными проблемами, а точнее — выполнением заказов по ремонту приборов. Лаборатория скорее напоминала мастерскую, нежели научно-исследовательский центр Управления. Текущие дела, чаще всего скучные, незаметные, вели к полному застою, исключали всякий рост специалиста в своей области. И кажется, ничто, кроме ежедневной службы в одной «конторе», не объединяло ни старшего инженера Кривицкого. ни монтера Петю Зайцева, ни лаборанта Сашу Заславского, ни инженеров Борисова и Новикова, которыми руководила лишь номинально исполняющая обязанности начальника лаборатории Майя Устинова.

И люди, и та обстановка, которая сложилась в лаборатории, чем-то, пусть отдаленно, напоминала обстоятельства, с которыми столкнулся механик Басов на танкере «Дербент» с определенной поправкой на время. Здесь же подобная миссия выпала на долю кандидата технических наук, фронтовика Андрея Лобанова, которого назначают на должность начальника лаборатории. Именно его взгляду неравнодушному, а нацеленному на существо подлинных проблем, какими надлежит заниматься научно-исследовательскому центру Управления, открывается картина сложившихся порядков и взаимоотношений в лаборатории.

Так начинается роман Д. Гранина «Искатели» (1954).

Поправка на время, о которой было сказано выше, как раз и вбирала в себя качественно иное понимание социально-нравственных проблем, какие встали перед Лобановым в процессе

коренного исправления положения дел в коллективе. Если Басову надо было сплотить коллектив в единое целое посредством организации соревнования, поднять тем самым и дисциплину и производительность труда, то у Лобанова, помимо этой проблемы, была еще и другая. Надо было коренным образом перестроить принципы ведения работы, решительно покончить с кустарщиной. Сделать это можно было только в том случае, если люди проникнутся осознанием того, что их научные изыскания нужны стране, решительно взявшей курс на техническое перевооружение всего народного хозяйства. И прежде всего — энергетического.

Писатель взял в основу своего романа одну из серьезнейших социальных проблем времени — связь науки с производством, это придало частному конфликту общегосударственную значимость. Убедительное художественное решение актуальной проблемы обеспечило произведению успех. И еще. Д. Гранин все внимание сосредоточил прежде всего на нравственных коллизиях, которые, вбирая в себя социальный конфликт времени, с особой остротой воспроизводили сложность проблемы в целом.

Зоркость художника, его нацеленность на время, рождающее новые проблемы и нового героя в делах новых поколений «первопроходцев», дали возможность увидеть в обыденных делах романтику научного поиска. В таком постижении насущных требований времени ощутимыми предстали преемственность традиций, наследование героического духа отцов, верность их устремленности в будущее. «Каждое время рождает свою романтику. Попробуем извлечь ее из наших будней. Пусть она пахнет потом, а не порохом, но добыть ее — значит стать достойным своих отцов. Ведь нынешние годы станут легендарными, а сегодняшним комсомольцам будут завидовать внуки. Почему же нам самим не отведать счастья наших трудных дорог?» Вот та идейно-нравственная установка, с какой входят в жизнь многие герои романа, откликнувшись на творческий энтузиазм начинаний Андрея Лобанова.

И конфликт между Андреем и Виктором Потапенко, вбирая в себя не просто известные и даже характерные для литературы тех лет коллизии борьбы между новатором и консерватором, ученым и бюрократом, представал прежде всего как конфликт мировоззренческий. Он сосредоточил в себе целый спектр жизненно важных вопросов, какие вставали перед человеком в стремительном потоке обновляющейся действительности, на трудных ее дорогах, где особо остро и ощутимо сталкивались нравственные принципы, гражданские позиции людей. Проявление социального в нравственном мире современников и обеспечило непреходящее значение романа «Искатели».

Д. Гранин, конечно же, как и всякий серьезный писатель, не исключал опыта литературы в своем стремлении по-новому поставить интересующие его вопросы. Но не в смысле следования известным образцам с какими-то поправками на свою инди-

видуальность, а прежде всего в желании разобраться в жизненных процессах, обусловленных новым временем.

Вот только несколько примеров «переклички» романа с опытом предшественников. Профессор Одинцов наставляет своего любимого ученика Лобанова: «В науке, кроме созидания, важно уметь разрушать». Или разве не ощутима связь возникающей неоднократно в романе проблемы «права выбора» с аналогичной в леоновской «Соти», в кочетовских «Журбиных» и т. д.?!

Да и приемы воспроизведения влюбленности человека в свою профессию, в мир техники тоже вроде бы уже привычны, неоднократно апробированы в литературе. В самом деле, те же сравнения работы исследователя с работой художника: «Художник, прежде чем писать картину, набрасывает этюды, он ищет в них, как бы убедительнее выразить свой замысел. Для этой же цели служит исследователю макет»; те же олицетворения техники, в частности макета: «Макет живет! Он дышит живым теплом... Какая-то таинственная, самостоятельная жизнь теплится в глубине связанных мыслью деталей», или же: «К прибору относятся уже как к отроку...»

Но в том-то и дело, что эта похожесть еще более подчеркивает самостоятельность писателя в решении художественной задачи. Гранин одним из первых вышел к проблеме «человек со стороны», уловил приближение вспыхнувшего вскоре спора между «физиками» и «лириками» во взгляде на природу и творчество, коснулся вопроса истинного и мнимого в научном поиске и т. д. Это оказалось возможным лишь потому, что он сумел подчинить повествование кардинальной концепции жизни, выраженной в словах: «в малом деле увидеть большую мечту».

Только целостная философская и эстетическая концепция действительности обусловила долгожительство многим произведениям советских писателей. Среди них и роман «Искатели».

Появление Лобанова в стенах Управления вначале было воспринято всеми как обычная, ничем не примечательная служебная новость — на вакантное место назначается новый работник. К тому же, как оказалось, Лобанов знаком с начальником технического отдела, они учились вместе в институте, уж они-то найдут общий язык. Во всяком случае так кажется Виктору. Но вскоре становится очевидным, Лобанов обнаружил, что лаборатория и Управление занимаются делами, не соответствующими духу времени. Стало понятно: человек пришел не служить, а работать, не внимать, глядя в рот начальству, но отстаивать свое мнение, которое соответствовало общественно значимым принципам современности. Д. Гранин особо подчеркнул это соответствие: годы войны основательно подорвали энергохозяйство города. И никто не мог представить себе, что буквально за три-четыре года подземные «артерии» города будут восстановлены, возвращены к жизни героическим трудом рабо-

чих. Для того чтобы двигаться дальше в наращивании энерговооружения народного хозяйства, необходимо было вооружиться таким прибором, который мог бы с максимальной точностью указать места пробоя линии, кабеля, провода, экономить и время и непроизводительные затраты на поиски мест аварий. Давняя идея создания такого прибора не оставляла Андрея. И особенно остро почувствовал он необходимость такого прибора в годы войны, когда из-за обрыва провода связи погиб его друг, пошедший искать место обрыва.

Лаборатория Энергосистемы дала возможность Лобанову всерьез приступить к работе над прибором. А чтобы заниматься научными изысканиями, надо было не просто создать творческие группы, но и категорически отвергнуть поделочные заказы, которыми завалили лабораторию. Поначалу настороженно воспринял начинания нового начальника парторг лаборатории, инженер Борисов. Но постановка вопроса ему понравилась, и он откликнулся на требование Лобанова: здесь не должно быть бытремонта.

По-разному восприняли реорганизацию, затеянную Лобановым, энергетики. Скептик Кривицкий заметил Майе Устиновой: «...если, вопреки моим предсказаниям, ваш Лобанов добьется хоть чего-нибудь реального, если хоть где-нибудь треснут наши задубелые порядки, тогда я его союзник». В ответ на замечание главного инженера: не хочет ли Лобанов своими «нововведениями» поссорить их с производственниками, Андрей убежденно отвечает: «Нет, зачем. Просто я хочу заниматься своим делом».

Вот он, деловой человек, каким, кстати, были и Чумалов, и Увадьев, и Листопад, и многие другие, которые придут в литературу позже, хотя проблема «делового человека» возникнет, как ни парадоксально, только в наши дни и будет связываться с пьесой И. Дворецкого «Человек со стороны».

Лобанов решил, как позднее и Чешков в пьесе Дворецкого, все подчинить делу, пусть люди чем-то недовольны, в конце концов они поймут его правоту. А потому он выдвинул лозунг: «Бороться надо не за людей, а за дело». Жизнь опровергла эту категоричность, и Лобанов сам осознал несостоятельность такой позиции.

В «Искателях» будет доказано, что «дело» может оказаться мертвым, когда «деловой человек» попытается противопоставить себя коллективу или подняться над ним. Настоящим, нужным, важным дело может быть только тогда, когда даст возможность людям увидеть большую мечту, свою причастность к созиданию человеческого счастья. Большая мечта, осуществленная человеком, окрыляет его, наделяет гражданской зрелостью, умением преодолевать эгоистические настроения, личные обиды. Так случилось с Майей Устиновой, которая решительно встала на сторону Андрея Николаевича, когда поняла, что ее руками и Потапенко, и Тонков хотели загубить большую мечту, ставшую стимулом деятельности коллектива лаборатории.

Отсутствие этой мечты приводит к профессиональному краху людей типа Потапенко, к каким принадлежат и псевдоученый Тонков, и технически безграмотный, завистливый интриган Долгин. Их тлетворное влияние испытывают на себе и люди одаренные, настоящие ученые, как, скажем, профессор Григорьев или инженер Рейнгольд, но не обладающие силой характера, решительностью в отстаивании истинно научных принципов.

Развертываясь, проблема связи науки с нуждами производства обретает актуальность. Проблема оказывается не так проста. Трудность утверждения нового осложняется активностью тех, кто такое утверждение воспринимает как покушение на их личные интересы, на их благополучие и безопасность. В беседе с секретарем горкома Савиным Лобанов высказывает свое понимание существа дела: «Внешне все как будто правильно... А на деле это жажда власти. Вот что испортило Потапенко, Честолюбие, карьеризм. И откуда только берется такое?» Савин тут же дополняет: «Безыдейность — вот что вы забыли».

Но если бы писатель все свел к поиску объективных причин и непосредственных виновников на пути внедрения достижений науки в производство, вряд ли ему удалось бы сказать свое слово, Д. Гранин оказался диалектичнее, глубже, а потому правдивее и убедительнее. Внедрение научных достижений проходит еще и через психологический барьер. Нередко активные сторонники связи науки с производством забывают о паритетности этих сфер человеческой деятельности. Научные работники нередко склонны рассматривать свои открытия в чистом виде. Не считаясь с нуждами производства, они требуют незамедлительного внедрения своих открытий в практику. Нужды производственников представляются им несерьезным потребительством.

В подобном убеждении — большая сила инерции, которая более трудна в преодолении, нежели позиция прямых противников. Эта мысль воплощена Д. Граниным в одну из самых ярких сцен романа, где из потока лиц, с которыми встречается на своем пути Андрей Лобанов, выхвачена колоритная фигура директора станции Калмыкова. Казалось бы, эпизодическая фигура, а остается в памяти, и не просто как носитель авторской идеи, но как неповторимый характер.

Решив преподнести урок жизни одному из «жрецов» науки, каким воспринял Калмыков приехавшего к нему на станцию Лобанова, директор буквально затаскал Андрея по объекту. И тот действительно устал.

«— Притомились с непривычки? — участливо справился Калмыков.— Со сноровкой и то за день умаешься. Как, Разумов? — подмигнул он машинисту.

— Известно. Котлы наши старые. Сейчас кое-какую механизацию ввели,— закуривая, сказал Разумов.— Да и то, домой придешь, поел и спать.

— Чуете? — благодушно спросил Калмыков. И вдруг без всякого перехода, на той же самой благодушной ноте, принялся колотить Андрея тяжелыми, как булыжники, словами...»

Он говорил о том, что наука не всегда учитывает нужды производства. Практиков обвиняют в неучености, в варварстве. Удобная позиция, внушительная. А по сути дела демагогическая. Наука мертва, если она не думает о человеке труда, о таких, как Разумов, она должна не только думать, но и делать все, чтобы облегчить его труд, чтобы не дрожали у него руки от усталости после смены.

Такой взгляд на традиционный вопрос со всей очевидностью укрупняет и мысль художника о том, что ученый, инженер, посвятивший себя без остатка служению науке и технике, не статичная фигура, а личность, находящаяся в развитии, восхождении к совершенству. Видя сквозь малое дело большую мечту, человек растет духовно, ему открываются в привычном — особенное, в неприметном — неповторимое. Посвященный в тайны природы, человек по-иному воспринимает ее. Непонимание этого, следование привычному как раз и обусловило столкновение «физиков» с «лириками».

Словно предчувствуя возможность такого противостояния взглядов, Д. Гранин свел в подобном споре архитектора Игоря и инженера Лобанова. Острота полемики была обусловлена и интимным чувством, какое питали оба к Марине. Совершенно очевидно, что писатель неравнодушен к полемике, он сторонник Лобанова. Это сказалось и в ироничном авторском отношении к Игорю, что снизило действенность его противостояния Андрею, а стало быть, облегчило победу Лобанова в споре.

В словах Игоря о том, что люди сегодня все меньше откликаются душой на поэзию падающих листьев, на краски вечерней зари, им ближе температура раскаленной болванки и напор воды в гидростанциях, Андрей почувствовал выпад. Он опровергает обвинение: «Вы тут насчет поэзии красок. А известно вам, что такое цвет? Вы сколько различаете цветов? Двадцать? Сто? А я больше. Существует, к вашему сведению, спектроскоп, и человек давно уже может этим спектроскопом различать тысячи оттенков. Человек не слеп! Я понял ваши колкие «мы», кого вы имеете в виду. Нас, технарей, жалеть нечего. Человек научился видеть в глубине стальной болванки и изучать рельеф на Марсе. Он ощупывает радиоволной Луну. А эти закаты и ручейки... над ними вздыхал и средневековый кавалер... Что же, выходит — дальше ни черта? Что же мы — беднее его? По-вашему, поэзия осталась для исключительных личностей? Черта с два! Поэзии теперь в тысячу раз больше. Только другая у нас поэзия, новая. Я тоже могу полюбоваться ручейком, но для меня куда прекрасней стихия реки, укрощенная волей моих товарищей. Скажем прямо: убогое воображение у этих ваших личностей средневековья. Они разве способны пред-

ставить себе, что кругом нас, вот здесь,— Андрей раскинул руки,— бушуют радиоволны, кричат на всех языках дикторы, гремят оркестры. Слышите? Сколько, по-вашему, весит луч солнца?»

Нужен ли был этот спор в романе? Органичен ли он для произведения? Да, органичен. Да, необходим. И прежде всего потому, что в этом споре и особенно в монологе Лобанова выявлен принципиальный взгляд писателя на существо эстетики труда, его понимание поэтического постижения мира науки и техники. Но еще и потому, что в споре проявилась внутренняя взаимосвязь всех компонентов произведения, развитие общих положений или замечаний, касавшихся приемов очеловечивания «дела» людей.

Если В. Панова только заставляет главного конструктора высказать мысль о схожести труда конструктора и труда художника, но не показывает этого, то Д. Гранин сравнение исследователя с художником подкрепляет показом внутреннего мира человека, открывая нам «новую поэзию» в душе героя. В страстном монологе раскрывается художественная натура исследователя. Писатель приводит серьезные аргументы спора «физиков» и «лириков», которые не должны противостоять друг другу. Таков закон художественного развития человечества. В противном случае мир окажется на грани катастрофы, к которой подведут его физики, напрочь отринувшие лирику, а лирики окажутся не в состоянии предотвратить эту катастрофу бездуховности.

Сказать об этом, предупредить человечество о грозящем бедствии, подать тревожный сигнал может и должна литература. Причем не только взыванием к совести, но и изображением торжества жизни, торжества человеческого счастья, рождаемого созидательным трудом людей под мирным небом над нашей планетой.

ВОЗВЫШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Многие проблемы развития современной литературы не могут быть глубоко постигнуты без учета жизненных процессов.

Героический труд рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции в 50-е годы свидетельствовал о несокрушимости коммунистических идеалов, о верности новых поколений советских людей заветам отцов.

Верность революционным традициям находила свое реальное воплощение в невиданных успехах Страны Советов, которая первой проложила путь человечеству в мир социальной справедливости. Первыми мы были и в космосе. В честь 40-й годовщины Великого Октября был запущен первый искусственный спутник Земли. Подвиг научно-технической мысли вобрал в себя подвиг всех тружеников нашей страны.

В проекте Программы КПСС, принятой в 1961 году, в частности, говорилось: «В процессе перехода к коммунизму все более возрастает роль нравственных начал в жизни». В этих словах, думается, была предельно точно сформулирована не только атмосфера жизни нашего общества в момент выработки и принятия исторического документа, но предначертана на длительный период направленность развития общественной мысли. Именно такая постановка вопроса предопределена ходом исторического развития нашего общественного строя, что и объясняет обращение художников ко многим сферам деятельности современника. Расширился диапазон исследования жизни, усилился интерес писателей к самым разнообразным человеческим судьбам. Словом, создание подлинно гуманистического общества требовало и требует от искусства и литературы исчерпывающей правды о человеке, о том, что содействует и препятствует росту личности, о том, что движет им в его производственной практике, о тех нравственных обретениях, какие были обусловлены новыми тенденциями демократизации нашего общества. Вот откуда обострение внимания к проблемам нравственности, этики, морали. Главным героем советской литературы этих лет оставался человек цельный, глубокий, принципиальный, отстаивающий ведущие принципы советского образа жизни. Это и непреклонный и неистовый в защите народных и государственных ин-

тересов Иван Вихров в романе Л. Леонова «Русский лес», и мудрый командир производства Балуев в повести В. Кожевникова «Знакомьтесь — Балуев!», и упорные, цельные в своей рабочей солидарности братья Ершовы в одноименном романе Вс. Кочетова, и деловой, решительный, ломающий порочный стиль работы производства Бахирев в романе Г. Николаевой «Битва в пути», и многие другие, опирающиеся на высокие завоевания социалистического общества.

Внимание авторов многих других произведений этих лет сосредоточено прежде всего на конкретных делах современников, их интересует внутренний мир рабочего человека, непростые, но всегда конструктивные проблемы, споры в трудовых коллективах. Раскрывая разные стороны деятельности героев, писатели непременно подчеркивали внутреннюю связь человека труда с миром техники. И содержание этой взаимосвязи тоже, оказывается, несет в себе отсвет не только профессиональных интересов рабочего человека, но и его душевной организации, его любви к миру, свойств его личности. Именно положительному герою дано понимать живую душу станка, двигателя, прибора и т. д. Такое понимание, такое проникновение в мир техники является как бы своеобразным критерием оценки человека. В самом деле, ведь именно Журкину, Тишке, а не Петру Соустину оказался близок мир стройки, именно Басову, а не Касацкому раскрывал свои тайны танкер «Дербент», именно Лобанову, Борисову, их товарищам открывалась в своей загадочности и красоте новая электроника, но она была абсолютно чуждой и Потапенко и Долгину. То же самое проявилось в отношениях нового главного инженера тракторного завода Бахирева и его директора Вальгана с миром производства. Вот Бахирев после ночной смены приходит в экспериментальный цех. «Он любил пустынный цех в этот утренний час, когда дремлют трудолюбивые машины и только «гриб боровик» интимно разговаривает с ним своим мерным, добрым урчанием... По утрам он осторожно, почти ласково прикасался к тяжелым, темно-красным металлическим скобам, к их скользким, холодным поверхностям. Когда с куском металла связано столько тревог, трудов и чаяний, он уподобляется живому и любимому существу.

Таков же и начальник цеха Рославлев, который, между прочим, заметил Бахиреву: «Машине потребно работать согласно проектной мощности». И Бахирев подумал, что, когда машину пускают на полную мощность, она должна быть счастлива своим особым, машинным счастьем. На полных оборотах лучше прирабатываются детали, сглаживаются шероховатости, мотор идет плавно, без дрожи и тряски. Сейчас он переживал состояние, подобное этому машинному счастью. Число оборотов нарастало, подключались резервные мощности, движение становилось быстрее и ровнее. И все отчетливее понимал он, что и быстрота, и

равномерность движения, и это его новое счастье целиком зависят от людей».

Именно эта любовь к технике сближала людей, как сблизила она и Бахирива с коллективом завода, открыв в людях то, что сначала он не замечал; пытаясь администрированием и волевыми методами наладить новые технологические процессы производства. Интерес к этим проблемам, внимание к ним литературы были, как это подчеркивалось, обусловлены жизненными процессами, происходящими в обществе в середине 50-х годов. И первой к ним обратилась Г. Николаева в романе «Битва в пути», вышедшей в 1957 году.

«НАДО ИДТИ К ЛЮДЯМ»

Генеральный директор завода Вальган, наконец, после долгих поисков нашел главного инженера. Им был утвержден Дмитрий Алексеевич Бахирев. Приступив к исполнению обязанностей, Бахирев присматривается к тому, что происходит на заводе, открывает упущения в организации производства, видит, как лихорадит коллектив из-за плохой взаимосвязи между цехами. Это ведет к аритмии трудового процесса, к штурмовщине, неизбежным спутником которой оказывается брак. Становится ясно, что необходимо в корне менять не только технологию, но и стиль руководства предприятием.

Первый рапорт, который проводит Бахирев, порождает конфликтную ситуацию между главным инженером и начальниками цехов, инженерами и мастером чугунолитейного цеха Василием Васильевичем Сугробиным. Не любивший длинных совещаний Бахирев просит доложить обстановку предельно кратко, требует ответов по существу. Один из вопросов был обращен к начальнику цеха сборки Рославлеву: почему из цеха выпускают недоукомплектованные трактора? Тот отвечает, что «мы не обеспечили» полную комплектацию, потому что подвели другие цеха, Бахирев резко прерывает его:

«— На фронте, когда командир батальона не выполняет задание, он не говорит: «Мы не выполнили». Он говорит: «Я не выполнил...»

Обнаруживаются неполадки, недоделки в других цехах. Бахирев словно сознательно идет на столкновение. Ему не важно, что о нем подумают, что скажут люди. Главное — дело. И если он наладит его, люди поймут его правоту. Постановка проблемы, как видим, оказывается идентичной той, с которой мы уже встречались и в «Кружилихе» В. Пановой, и в «Искателях» Д. Гранина, а поведение героя романа «Битва в пути» напоминало и Листопада, и Лобанова. Но ощущается и новизна, порожденная тенденциями общественной жизни тех лет. Бахирев ценил в людях деловые качества, профессионализм, и этим он

походил на своих литературных предшественников, но он и отличался от них тем, что для него главным был технический расчет, четкая организация труда, научная выверенность всей цепи производства, а не энтузиазм, от которого нередко отдавало волевым авантюризмом. Когда он выдвинул свою точку зрения на дальнейшее развитие завода, стало ясно, что может произойти срыв плана. Главный технолог заметил: такого еще не бывало.

«— Не бывало потому, что простои оборудования покрывались за счет энтузиазма и доблести.

— Вы против энтузиазма и доблести? — сказал Уханов, перенимая у Вальгана манеру щуриться и чеканить слова в минуты гнева.

— Против! — отрезал главный инженер.

— Вот как?!

— Я против доблести и энтузиазма, когда ими покрывают недостатки организации...»

Такой поворот дела и выявил новый взгляд писательницы на природу профессионального понимания технологических процессов, обусловленных все нарастающим развитием НТР. Одной из первых Г. Николаева увидела оборотную сторону энтузиазма, которым некоторые руководители предприятий пытались компенсировать отсутствие четкости, планомерности и ритмичности организации трудового процесса. Позднее такой взгляд на «порыв», за которым скрывались изъяны организаторской и профессиональной работы, будет более глубоко исследован в произведениях многих писателей.

Г. Николаева обратилась к разным сторонам действительности, расширила пространственные рамки действия, перенеся события с территории завода в город, затем в колхоз, в район. Но органичного сращения различных пластов жизни не произошло. Роман остался все-таки «производственным». И любовь Бахирева и Тины Карамыш в общем-то не повлияла на ход развивающихся событий. Подобное включение в повествование любовной темы, как обычно, и на сей раз выглядело сознательной попыткой писательницы «раскрасить» строгую палитру «производственного» романа. Мало кому из писателей удавалось органично совместить две линии в произведении о трудовых буднях — личную и производственную. Приоритет, как правило, оставался за последней, как и в романе «Битва в пути».

Чем глубже постигал Бахирев жизнь завода, вопросы производства, тем яснее понимал, как непросто преодолевают люди инерцию нетребовательного отношения к своему труду, как трудно воспитать заботу о качестве выпускаемой продукции. Размышляя о причинах плохого качества тракторов, он думает о капиталистической конкуренции, жестоко наказывающей и за дороговизну, и за некачественность вещи, и о том, что «у нас никому не грозит гибель и разорение. Что же, значит, можно

делать плохие вещи? Почему же мы терпимы к людям, которые пользуются благом и преимуществом так, что благо превращается во зло, а преимущество — в изъян?..»

Ведь высокочеловечная социалистическая система предполагает, непременно должна предполагать в людях высокую человечность. А если так, то откуда же в них небрежение к делу, к результатам труда? И Бахиреву захотелось защитить их, эти бракованные детали — вкладыши, лежавшие мертвыми у контрольного пункта. Защитить совсем не из страха за собственное благополучие и должностное положение, «а во имя страны, во имя социализма надо было во что бы то ни стало давать хорошие машины, лучшие в мире машины».

Он прямо заявляет парторгу ЦК на заводе Чубасову, что и в жизни, и в работе движим главной идеей, которая вызрела в нем во время войны, когда ему довелось трудиться в танкостроении: «Война заставила и приучила меня жить идеей нашего технического первенства...»

Брак продукции бил по гордости, по самолюбию, по тому сокровенному, чем он жил как профессиональный специалист в области машиностроения. За небрежностью в отношении к технике стояли люди, и он переносил свое чувство неудовлетворенности положением дел на «виновных». Резкость, категоричность требований, безапелляционность суждений, нежелание понять людей, их способности и слабости, постичь объективные причины неудач со всей неизбежностью отторгли его от коллектива, от тех, с кем ему пришлось начинать жизнь на новом месте.

Воспользовавшись длительным отсутствием Вальгана, Бахирев стремительно ринулся в перестройку всего цикла производственного процесса. Ощущение цейтнота со всей очевидностью ожесточало его еще более, он отталкивал людей еще дальше от себя. Обнаружив отчуждение, поняв, что люди не поддерживают его темпов перестройки производства, Бахирев начинает осознавать, что зарвался. А жестокость и резкость его только вредят тем добрым начинаниям, какие он стал внедрять в практику работы коллектива.

Подлинные принципы жизни, творчества всегда побеждают, приводят человека к правильным выводам во имя их торжества. Страшно признать себя побежденным, согласиться, что методы, какими ты отстаивал свои принципы, потерпели поражение. Бахирев с трудом понимал, что ошибок натворил немало. «Но потребность в долгожданном действии пересиливала все. Перед ней отступали и особенности характера, и собственное самолюбие, и неумение признавать ошибки. Надо было немедленно выходить из тупика, в который он зашел. Дело потребовало поступков, несвойственных его характеру,— значит, надо ломать свой характер! Надо идти к людям, виниться перед ними, искать их помощи...»

Не правда ли, как многосторонне охвачена проблема, связанная с приходом в новый коллектив человека, решительно взявшего курс на перестройку существующего стиля работы предприятия, приведения его в соответствие с требованиями научно-технического прогресса? Так писатели В. Панова, Вс. Кочетов, исследуя процессы, происходящие в сфере производства, предвосхитили художественную концепцию делового человека со стороны, которая нашла свое целостное и глубокое исследование в романе Г. Николаевой «Битва в пути».

Однако, как уже говорилось, так серьезно и объемно поставленная проблема не прозвучала в критике, не привлекла к себе такого пристрастного внимания общественности, как пьеса И. Дворецкого «Человек со стороны» в 70-е годы. И дело тут, видимо, не только в том, что проблема не дозрела до существа насущной, но и потому, что писательница прикрыла ее целым рядом второстепенных, побочных, периферийных сюжетных линий.

И тем не менее мы можем сопоставить решение главного конфликта романа и пьесы «Битва в пути» и «Человек со стороны», обнаружив решительное расхождение в постановке вопроса и в выходе из создавшейся конфликтной ситуации. Предпочтительнее, конечно же, позиция Г. Николаевой, которая следовала не просто известным литературным образцам, с которыми мы встречались в романах «Кружилиха» В. Пановой, «Искатели» Д. Гранина, но прежде всего правде жизни советского общества, самого человечного, самого гуманного и коллективистского.

Признав свое поражение, Бахирев не отказывается от своих убеждений, он пересматривает позиции в отношении средств, коими нужно утверждать новое. И прежде всего это касалось отношения к людям. Но не просто было сделать ему шаг в направлении к «огоньку» в окне дома Василия Васильевича. Он идет как провинившийся школьник с молчаливым извинением к учителю, который без расспроса и без лишних слов поймет, что привело к нему ученика.

Он застает старого мастера за беседой с внуком — Сергунькой Сугробиным. В этом доме, как и в тысячах других домов мастеровых людей, будь они Веденеевы или Журбины, в семейном кругу рабочие живут проблемами производства, ибо завод или шахта для них — тоже дом. Характерны слова писательницы относительно Сергея Сугробина: «У него было такое ощущение, что «в гостях» на заводе могли быть Вальган и Чубасов, Луков и Иващенко, но он, Сережа, всегда есть и будет на заводе — у себя дома».

Дома шли страстные споры, целые диспуты о завтрашнем дне производства, решались вопросы творческого пересоздания каких-то технологических принципов или усовершенствования резца или фрезы. После работы Василий Васильевич не просто

размышлял над тем, как модернизировать печи в чугунолитейном цехе, но и вел записи, делал какие-то расчеты. Не случайно именно тут, в доме старика Сугробина, услышал Бахирев от мастера и от Сергея столько добрых слов об их профессиях, слов, в которых трепетало чувство рабочей гордости. Оказывается, Василий Васильевич с малых лет прививает своему внуку творческое отношение к труду, развивает в нем изобретательскую жилку. Он считает, что, если хочешь стать мастером в своем деле, надо решительно пожертвовать многими, даже существенными благами. Не сможешь одолеть соблазнов собственного благополучия, пожертвовать настоящим во имя будущего — не достигнешь той цели, к которой стремился. Отвечая Бахиреву, почему он так думает, старый мастер сказал: «Из своей жизни. Сам оглянулся и пропал. Был изобретателем, а стал кувалдой по выколачиванию того-сего. Ну, я старик, мое дело к концу. А ему я с детства прививаю. Мой отец был рабочий, мой сын, Сережкин отец, был рабочий, и мой внук Сергунька должен рабочее звание понимать высоко! Раньше какие были рабочие? — обратился старик к Бахиреву.— Помню, шестерни нарезали вручную, и то как особая монополия. Не всякий умел. А теперь? Да вот он же, наш Сергунька, мальчишка еще! А ведь у него в руках фреза только что не поет, остальное все может! На моих глазах все эти сдвиги произошли. Наблюдаешь — и сам захвачен. Так неужели тебе, молодому, угнездиться на выгодном месте и не двигаться?

— Я так понимаю,— отверг разгоряченный Сережа его предположение. — Я так понимаю: если человек не двигается, то мертвый он человек. Если машина не двигается, то и машина мертвая! Я так понимаю: первый трактор сошел с конвейера, а конструкция уже мертва. Начинай думать! Он пашет и будет пахать, но если ты думать не будешь, и он пропал, и ты пропадешь».

«Ведь мои мысли выговаривает парнишка»,— подумал Бахирев». Бахиреву вспомнилась та самая первая встреча. Увидев, как работает Сережа, Бахирев не мог пройти мимо. Тот двумя руками в противоположных направлениях крутил две рукоятки. Бахирев попробовал тоже, но не получалось... Он стоял за плечом фрезеровщика и откровенно любовался виртуозностью движений. Вот уж действительно артист. И фреза невиданная. Сделанная самостоятельно. Действительно, прав Василий Васильевич: фреза у него разве что не поет, а так все может!

Подобные встречи для Бахирева отныне стали буквально жизненной потребностью. Он открывал в людях завода, будь то подсобный рабочий или начальник цеха, нечто такое, что в корне меняло представление о каждом. «Он узнавал людей, а люди постепенно узнавали его». Только пройдя сквозь жесткую самокритичность в отношении с коллективом, он уже мог без прежней категоричности, но весомо и ответственно заметить на-

чальнику цеха Сагурову, что для улучшения качества работы на «земледелке» нужны «не ваши митинговые речи, а разговор с точно определенными людьми». В этом замечании «зерно» проблемы, которое прорастет в концептуальную точку зрения В. Кожевникова на принципы хозяйствования и сам стиль руководства коллективом в повести «Знакомьтесь — Балуев!».

В стремлении разрешить все возникающие по ходу действия вопросы обнаруживается не слабость сюжетно-композиционного построения произведения, когда все непременно должно быть расставлено по местам, а его сила.

Постигнутая Бахиревым невозможность голым администрированием и ужесточением требований наладить качественно иной режим работы предприятия, приведшая его к неизбежному выводу: «надо идти к людям», были показаны в предшествующих произведениях. Бурная реорганизаторская работа Бахирева сопровождалась упущениями и промахами, какие в общем-то неизбежны при перестройке старого и налаживании нового. Бахирев мог быть оскорбленным в своих чувствах, лишившись поста главного инженера, мог в сердцах хлопнуть дверью и непонятым, обиженным, непризнанным покинуть завод. Но этого не произошло. Переживая неудачу, он не утратил веры в справедливость начинаний. Он решил не уходить с завода, остаться на нем хотя бы сменным инженером. Такой вариант проблемы еще не был исследован, и Г. Николаева создала новое качество характера героя. Бахирев унаследовал от старой партийной гвардии главное качество: работать ради того дела, которому ты служишь, которое необходимо стране. Высоту принципа подтвердил поступок. И этот шаг Бахирева был труден, обозначал поворотный час в его жизни, был истинным шагом к людям, которые оценили поступок бывшего главного и откликнулись на него душой.

Читая сегодня роман, оценивая смелость и новизну писательского решения конфликта, видишь, что Г. Николаева несколько ускорила, поторопила появление необходимого отклика людей на «трудный час» героя. Требовалось более тонкое психологическое обоснование сближения рабочих с Бахиревым, большее использование молчаливого одобрения и больше щедрости в показе чувства через дела и поступки рабочего коллектива.

Однако я далек от мысли, что интересно повернутая новой гранью проблема неосновательна. И прежде всего потому, что в романе ощутимо дыхание самой жизни. Правда, в общем-то, не нарушена, но и не подкреплена полной мерой художественного откровения. В центральном конфликте романа вошла еще одна, накрепко связанная с ним проблема, касающаяся стиля руководства, авторитета руководителя в трудовом коллективе. Г. Николаева не развернула ее в одну из центральных, но обозначила, словно подготовив почву для дальнейшего ее исследования. И проза незамедлительно и активно отклик-

нулась на нее. Одним из значительных произведений на эту тему стала повесть В. Кожевникова «Знакомьтесь — Балуев!», написанная в 1960 году.

«ИЗ ЧЕГО ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКОМ ДЕЛАЕТСЯ...»

В центре повести — проблемы авторитета руководителя, управление кадрами, стиль хозяйствования. Они и предопределили ее значение и обусловили горячие споры вокруг образа главного героя.

Причем оценки давались прямо противоположные, выводы делались непримиримые. Полемика вынудила и автора включиться в обсуждение повести и открыто высказаться по существу замысла и его воплощения.

Высокую оценку повести Кожевникова дал М. Алексеев. «А совсем недавно,— писал он,— со страниц его новой повести в широкий мир нашей жизни шагнул очень симпатичный и очень умный человек — Балуев, которого с полным правом мы могли бы назвать героем нашего времени. Балуев, с которым познакомил нас Вадим Кожевников,— это победа не одного писателя, а всей нашей литературы. Небольшая по размеру повесть «Знакомьтесь — Балуев!», пожалуй, самая зрелая в творчестве уже сложившегося мастера. В ней с наибольшей яркостью отразилось одно прекрасное свойство В. Кожевникова: неистребимая любовь к людям, преображающим мир, постоянное удивление перед их воистину великими делами, что и наполняет его книги оптимизмом»[1].

Чтобы верно прочитать произведение В. Кожевникова, нужно, во-первых, четко представить себе жизнь страны конца 50-х — начала 60-х годов в ее социально-нравственном наполнении, во-вторых, учитывать сильно выявляющуюся в творчестве писателя романтическую направленность, идущую от «очарованности» реальной действительностью и красотой человека труда, мастера своего дела, кудесника в своей профессии.

В эти годы В. Кожевников говорил не только об активной роли современника в созидании коммунистического общества, но о позиции и ответственности художника.

Немало дней, недель, месяцев провел В. Кожевников на крупных строительных объектах газопровода, на переходах через Дон и Волгу, на Оке, около Дзержинска, где и стал свидетелем случая с затонувшим дюкером, который описан в повести о Балуеве. Причем, по свидетельству писателя, он использовал в повести этот эпизод потому, что он оказался и интересным,

---

[1] Алексеев М. Бьют родники. М., 1963, с. 83.

На строительстве БАМа. Беседа на отдыхе.

и помог раскрыть особенности характера главного героя и других персонажей повести.

В. Кожевников так поясняет особую приверженность к жизненной основе своих произведений: «Только тот, кто не просто «сопереживает» или «сочувствует», а сам глубоко взволнован всем, что происходит вокруг него, способен по-настоящему глубоко понять действительность и, если он художник, воплотить ее в образах.

В этом, собственно, и заключается изучение действительности. Это изучение — весь жизненный опыт, вся жизнь писателя. Не может быть каких-то отдельных этапов или периодов,

когда писатель вдруг начинает изучать действительность или прекращает ее изучать. И неправильно думать, что жизнь изучается писателем главным образом в творческих командировках, и возлагать надежды только на эти командировки...

...В основе произведения всегда лежит собственный опыт автора»[1].

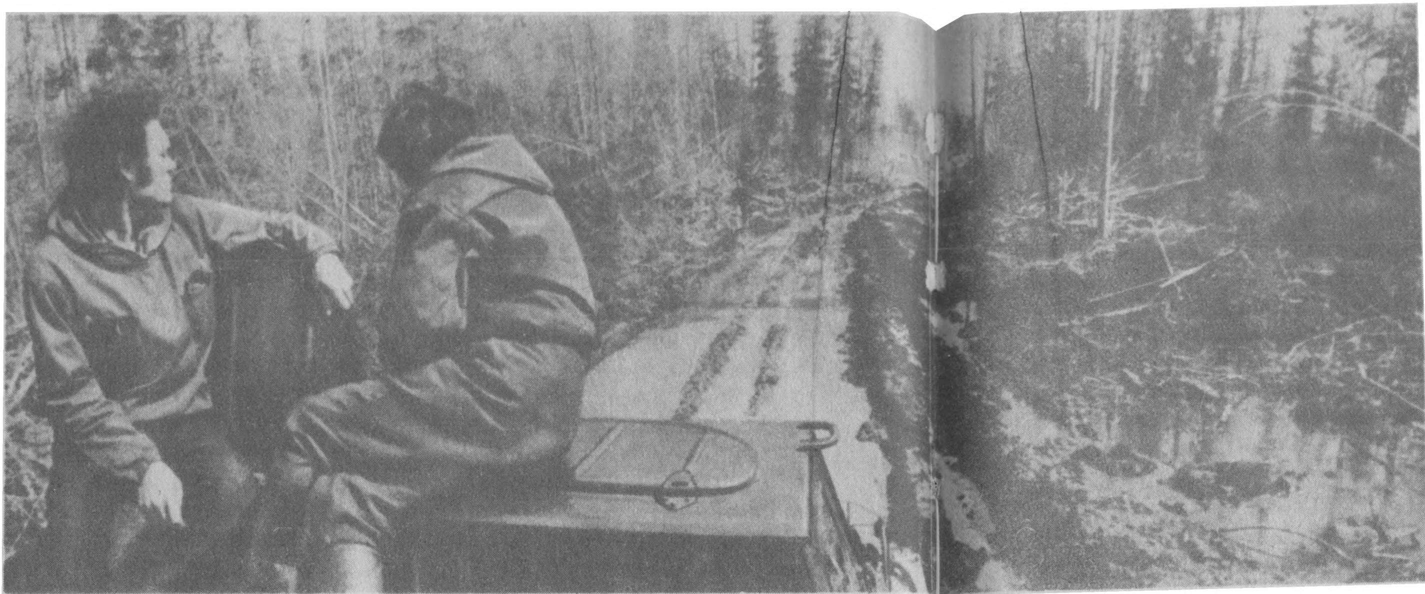
В произведениях В. Кожевникова всегда ощутима его личная заинтересованность в том великом созидании, каким занят советский человек. В этом созидании чувствует свое место и писатель. И этот мощный, душевный, гражданский, партийно-пристрастный напор чувства, воплощенный в энергию художнической мысли ощутим в повести «Знакомьтесь — Балуев!». Более того — убежден, что без учета этого пафоса, без понимания романтической приподнятости и окрыленности авторских чувств нельзя понять и оценить по достоинству повесть о Балуеве и его товарищах, постичь глубину его сложной простоты, раскрыть чуть возвышенные характеры ее героев, ощутить вдохновенность и очарование ее исполнения.

«Мне казалось,— признается писатель,— что этим приемом удастся показать, как сегодня мысль человека наших дней, его сложный мир, его взгляды, его отношение к людям отражают сложные преобразования на пути, пройденном моим современником. Отсюда и возникла сложная композиция книги.

Все построение этой вещи, ее эмоциональный ключ и присутствие в ней автора — все это преследовало одну цель — дать ощущение времени и его движения вперед»[2].

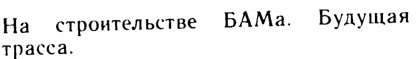
---

[1] Вопросы литературы, 1961, № 10, с. 113.
[2] Там же, с. 115.

Впервые выступил в литературе конца 50-х — начала 60-х годов человек, несущий в себе предельно открыто черты героя именно того времени. Повесть познакомила читателей с красивым, гордым человеком, воспитанным всем строем нашей действительности и утвердившимся в мысли о своей нужности стране, людям. Вместе с тем писатель подчеркивал, что Балуев стеснителен, застенчив и многие свои поступки прикрывает нарочитой грубостью. Писатель сознательно показывает эти неблаговидные проявления балуевской активности: «человек многоопытный, волевой, не лишенный слабости иногда ухватить «про запас» лишнюю технику, правда, если уличали, возвращал ее по принадлежности», как и все хозяйственники, склонен прихвастнуть перед другими своей «хваткой», наделен он был «властным характером», «нравится ему людьми командовать».

Хозяйственную, деловую, или, как говорят, производственную, характеристику Балуева дополняет его поведение в быту и в служебной обстановке. Балуев — человек страстный, нетерпеливый, знал свои недостатки и очень боялся их. Но, подобно внезапному опьянению, эта страстность и эта нетерпеливость овладевали им и понуждали совершать поступки, которым он противился, негодовал на себя, но тем не менее повторял их...»; «Подобно многим советским людям, вышедшим из «низов», испытавшим голод, холод, тяжкий труд, Балуев как бы хотел вознаградить своих детей за те лишения, которые когда-то вынес сам»; «Балуев никогда не чувствовал себя несчастным. Он был самоуверенным человеком не потому, что самообольщался или пре-

На строительстве БАМа. Будущая трасса.

увеличивал свои достоинства, а потому, что он, как и многие миллионы наших людей, чувствовал себя в жизни всегда незыблемо прочно...»; «Балуев бывал почти на всех семейных торжествах своих рабочих. Это он считал для себя более обязательным и нужным, чем присутствие на некоторых ведомственных совещаниях...»

С заметной долей иронии, исходящей из понимания характера героя, автор уже в начале повести замечает: «Значит, как видите, Балуев не свободен от отдельных недостатков...» Поддаваясь желанию героя чуточку «прибавить» себе недостатков, не выглядеть этаким идеальным, хорошим, добрым, каким его часто называют подчиненные, писатель на иных страницах так представляет или рекомендует Павла Гавриловича: «картинно задумался», «любил театральность, любил, чтобы на него смотрели с восхищением», «пошел... важный, довольный тем, что смог так лихо показать себя ребятам с земснаряда» и т. д.

Эффект от такого «представительства», как и следовало ожидать, каждый раз получался обратным. За Балуева говорили его дела, его умение командовать сложным производством, ладить с людьми, управлять ими. Он знал каждого мастера и рабочего. И если костяк, основу производственного коллектива составляли бывшие его фронтовые товарищи, с которыми он укладывал дюкер в океане, а затем восстанавливал шахты в Донбассе, то молодых подбирал, руководствуясь фронтовым критерием, выработанным в годы войны, когда человек раскрывался целиком в деле, в бою. И здесь, на укладке газопровода, люди тоже были в условиях, приближенных к боевым. Каждый проявлял себя сразу же и до конца, хотя, может быть, и не так ярко, как во фронтовой обстановке. Но и там, на фронте, и здесь, на стройке, главное в человеке обнаруживалось быстро, потому что человек яснее виден в ярком свете героического подвига, в его боевом и трудовом вариантах.

«О подвиге строителей — жизни без семьи — не принято говорить как о подвиге. На фронте я никогда не слышал от наших людей, чтобы они жаловались на близость смерти, но

тоска по дому была душевным страданием миллионов воинов. Тоска по близким была непреоборимой для тех, кто преодолевал страх смерти».

Суждение по этому поводу Балуева — это суждение автора. В случае, скажем, аварии с машиной, прежде чем приступить к ее ремонту, Балуев считал важным начать не с нее, а с человека, чтобы «ремонтировать» его душевное состояние. И потому для него «авторитет руководителя состоит не из одной только должности, а из всего, из чего человек человеком делается».

Прежде чем определить на работу, Балуев считал своей первой обязанностью поговорить с каждым новым рабочим или инженером. Это не только стиль, придуманный и проводимый в жизнь самим Балуевым. В таком подходе к работе с кадрами, с подчиненными выявлялась и атмосфера общественной жизни, и новизна производственных отношений 60-х годов. «Кроме того, многое изменилось сейчас в методах руководства... Если раньше просто невозможно было запомнить в лицо даже одну сотую рабочего коллектива, то теперь, когда рабочих стало совсем немного, возникла необходимость знать каждого не только в лицо...» И не всегда поначалу удавалось Балуеву найти задушевные слова, а в людях его неумение задать нужный тон беседы вызывало добродушную иронию.

Я не случайно употребил слово «поначалу» в отношении к тому, как складывался у Балуева стиль работы с людьми. Дело в том, что хоть и дан Павел Гаврилович в напряженный момент ЧП на стройке, но автор сумел в нем раскрыть перед нами историю человека и историю руководимого им коллектива. Следовательно, статика композиционного решения сюжета оказалась необходимым условием раскрытия динамики процесса складывания, формирования и развития как качеств человека, так и взаимоотношений его с трудовым коллективом.

Писатель сумел запечатлеть диалектику развития жизни, ее проблем тех лет. В этом-то и секрет удачи повести и основа для утверждения, что «Знакомьтесь — Балуев!» останется в ряду тех книг, к которым не раз вернутся читатели будущих поколений как к художественному свидетельству пережитого. Долголетие книги определяется именно таким обостренным вниманием к социально-нравственным проблемам времени.

В раскрытии облика своего героя В. Кожевников стремится избежать спрямленности характера, показывая нелегкий путь Балуева к осознанию новых норм взаимоотношений начальника и подчиненного, и коллектива, и передовых, прогрессивных методов руководства производством, и стиля работы руководителя. Причем писатель добивается этого включением авторских «отступлений» в ткань повествования. Вот одно из них. «Мне кажется, я даже убежден, что самый важный и ответственный момент в жизни человека — это когда он вдруг обретает

право власти, право командовать другим человеком. И это — высшее испытание. Пройти его может далеко не всякий!»

Слова автора не просто констатируют важную мысль, в ткани произведения они предопределяют еще и психологическую, и нравственно-этическую, и даже общественную сложность жизни главного героя, без разрешения которой ему не пройти трудного испытания на право руководства людьми, на право называться командиром производства. И по мере того как раскрывается перед нами история жизни Павла Гавриловича Балуева, мы видим трудный путь постижения им смысла руководства коллективом, работы с людьми. Если раньше все сводилось к волевому «надо», то постепенно в круг обязанностей начальника входили вопросы, связанные со знанием всех сфер производственной деятельности, и вопросы быта, отношений в коллективе, даже личные дела каждого из членов этого коллектива. Постепенно вырабатывается в Балуеве убеждение, что «хозяйственник обязан быть психологом», ибо люди «нуждаются не только в том, чтобы с ними говорили о производстве, но и о них самих».

Причем не просто поговорить о том о сем, а целенаправленно, с умыслом, чтобы в одних утвердить то доброе и хорошее, что в них есть, выявить это доброе во имя того, чтобы он стал лучше, либо обнажить подленькое, мелочное в душе того, кто пытается это скрыть. А то и просто прислушаться к людям, к их мыслям, думам, поучиться у них. И не случайно так внимательно слушает Балуев своего старого фронтового товарища Пивоварова, который говорит ему: «Культурный человек — это тот, кто с людьми в атаку бежит и помнит, что он образованный, и своему в нос наган не тычет, не обзывает, а под огнем ведет себя спокойно, с достоинством, интеллигентно... Наш народ на уважительность падкий, любит, чтобы с ним интеллигентно обращались. Война — та же работа, только тяжелее, чем в гражданке... А офицер в первую очередь, как инженер на производстве, должен с солдатами себя держать интеллигентно».

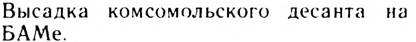
И невольно вспоминаются слова, которыми оборвал бравирование грубостью Балуева профессор Беляков: «Извините! Я человек тоже грубый, невоздержанный, но гордиться этими качествами избегаю... Мы в науку пришли как в революцию, потому что наука — это всегда революция. И гордимся при ней быть даже чернорабочими...»

Так проходил науку «человекопоклонства» Балуев, так постигал он азы внимательного и уважительного отношения к людям. В разговоре с комсоргом Зайцевым, умудренный опытом, Балуев говорит: «Начальников назначают, а руководителей избирают. Чем ближе мы будем подходить к коммунизму, тем меньше станет начальников и больше руководителей. Руководитель — это человек, который превосходит других не только знанием, но и драгоценными душевными качествами». И развивает

эту мысль в беседе с Ольгой Дмитриевной, заведующей лабораторией: «Чем больше рабочий чувствует себя хозяином, тем меньше нужно для него начальства».

И в этих словах плод долгих и мучительных раздумий Балуева о стройке, о прожитой жизни, о людях, с которыми прошагал по долгим дорогам фронтового и трудового подвига и с которыми только что встретился здесь, на строительстве газопровода.

Проблема руководителя и его авторитета, прозвучавшая остро и злободневно, была актуальной для автора в момент работы над повестью. В статье «На новом рубеже» (1961), отвечая читателям

Высадка комсомольского десанта на БАМе.

и критикам по поводу центрального образа повести, В. Кожевников писал:

«А что такое Балуев для меня, автора? В годы первых пятилеток я бывал в Краматорске и Кузнецке. В те времена технические руководители выполняли только производственные функции, партийное руководство коллективом осуществляли другие люди. Сейчас выросло целое поколение руководителей нового типа — для них технические знания и партийное воспитание неразделимы; производство, технический прогресс, выполнение плана, забота о человеке, его жизненном устройстве, внимание к его духовному миру — все легло на плечи того руководителя, который чувствует себя настоящим коммунистом. Таков для меня Балуев 1960 года. Однако эта черта характера не была ему присуща всегда. Он пришел в повесть деревенским пареньком и духовно рос на протяжении многих лет, формируясь под влиянием событий и людей, его окружающих. Я рассказал об этом не для того, чтобы обогатить его биографию, а чтобы показать, что не только обстоятельства, в которых он находится во время действия повести, определяют нравственный облик героя,— его характер подготовлен предыдущими годами, всем его долгим жизненным опытом. Мне хотелось «совместить» в одном человеке разные пласты времени, чтобы глубже объяснить основу его нравственных, моральных воззрений и поступков».

Раскрывая как одну из центральных проблем повести проблему героизма, подвига, взаимосвязанную с выше рассмотренной, В. Кожевников в той же статье писал: «Высокая общественная мораль — это та пашня, на которой вырастает подвиг...

Героизм стал массовым явлением в нашей жизни, и мы можем смело утверждать, что для советских людей героизм типичен! В этом нет преувеличения. У меня в повести описан один доподлинный факт. Когда я прибыл в район строительства, я не искал исключительных сюжетов или характеров. Но сама жизнь преподнесла мне выдающийся трудовой подвиг молодого строителя: без всяких приспособлений он прополз обсадную трубу под землей в несколько десятков метров. Это было исключительным мужеством, ибо эксперимент мог стоить ему жизни. Эпизод отвечал моему художественному замыслу,— в нем ярко выражен героический характер человека, он совпадал и с сюжетной линией повести, а главное — в нем была правда жизни».

Писатель рассказал о жизненной основе эпизода, когда Виктор Зайцев, не разрешив больному Марченко ползти с концом троса через трубу, вызывается это сделать сам. Моторист, который тут же «организовал» торжественные проводы смельчака, не удержался и сказал: «Я на фронте твердым был. А выходит, мой нерв здесь слабее оказался. На фронте не мигая в атаку бегал, а тут зажмурился и пошел задним ходом».

Виктор полз, превозмогая боль, усталость, духоту, а когда уже стало невмоготу и казалось — вот-вот остановится сердце, он вспомнил, как ползли по болоту его отец и мать — партизаны, как было тяжело матери, у которой был уже он, Виктор. И он выходит победителем из испытания.

Но долгое отсутствие вызвало тревогу. И здесь снова берет слово автор, который так комментирует это известие, дошедшее до Балуева: «Хозяйственники не любят, когда на их объектах обнаруживаются факты героизма. Они считают: если потребовался героизм, значит, я что-то просмотрел, недоучел, недодумал.

Но недаром в строительстве существует термин «фронт работ». Это не только топографическое понятие. Оно проникнуто духом борьбы, музыка его звучит мажорным, волнующим, боевым маршем». В героическом поступке Виктора Зайцева, как и в героике труда Бориса Шпаковского и Василия Марченко, радиотелеграфисток Зины Пеночкиной и Капы Подгорной, Григория Луканина и Изольды Безугловой, В. Кожевников показал новое поколение трудовой молодежи, работающее с вдохновением, познавшее высокое чувство слитности с коллективом, с творческим порывом тружеников, созидающих могущество страны. Пусть в них нет еще той крепости, той закалки, которая есть у старших товарищей, но в процессе трудовой жизни они, конечно же, обретут эти свойства и достигнут всего, о чем мечтают.

Разные судьбы, характеры у молодых героев В. Кожевникова. Они едины только в одном — они горды чувством своей значимости в жизни, которое приходит вместе с осознанием своей полезности, нужности того дела, которому посвящаешь себя. Это и называется подлинным человеческим счастьем, ко-

торое немыслимо для рабочего вне труда. В каждом из них проступает время, которое, по Балуеву, «штука материальная. И все весомее оно от созданий рук человеческих. И сейчас, смотри, как красиво жить на свете! Вот-вот уже оно в руках, это время коммунизма, и в каждом человеке хоть чуточку, да светит оно. Вся задача в том, чтобы во всех оно побольше светилось».

Предопределили дальнейшее развитие произведений о рабочем классе, о человеке труда в особенности герои повестей С. Сартакова «Горный ветер», «Не отдавай королеву», романа М. Бубеннова «Стремнина». А вместе с ними и Клава Иванова в повести Вл. Чивилихина «Про Клаву Иванову», и Николай Бабушкин в повести А. Рекемчука «Молодо — зелено», и Тося Кислицына в повести Б. Бедного «Девчата», и многие другие.

Они утвердили мысль о нерасторжимом единстве всех поколений советских людей, возводящих творчески и вдохновенно величественное здание общества зрелого социализма. Трудовая устремленность героев этих произведений не только влияла на судьбы вступающих в жизнь, но по ним народ определял истинность и значимость человеческой личности. А наиболее обостренно проверка проходила на бурной ангарской стремнине, где повстречались герои романа Михаила Бубеннова «Стремнина».

«НАС ВСЕ УЧИТ ЖИТЬ...»

Роман М. Бубеннова «Стремнина» явился своеобразной реакцией на происходящие жизненные и литературные процессы того времени. В нем явственно смещены акценты с сугубо производственных проблем, которые отнюдь не исключены из жизни героев, в духовную сферу человеческих отношений. А потому много места уделено мировоззренческим спорам, определяющим жизненную позицию персонажей.

Проблема выявления в человеке его истинного содержания подчинила себе все в романе: и романтику работы на реке Буйной, и взаимоотношения в бригаде взрывников, и взгляды на дружбу, на любовь, на товарищескую взаимовыручку, и, наконец, осознание собственной причастности к созданию нового общества пусть даже в неприметном вроде бы деле, каким они заняты.

А дело бригады взрывников — рискованное, они углубляют и расширяют дно Буйной для судоходства и лесосплава. «Рождение гидроузла-гиганта так или иначе, но непременно затрагивает огромные пространства, и особенно весь бассейн реки, на которой его воздвигают, объясняет писатель. В период наполнения Братского водохранилища неизбежно должны были уменьшиться глубины по всей Нижней Ангаре — хоть останавливай судоходство и сплав леса. Но нельзя ставить под удар богатейший таежный край, жизнедеятельность которого издавна

зависит от реки, и срывать наши поставки ангарской сосны на мировом рынке. И вот несколько изыскательских партий тщательно обследовали все пороги, шиверы и перекаты на своенравной реке. Затем было решено одновременно со строительством гидроузла у мыса Пурсей произвести реконструкцию водного пути Нижней Ангары. Потом появился проект на выпрямление, углубление и расширение ее судового хода, а также на устройство запруд, полузапруд...»

Этой работой и заняты те, кто находится в прорабстве Арсения Морошки. А кто же они, находившиеся в подчинении молодого прораба, коренного сибиряка, выпускника Новосибирского института речного транспорта? Разные люди собрались на реке Буйной. Бывший матрос-подводник, второй взрывник Вася Подлужный и старый взрывник, кряжистый Демид Назарыч Волков, прошедший всю войну минером и использующий здесь свой фронтовой опыт, студент-практикант из того же института, что окончил прораб, Володя Полетаев и пятеро солдат, уволенных в запас, во главе с Сергеем Кисляевым, радистка Геля Гребнева и моторист Борис Белявский, «перекати-поле» Игорь Мерцалов и его дружки. Если на двух теплоходах, обслуживающих прорабство, были кадровые рабочие, то в бригаде взрывников люди собрались разные. Дело в том, говорит писатель, что молодые люди, во множестве и охотно едущие осваивать Сибирь, обычно держат путь на большие стройки. Слава о них гремит на весь мир. Это прельщает молодых: там огромные коллективы, там весело работать, можно овладеть любой строительной специальностью, обзавестись семьей, домом. А что на каменистой речной гряде Буйной? Гряде, называемой здесь шиверой. Работа временная, черная, да и жизнь напоминает жизнь изыскателей и геологов. Пятерых солдат, случайно оказавшихся после службы в армии на Нижней Ангаре, мечтавших о Братске, удалось уговорить поехать на Буйную. Они-то «вместе с двумя взрывниками — Демидом Назарычем Волковым и Васей Подлужным, работавшими в прорабстве второй год,— и составили ядро бригады, ведущей взрывы и уборку породы».

Арсений Морошка не только старший по должности, но и настоящий товарищ для тех, кто душой отдается общему делу. И он же принципиальный противник тех, кто, как Игорь Мерцалов или Борис Белявский, не только не находят своего места среди работающих, но и бравируют этим. Он принципиальный, а не административный противник. Он пытается не приказами, не волевым решением противостоять позициям мерцаловых, а прежде всего своей убежденностью. В откровенном разговоре, в спорах по многим вопросам жизни он находит поддержку у «ядра» бригады. Он словно «проявитель» того противостояния настоящего, крепкого, волевого большинства людей в прорабстве и мелочного в своей сути меньшинства, представленного дружками Игоря Мерцалова.

Пять солдат как бы составляют единое, неделимое целое, своего рода собирательный образ. Потому-то и не прописан каждый из них так детально, подробно, как, скажем, Арсений Морошка, Геля, Рита Зуева или Демид Назарыч. Из всех наиболее ясен Сергей Кисляев. Но и он скорее всего выглядит выразителем общего мнения этой пятерки.

«Все они с удовольствием наслаждались жизнью, где не существовало строгих армейских законов и порядков, где каждый — сам себе генерал. И в то же время они определенно уважали Кисляева, может быть, именно за его приверженность армейским привычкам...»

И одновременно писатель подчеркнул еще один момент, очень важный и принципиальный с его точки зрения. Сила этих ребят была в том, что они действительно прошли настоящую школу жизни — армейскую службу, сформировавшую и закалившую их. «Все они были, конечно, очень разными, у каждого — свое любимое, свои привычки, манеры, причуды. Но у всех — решительно у всех — замечалось прежде всего и общее, приобретенное, несомненно, в армии, вроде редкостного сплава дисциплинированности, скромности, упорства и оптимизма. И этот сплав был необычайно стоек против житейской ржавчины».

Противостоит Арсению Морошке и его товарищам жалкая кучка людей, претендующих на звание «незаурядных личностей». Они тоже вроде бы объединены. Но ложная идея не может слить людей воедино, сплотить в союз единомышленников. Лишенные единой цели, исключившие себя из трудовых забот коллектива прорабства, люди эти тщатся предстать личностями, бравурными словечками лишь маскируют свою пустоту, нищету собственного духа. «Между этими людьми,— читаем в романе,— не было и не могло быть ничего общего, они часто грызлись, как собаки с разных улиц в деревне, но все же держались вместе, особняком от бригады».

Узнав, скажем, о том, что Демид Назарыч изобрел новый заряд, что дело пойдет скорее, Мерцалов, обрывая своих же дружков, готовых поверить в заряд Волкова, заявляет: «У нас стало любимой забавой — играть в новаторство. Все играют, как в лотерею. Всеобщее увлечение. Общественная мода...» О людях, которые не боятся трудностей, борются за перевыполнение плана, за внедрение нового в практику, он отзывается презрительно, говорит, что все равно они трусливы. И каждый раз эта дешевая категоричность Мерцалова наталкивается на строгое и логическое возражение со стороны бригады. Чаще всего слово тут принадлежит Сергею, иногда Морошке, подчас Демиду Назарычу. В ответ на проповеди Мерцалова Сергей резонно сказал: «Это трусливые-то совершили революцию и создали новую власть в мире? А другие трусливые победили в такой войне? А третьи — первыми полетели в космос? И как только поворачивается у тебя язык?»

Писатель коснулся сложного мира взаимоотношений молодых людей не ради морализаторства. Стремясь показать обманчивость первых впечатлений, какие нередко молодые люди принимают за серьезность чувств, что приводит их к разочарованию в самом сокровенном, М. Бубеннов преследовал и другую, более важную для себя цель — обнажить жестокость и беспринципность этих юных борцов за вседозволенность. На поверку оказывалось, что вся эта борьба касалась вопроса собственного благополучия и собственной безопасности. Даже мимолетное прикосновение человеческой чистоты и доверчивости к «принципам» их жизни опаляет крылья души, а иногда даже ломает судьбы неустойчивые и слабые. В том, что именно так ставился писателем этот вопрос, убеждает разговор Гели и Арсения.

Рассказывая Арсению о том, что она кое-что узнала в тайге, Геля поясняет:

«— Я шла и все смотрела, все смотрела... Да, так и есть. Только потом деревья падают. Потом... А вот иные люди и живут, не иначе как ползая по земле. Как слизняки.

— Бывает,— осторожно поддержал ее Арсений.

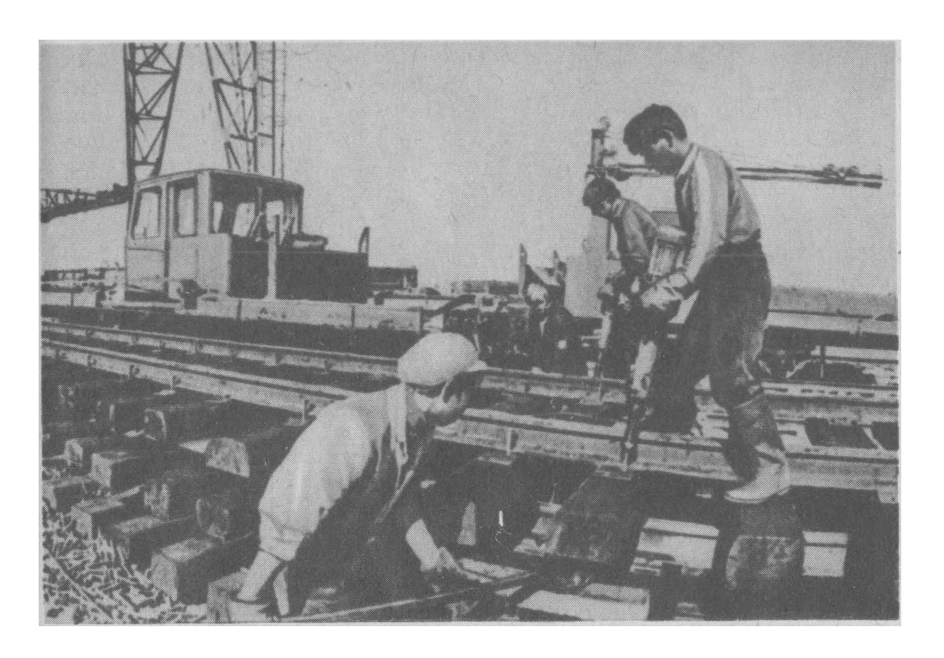
— И еще находятся мудрецы — кричат о таких слизняках: «Вы их не трожьте, они — личности!» — продолжала Геля, совсем позабыв о своем варенье.— Позорище! Личность есть личность, она не может ползать... Понимать бы надо...

— Они все понимают, те мудрецы.— Арсений догадывался, чем вызваны рассуждения Гели, его радовал ее порыв высказать их с присущими ей прямотой и резкостью.— И все-таки вопят, шаманят. И думаешь, из жалости к тем слизнякам? Да они сами их презирают не меньше, чем мы с тобой! Но им хочется, видишь ли, прослыть гуманистами, каких свет не видывал, борцами за всеобщее человеколюбие и сказочное царство вольности. А дай тем мудрецам волю — они возьмут две и тут же позабудут все свои красивые слова. Хотя, если рассуждать, какая в них красота? Кого они могут обмануть?»

Мысль волновала писателя. Она казалась ему далеко не исчерпанной, хотя по существу затронутой острой проблемы сказано было немало. Противоборство двух точек зрения на суть нашей жизни, на место человека в обществе и ответственности перед ним прояснялось неоднократно в спорах на Буйной. Споры эти велись о героизме наших космонавтов, чувстве патриотизма, национальной и профессиональной гордости, о борьбе с пережитками в обществе и человеке, духовной силе людей в выполнении грандиозных планов развития страны и т. д.

Как видим, писатель верит в способности молодых современников в сложных вопросах бытия находить зерно истины.

Есть дела приметные, героические, они вдохновляют тружеников. И каждому хочется быть на виду, если человек не лукавит, не играет в ложную скромность, утверждает, например, Николай Уваров. С ним не соглашается Сергей Кисляев:

Путеукладчики на БАМе.

ведь, по сути, неприметных дел, без размаха, больше всего на земле. Если верить Уварову, то получится, что большинство людей из-за того, что они заняты неприметными делами, несчастливы. Но это заведомо не так. Неприметность не равнозначна ненужности. А каждое доброе дело непременно включается в копилку общенародного созидания. Тем самым каждый на своем месте участвует в историческом творчестве народа. Вот как следует понимать свое незаметное дело. К тому же работа, которую они ведут здесь, на Буйной, не такое уж и неприметное занятие: расчищая дно реки, они торят дорогу в этот край на десятки лет вперед,— включается в спор Морошка. Да и вообще на дело своих рук надо смотреть во все глаза, а не вприщурку. «Вечная работа та, какая нужна людям, пусть она и неприметна».

Только такой взгляд на труд, на свое участие в созидательной деятельности народа дает возможность понять: кто ты, человек, какова твоя личная причастность к творчеству коллектива. Именно тут и проходит граница между тружеником и тунеядцем, между гражданином и мещанином, между энтузиастом-творцом и иждивенцем-потребителем.

Эта главная мысль, волнующая писателя, выражена во многих высказываниях главных героев романа. Выводы, к которым они приходят, оказываются подтвержденными поступками тех, о ком они судили со всей строгостью нравственного кодекса советского образа жизни.

Типы, подобные Мерцалову и Белявскому, на Буйной встречались и прежде, говорит книгочей Гриша Чернолихов. Больше того, на таких весь старый мир держался: ведь их законом было — живи только для себя. Поскольку ныне законы другие, вот они и бунтуют и дают нам бой, продолжал Гриша. Его поддерживает Сергей: действительно дают бой. И часто не без успеха. К тому же все гудят, все гудят, вновь подхватывает Чернолихов. «Очень любят погудеть о свободе личности. Но из них-то, как известно, и выходят самые лютые душители свободы...»

Доказательством сказанного, несущего в себе писательский взгляд на существо проблемы, предстает трагическое событие на взрывных работах, виновником которого оказался главный инженер строительного управления Василий Матвеевич Родыгин. Он из породы тех людей, которые являлись как бы предтечей мерцаловых. Им руководят отнюдь не чувства преданности общему делу, не ответственность за выполнение жесткого по срокам государственного задания. Он обеспокоен прежде всего собственной карьерой, желанием примазаться к чужой славе и вырваться из глухомани, вернуться в трест. Вот откуда в нем «принципиальность» по отношению ко всем начинаниям в прорабстве, которой прикрывается неприязнь к Морошке, к людям, чуждым ему, живущим совершенно по другим законам и одновременно видящим или догадывающимся о его намерениях. Выбраться же из этих мест ему могла бы помочь какая-то запоминающаяся акция на участке работ.

Не желая признавать заряда Волкова, потому что в названии заряда нет его имени, он придумывает свою систему взрывов, которая оказалась не чем иным, как авантюрой. Участие в эксперименте Родыгина оканчивается катастрофой: погибли Володя Полетаев и моторист Егозин, остался без руки Демид Назарыч, Морошка винит себя: откажись он от выполнения требований Родыгина — ничего бы не произошло.

Жизнь преподносит молодым людям предметные уроки, она же и проверяет каждого на духовную и профессиональную зрелость. Причем не частные какие-то эпизоды складываются в науку жить и работать, дерзать и побеждать, а именно все в жизни учит человека. Именно так резюмировала пережитое на Буйной техник-геодезист Рита Зуева, которая тоже вышла из душевных и трудовых испытаний более серьезной, зрелой, нежели была, когда приехала сюда. И вслед за нею каждый из героев романа мог бы повторить: «Нас все учит жить...».

Учила и литература. Она помогала людям одолевать трудности в пути, учила мужеству в сопротивлении тому, что мешало их движению вперед, утверждала веру в великие коммунистические идеалы. Советский народ, ведомый партией, строил коммунизм, боролся за мир, вселяя в человечество уверенность в неодолимости сил добра и социальной справедливости.

ГЕРОИЗМ ОСТАЕТСЯ В РАБОЧЕМ СТРОЮ

Труд героического рабочего класса, величайшие свершения в деле созидания коммунистического общества и в 70-е годы и в начале 80-х годов были и остаются ведущей темой советской литературы. Этот период развития страны отмечен событиями исторического значения: завершился переход к развитому социалистическому обществу, произошел гигантский скачок в росте экономического потенциала нашей державы, позволивший партии на XXIV, XXV и XXVI съездах наметить небывалые по своим масштабам и в то же время реальные по своему воплощению в жизнь планы построения коммунизма.

Естественно, что эти процессы, обусловившие неповторимость и особенность исторического содержания действительности, созидающая деятельность Коммунистической партии и советского народа оказывают непосредственное влияние на художественную литературу, и в первую очередь на развитие ею темы рабочего класса, темы труда.

Успехи, достигнутые за годы десятой пятилетки, позволили XXVI съезду оценить их как новую яркую главу в летописи героических свершений народа: «Все это — результат дальновидной политики партии. Все это — результат мужества, энтузиазма рабочих, инженеров и техников, ученых, которые, работая в трудных, подчас в невероятно трудных условиях, поставили богатейшие природные ресурсы на службу народному хозяйству. Сделанное ими — это подлинный подвиг, подвиг для народа, во имя народа»[1].

Раскрывая величие созидательного труда рабочего класса, советская литература показывала и показывает, что сам труд в условиях социализма — это одновременно и процесс формирования, становления и утверждения личности гражданина и патриота, что труд у нас действительно есть дело чести, доблести и геройства, а трудовая деятельность человека есть одновременно и общественная, в которой советский рабочий обретает ощущение собственной причастности к историческому переустройству мира в свете коммунистических идеалов.

---

[1] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 33—34.

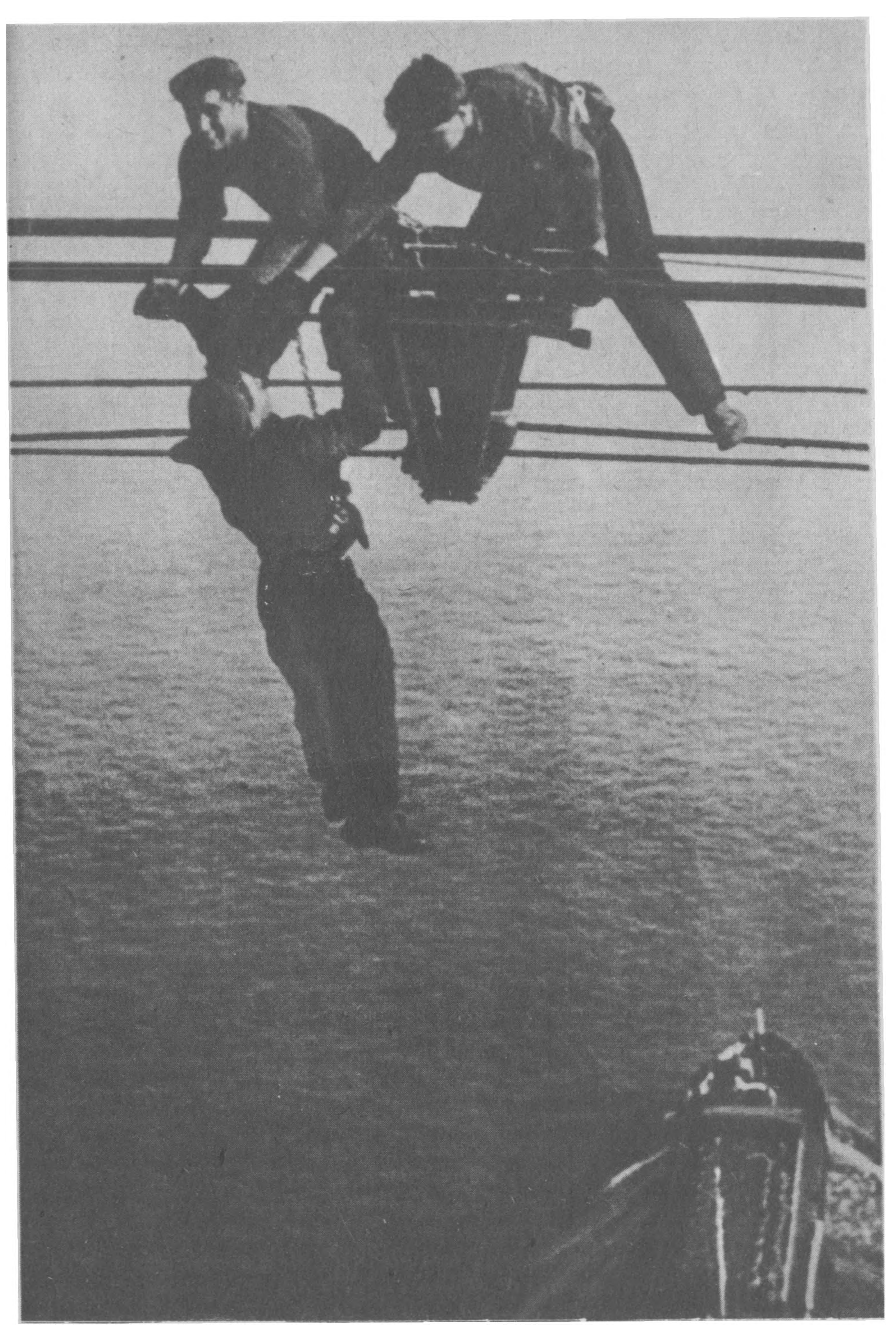
Советская литература утверждает: по мере того как обогащается наша жизнь материально, как насыщается мир человеческого бытия новыми изобретениями и открытиями, все активнее выявляет себя духовное начало в человеке, все более полно проявляет себя человек как творец, как высокий ценитель красоты природы и красоты созданий рук человеческих. Творчество — неиссякаемый процесс, ибо вне творчества немыслима жизнь.

Героика труда стала естественным содержанием многих произведений советской литературы и искусства. И тех, что были созданы в далекие 20-е годы, и тех, что создаются в наши дни.

Даже краткий исторический экскурс в развитие советской литературой темы труда, показывает, что художественное воплощение трудовой героики не оставалось статичным. Оно менялось, обогащалось. Героика труда в произведениях 20-х годов представала великой силой, совершенствующей людей и общество, выражением наивысшей справедливости, красоты и гуманизма, была в чем-то если не равнозначной, то очень близка героике ратной. Но если ратный подвиг, как верно заметил М. А. Шолохов, оставался на виду, был прекрасен в своей откровенной суровости и потому проще для изображения средствами искусства, то подвиг трудовой в будничной обстановке незаметнее, лишен ореола и, следовательно, менее «податлив» в художественном воплощении. Литература упорно и настойчиво искала средства эстетического решения темы героики будничного труда, исходя из понимания, что в основе раскрытия подвигов ратного и трудового лежат сходные творческие принципы и те же самые качества личности обусловливают их (партийная убежденность, преданность великому делу революции, патриотизм и интернационализм), но формы воплощения их в художественную реальность различны.

Уже отмечалось, что в освоении литературой трудового будничного героизма заметна определенная закономерность. Суть ее в том, что, раскрывая героику труда, писатель чаще всего обращается не просто к какому-то событию, явлению, факту подвижнического деяния, а к панораме жизни в многообразии ее революционного развития. Панорама эта воссоздается не широтой и всеохватностью информации о происходящем в мире, а концентрацией происходящего в событиях и в судьбах людей одной стройки, завода, бригады или экипажа судна. В делах людей, в вопросах, какие ставит перед ними жизнь и какие они должны решать и решают, отчетливо видны общественные и государственные проблемы, характерные для текущего исторического момента.

Жизнь усложнилась, наполнилась невиданными прежде свершениями в области науки, техники. Как и прежде, бьется горячее рабочее сердце чувством сопричастности к великому делу по-

ЛЭП пройдет над водной гладью.

строения коммунизма, в каждой машине, в каждом механизме ощутим пульс и тепло мастеровых рук человека. Уловить этот пульс, раскрыть богатство души труженика удается далеко не каждому, кто берется за «производственный» роман. А ведь в принципе первооснову литературы и составляет исследование человеческих душ.

Осознавая трудности в решении темы героики труда рабочего класса и проявляя заботу о ее развитии, Союз писателей СССР и ВЦСПС провели конкурс на лучшее произведение о рабочем классе, посвященный 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Конкурс стал постоянным, итоги подводятся каждые два года. Лауреатами его стали многие известные писатели и ветераны труда, а первых премий были удостоены романы «Истоки» Гр. Коновалова, «Вечный зов» А. Иванова, «В полдень на солнечной стороне» В. Кожевникова, «Имя твое» П. Проскурина, «Территория» О. Куваева, «Шахта» А. Плетнева.

Как известно, на XXV съезде КПСС произведения, посвященные производственной теме, были высоко оценены, поддержан был интерес творческих работников к этой теме. Такое внимание партии, забота ее о дальнейших успехах литературы в раскрытии героики труда советских людей способствует тому, что в современной прозе все чаще появляются произведения, достойные высокой оценки. К ним по праву принадлежит роман Гр. Коновалова «Истоки», вобравший в себя многое из советской классики. Писатель обогатил и развил те корневые проблемы жизни рабочего класса, какие решались художниками в прежние годы. Роман Гр. Коновалова несет в себе рабочее миропонимание действительности. Писатель не замыкает героев в прокрустово ложе профессиональной принадлежности. Напротив, он показывает, как выявляется человек в профессиональном труде, как он утверждает счастье в мире, созидая его или защищая в годину военного лиха. Династия сталеваров Крупновых тесно связана с жизнью, и не только в силу того, что выходцы из нее трудятся в разных отраслях, но прежде всего государственным подходом этой семьи к проблемам времени.

В них та самая первооснова жизни, отрыв от которой чреват для человека крушением его стойкости, нравственной высоты, а стало быть, и причастности к героическим свершениям народным. И потому к семье прикасается в конце концов «блудный сын» Матвей. «...Чем глубже врастал он в жизнь семьи, пропитываясь своеобразной здоровой атмосферой этой жизни,— пишет Гр. Коновалов,— тем постыднее ему было вспоминать свое прежнее размашистое поведение... Подобно тому, как мерзлая земля медленно отходит весной и начинается в ней движение соков, оживают корни, так медленно прорастали в душе Матвея с детства впитанные впечатления».

В атмосфере семьи Крупновых угадывается мир всей нашей жизни, ее социальное и нравственное содержание. Именно такой

подход писателя к раскрытию героической сути рабочего класса и выделил роман «Истоки», из ряда произведений-ровесников. Писатели все глубже и интенсивнее исследуют природу сложного мира производства в органичном единстве с жизнью рабочего класса. Задумываясь над тем, что же составляет основу работы писателей 60-х годов над темой труда, критик В. Чалмаев писал: «Пожалуй, трудно установить какой-то общий знаменатель для всех произведений о рабочем классе последних лет. Но ведущей, на мой взгляд, является тенденция к укрупнению характеров, к изображению гармонического расцвета в них личного и общественного, стремление передать коллективизм нашего общества, прочное бытие социалистических, рождающихся коммунистических принципов в сердцах, умах, каждодневном поведении человека. Не отдельная новостройка, как правило, не хроника ее жизни, а история характеров, судьба народа и человека стали постоянным центром писательских интересов. Роман о рабочем классе наших дней основан на принципе неразрывности в нашей жизни героического и обыденного, на понимании героики как внутреннего смысла самых будничных деяний»[1].

В качестве одного из главных критериев оценки того, какую работу выполняют сегодня люди и как ее выполняют, писатели используют «соотнесенность» нынешних будней с трудовыми буднями войны, Отечественной или гражданской, опираясь при этом на опыт литературы предшествующих десятилетий и развивающих их уже с высоты прожитого и пережитого. Этот прием позволяет художнику подчеркнуть мысль о наследовании последующими поколениями подвига отцов. Со всей очевидностью эта характерная черта эстетического освоения героики труда проступает в тех произведениях, где в центре внимания писателя и будни войны, и трудовые будни послевоенных лет. Таким произведением предстает роман В. Кожевникова «В полдень на солнечной стороне» (1973).

Начинается он с рассказа о мирной, послевоенной жизни главного героя. «Директор мебельной фабрики «Заря» Григорий Саввич Петухов начал свою карьеру с должности заведующего кустарной ремонтной мастерской, а теперь возглавляет предприятие, оборудованное новейшей техникой, не уступающей по своей сложности машиностроительной».

Специальности у Григория Петухова, вернувшегося в мирную жизнь после фронта, не было никакой, кроме армейской, так как на передовую он попал сразу же после школы. Для него, как и для многих других героев Кожевникова, фронт был школой жизни: «Чему в боевой обстановке выучился, после войны пригодилось».

Рабочим начал послевоенную жизнь офицер Петухов. И вхождение в трудовой ритм коллектива для него было сравни-

[1] Чалмаев В. Мир в свете подвига. М., 1964, с. 321—322.

тельно быстрым и легким. Писатель подчеркивает, что его герой сразу ощутил родственность организации работы завода с армейской службой. Здесь тоже был огонь, но уже огонь мирный, огонь мартенов. Трудовое напряжение не спадало. Действительно, не прост был переход на мирные рельсы. Директор завода так оценивает сложившееся положение: «Сейчас бой на заводе идет, и трудный бой: с меньшими людьми дать больше продукции. Войны нет, по-военному не прикажешь. Оборудования дополнительного сразу не получили. Тот завод, из которого мы здесь наружу вылупились, сейчас на своем старом месте заново на ноги становится, его оборудовать надо».

Автор включает читателя в составление программы действий завкома, заставляет участвовать нас в реконструкции производства, в деятельности дирекции завода и общественных организаций.

Прежде всего следовало повышать производительность труда за счет повышения квалификации молодых рабочих, за счет рацпредложений, освоения новой техники. И конечно же, как всегда, кадровые рабочие прививали молодым уважительное, благоговейное отношение к своей профессии, к своему рабочему месту, к тому материалу, с которым имеют дело. В романе В. Кожевникова эта тема развивается дальше: «Понятие общественного труда у прочно кадровых рабочих жило глубоко и широкоохватно. Они уважали в металле не только сработанные из него собственноручно изделия, но и сам металл как таковой, весь тот изначальный, вложенный в него труд добытчиками, доменщиками, сталеварами, прокатчиками, литейщиками, кузнецами, штамповщиками и всем множеством людей разных профессий, имеющих соприкосновение с металлом.

Тяжесть металла они ощущали как весомость вложенного в него труда... Они уважали и ценили металл как нечто очеловеченное, как вещество, исполненное тяжести труда, в него вложенного...

Обучающимся внушали рыдающими голосами:

— Ты заготовку не грызи, не долби резцом, а стругай ее, ну как карандашик ножичком затачивают. Не дери стружку, а снимай ее осторожно, не на силу бери, а от души. Чувствуй поверхность, как кожу свою чувствуешь. Металл, он на грубость, на силу не поддается. Он отвечает на мягкое обращение, с пониманием».

Рядом с Петуховым оказались «своенравные» мастера своего дела, кадровые рабочие Золотухин и Зубриков. Под наблюдением Золотухина Петухов проходит «науку побеждать» в рабочем деле, в овладении секретами токарного мастерства. Становится ударником. И все же полного удовлетворения он не чувствовал. Ситуация была сходна с той, какую мы открыли для себя в «Кружилихе» В. Пановой, где демобилизованный Лукашин оказался на выучке у токаря Мартьянова. Но там,

где писательница оборвала рассказ о вхождении Лукашина в мир «души и изящества», каким назвал Мартьянов токарное дело, начинается повествование В. Кожевникова о том, как его герой познал чувство радости рабочего человека. Пришла она тогда, когда он открыл простоту в сложном и легкость в самом трудном. «Золотухин, чутко понимая душевное состояние своего подопечного, говорил так, словно такому его состоянию радовался:

— Это в тебе, Григорий, рабочая косточка лезет, как зуб мудрости. Вначале болит, но что это означает? Зрелость! Сознаешь: не на ОТК работаешь. Она-то пропустит. Но своя совесть строже! Значит, доходит! На себя работаешь...»

Григорий долго, кропотливо, скрупулезно изучал станок и его возможности, читал литературу по холодной обработке металла, разрабатывал технологию. И победил в споре с техникой. Стал выдавать по три нормы, помогая и другим использовать предложенные им головки резцедержателей.

«По утонченному мастерству, в познании сокровенных тайн изысканного мастерства он по-прежнему уступал Золотухину и Зубрикову. Но Петухову коллектив даровал нечто от того уважения, каким издавна пользовались самые прославленные мастера. Его уже не называли только по имени или фамилии, но величали полностью — Григорий Саввич...»

Он загорелся страстью изобретательства. И это было проявлением не только внутренне скрытых способностей, но и творческой атмосферы, царившей на предприятии. И, конечно же, в таком самораскрытии Петухова сыграл первостепенную роль его наставник Золотухин, любивший при случае сказать: «Повторимых людей нет, каждый сам по себе редкость».

Как не просто дается человеку новое дело, так же нелегко приходилось народу налаживать свою послевоенную жизнь. Переход на мирные рельсы, думы о быте, забота о благоустроенности, проблемы кадров, механизмов, сырья — вот далеко не полный перечень трудностей, которые пришлось преодолевать героям романа. В них запечатлены реальные проблемы, вставшие перед страной сразу же после войны. Литература наша тоже включилась в их решение. И, оставаясь верной ее опыту, В. Кожевников, уже в наши дни обратившийся к первым послевоенным годам, не обошел остроты этих вопросов.

Но как бы ни было трудно, люди понимали, что завоевано главное — мир, чистое небо над головой, спокойный отдых после трудового дня. А трудности общими усилиями будут преодолены. Люди творят мир, о котором мечтали, за который сражались. Мир осуществленной мечты человечества. И творят, как утверждает В. Кожевников, не только по законам целесообразности, но и по законам красоты.

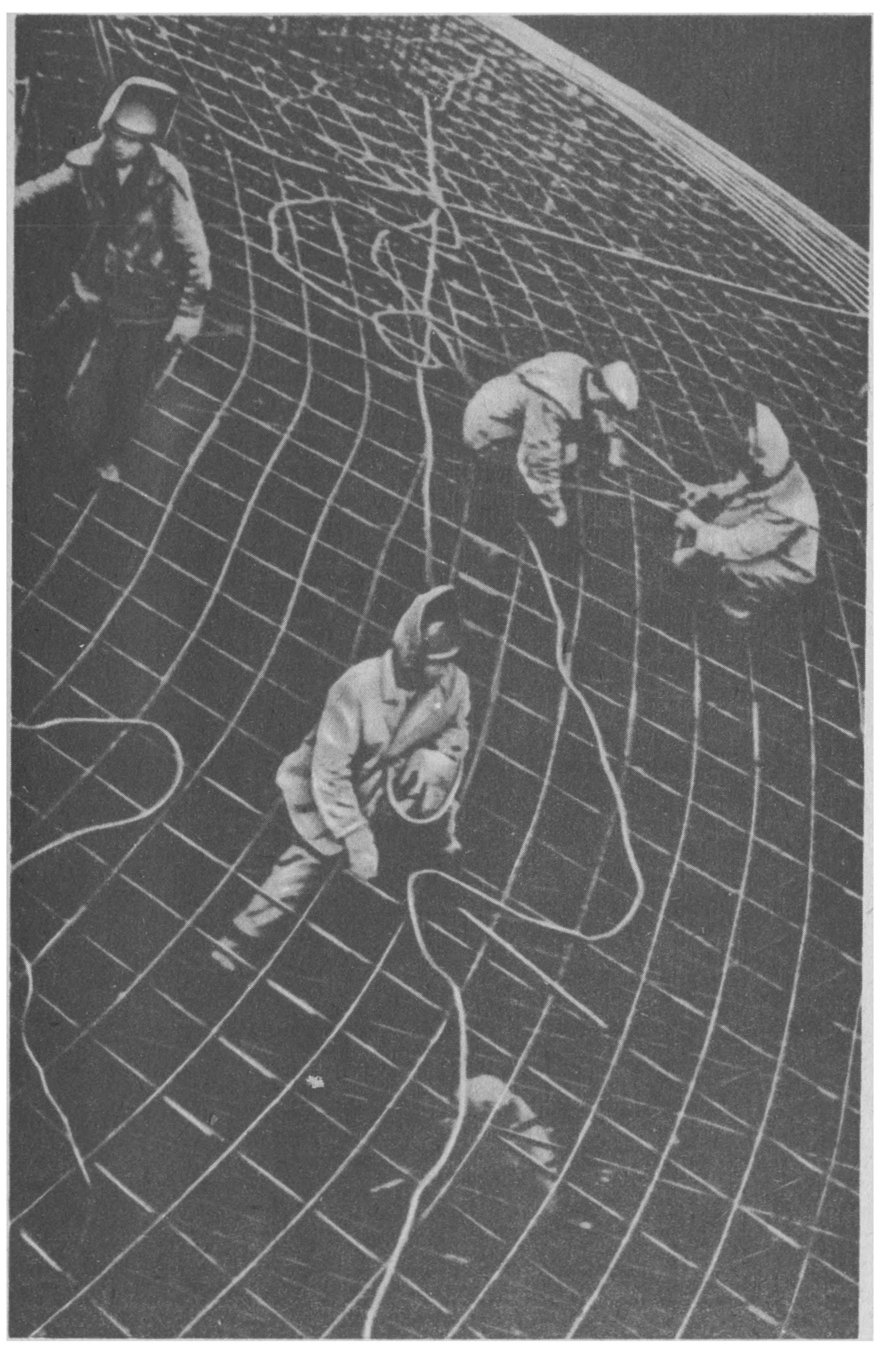
Красота жизни, созидаемая напряженным творческим трудом советских людей, представляет собой ведущую идею социально-

нравственного исследования действительности, какую вела и ведет отечественная литература. Не обошли эту сторону художественного поиска и критики. Отмечая завоевания теоретической мысли в изучении развития прозы о рабочем классе, они указывают на явную недостаточность констатации социальных аспектов в изображении трудового процесса и трудового коллектива, нацеливают художников на нравственные испытания личности труженика, которые обусловлены глубокими социальными изменениями в жизни нашего общества в целом. Они явственнее всего проступают в сфере производственной, в трудовом коллективе.

И если писатель действительно взволнован проблемами художественного решения процессов, происходящих в недрах производственных коллективов и обусловленных ходом научно-технического прогресса, он обязательно коснется ряда общественно значимых проблем времени. Ведь именно такой подход к решению творческой задачи характеризует повесть М. Колесникова «Право выбора» (1971), обеспечил не только активное внимание читателей и критики к произведению, но и устойчивый интерес к повести спустя более чем десятилетие после ее выхода в свет.

Написанная от лица главного героя, повесть дает возможность ощутить нравственный и интеллектуальный уровень рабочего современника. Но еще более она позволяет обнаружить глубинное единство чувства гордости за свой труд, рабочей ответственности за происходящее в мире, причастности к судьбе народа. Эти свойства характера роднят молодого рабочего 70-х годов с представителями старой трудовой гвардии страны — с Василем Коротковым из «Доменной печи» Н. Ляшко и с Николаем Шароновым из «Клятвы» Ф. Гладкова.

О Владимире Прохорове, талантливом сварщике, бригадире, умном, дерзком и смелом человеке, герое повести М. Колесникова «Право выбора», немало сказано в нашей критике. Предыстория его жизни, уместившаяся на нескольких страницах повести М. Колесникова «Пальма и океан» (1965), дает нам реальную возможность увидеть истоки героического и подвижнического в его личности. Вот воспоминания Владимира Прохорова о службе, о людях флота, о товарищах и славных своих командирах во главе с капитаном первого ранга Ивановским, который питал слабость к ним, водолазам. «Он и сам в прошлом водолаз. Пробыл под водой полтора года, поднял тысячи магнитных, акустических и других мин, под огнем противника спасал затонувшие подводные корабли и эсминцы, восстанавливал Днепрогэс. Ивановский — Герой Советского Союза... Да, Ивановский питает слабость к нам. Но любовь его жестокая, беспощадная: он требует безукоризненности...» От таких, как Ивановский, и заряжался мужеством, доблестью и отвагой Владимир на флоте.

Сварщики.

«С героизмом у меня никогда не клеилось,— признается Прохоров.— По-видимому, есть люди, специально предрасположенные к героизму. Такие, как Ивановский, Оболенцев. Я не предрасположен». Но обстановка во время боевых учений предопределила выход героя на рубеж подвига. Иначе он не мог поступить, иначе разговоры о героическом таковыми бы и остались, иначе, может быть, он перестал бы себя уважать. И он вызывается вместе с мичманом Оболенцевым в мягком скафандре опуститься на большую глубину. «Если бы я меньше смыслил в водолазном деле, то принял бы поступок мичмана за должное: кому же и рисковать, как не старшине водолазов, многоопытному и так далее! Но начинаю догадываться, что один мичман много не сделает. Чтобы закрепить трос, ему придется пробыть под водой два-три срока. А чем все это кончится для Оболенцева...

И тут, не узнавая собственного голоса, говорю:

— Разрешите пойти вместе с товарищем мичманом?»

Вот оно, истинное начало, проявляющееся в нужный момент, раскрывающее главную суть мастера своего дела, человека долга, сурового в своей требовательности к товарищам и готового на подвиг во имя общего дела. Именно таким предстает Владимир Прохоров в повести «Право выбора».

Личность рабочего человека всегда ярче всего раскрывается в труде. Это еще раз доказывает своей повестью М. Колесников. Его герои — и сварщик-изобретатель Харламов, и Владимир Прохоров — несут в себе новизну нашего времени, суть тех глубоких изменений в жизни общества, которые обусловливают отличие их от рабочих даже 50-х годов. Особой удачей отмечен в повести «Право выбора» образ Владимира Прохорова. Достигается это не только признаниями героя-рассказчика о влюбленности в свою профессию, проявляющейся в артистизме его работы со сварочным аппаратом, о чем говорит ему мастер Шибанов: «Твоя сварка — это грань, где ремесло переходит в искусство. Гордись!». Еще более действенным в раскрытии образа Прохорова представляется его рассказ о том, как он ищет самого себя среди людей, ищет нравственный и гражданский ориентир в жизни. И видишь, что обретенное однажды, в частности на флоте, еще не гарантирует понимания и себя, и людей на всю жизнь. Владимир Прохоров делится мыслями, раздумьями. И видишь, что искренность его беззащитна, ибо она и есть предел откровения в обращении человека к людям. Ей претит бравада, ей чужда поза. Но она же и великое благо для человека, ибо она есть высшая степень истинности каждого. Предельно откровенны признания героя о своей влюбленности в профессию, потому что с нею связана его живая душа мастера своего дела, и ему верят товарищи. «Тысячи погонных метров стальных трубопроводов! Здесь требуется полная герметичность, и эту герметичность создаю я. Может быть, со стороны мой

Главный конвейер КамАЗа.

труд кажется однообразным: ползает человек под трубами, изгибается, как ящерка, висит на лямках. Да, со стороны не понять всей ответственности труда сварщика и того, что в нем заложено. Как говорит Харламов — бездна!»

Он и в меру самолюбив, Владимир Прохоров, и все делает для того, чтобы победить бригаду Харламова. Но когда Харламова постигла неудача с внедрением в производство изобретенного им аппарата, Прохоров не задумываясь включается в борьбу за аппарат соперника по соревнованию. Для него аппарат Харламова — частица общего труда и новое средство повышения его производительности.

Харламов в повести фигура статичная. Он почти не «раскрывается» в сюжетном движении повести. Он состоялся как человек до начала тех событий, о которых идет речь.

Прохоров дан в динамике, в постоянном духовном обновлении. Решая сложную для себя дилемму, обусловленную правом выбора: поехать в Москву и там, наконец, заняться делом, о котором мечтал всю жизнь, или остаться среди товарищей, оказавших ему высокое доверие (они выдвинули его на должность секретаря парткома), Прохоров выбирает то, что стало его сутью, его натурой. Он выбирает товарищество. Он остается в коллективе.

И это не заданность поведения героя, не творческий «произвол» писателя в отношении к своему герою. Просто Прохоров не мыслит себя иначе, как в связи с родным ему коллективом. В этом и проявляется та самая неприметная героика, которая составляет сущность рабочего человека.

Но выявляя героическое начало в современнике, писатели не минуют и сложностей в раскрытии проблемы утверждения и создания нового. Эта проблема несет в себе обострение противоречия, борьбу страстей и взглядов, принципов и убеждений. И если для одних борьба — это утверждение своей бескомпромиссности, то другие в борьбе реализуют свои корыстные, карьеристские планы. Эта категория людей в борьбе действует запрещенными приемами, нанося не только материальный ущерб стране, обществу, но и морально подрывая авторитет нашей высшей человеческой справедливости.

Не случайно до сих пор волнуют нас столкновения с такими проходимцами в научном мире, как Грацианский в романе Л. Леонова «Русский лес», в сфере производственной с такими дельцами и карьеристами, как Орлеанцев в романе «Братья Ершовы» Вс. Кочетова, Родыгин в романе «Стремнина» М. Бубеннова. Встречаются подобные люди и среди рабочих, но по природе своей они чужеродны рабочему классу. Именно таким предстает экскаваторщик Семен Нагаев в романе Ю. Трифонова «Утоление жажды». На строительстве Каракумского канала он был передовиком производства, портреты его не раз публиковались в газетах, а выступления неоднократно записывались

на магнитофон. Работал он безудержно, воодушевленно, профессионально умело, но только тогда, когда платили солидные деньги. Его «принципы» совпадали с отношением к труду Игоря Мерцалова и его дружков (роман М. Бубеннова «Стремнина»). Да, он мог по десять — двенадцать часов не покидать рабочего места, но коллектив настороженно относился к Нагаеву. Товарищи по работе не любили экскаваторщика-«передовика». Шаг за шагом писатель показывает, как разъедает душу человека накопительство. Рано или поздно его натура должна была раскрыться. Он отказывается от учеников, постоянно требует премиальных. И вот что еще интересно. Хоть и работал, как машина, Нагаев, хоть и умело владел техникой, а в его труде не было той красоты, того вдохновения, того, наконец, артистизма, каким всегда выделяется истинный рабочий, мастер своего дела, живущий ради созидания общего счастья людей на земле. Погоня за деньгами и привела его к постыдному для труженика поступку: он отказался участвовать в ликвидации прорыва канала хлынувшей водой.

Так бесславно и закончил свою работу на канале «знатный экскаваторщик»: рабочие не допустили его больше к бульдозеру.

Действительно, сосредоточив внимание на нравственных процессах, рожденных социальными изменениями в жизни общества, современная литература не только выявляет факты стяжательства, карьеризма, делячества, но и исследует корни подобных явлений. И потому в центре внимания литературы оказываются не только технологические процессы, но и изменения в духовной жизни людей.

Да, время, меняясь, изменяет и жизнь, и человека. И все-таки на каждом витке нашего восхождения к высотам коммунизма время остается заряженным энергией революционной эпохи. Без этого заряда нельзя постичь природу времени, великие изменения, что совершаются каждым поколением советских тружеников. Эту истину хорошо знают те художники, что оставили после себя прекрасные произведения о рабочем классе, и знают те, кто продолжая и развивая их традиции, создают книги о человеке труда в наши дни. И в этом помогает им чувство причастности к труду и жизни героического рабочего класса страны. Со всей очевидностью справедливость сказанного подтверждают рассмотренные нами произведения советской прозы, посвященные героике труда рабочего класса. Они являют собой яркий пример эстетического решения отечественной литературой сложных для художественного освоения проблем трудовой, производственной деятельности советских людей.

ИТОГИ И НАЧАЛА

С первых лет мирного строительства, начавшегося сразу же после победного завершения гражданской войны, человек труда становится главным героем советской литературы. Вчерашние бойцы Красной Армии в шинелях и гимнастерках оказывались на новой передовой — в штурмовых буднях строек: восстанавливали, как Глеб Чумалов в «Цементе» Ф. Гладкова, заводы; строили узкоколейки и налаживали производство в железнодорожных мастерских, как Павка Корчагин в романе Н. Островского «Как закалялась сталь»; вздымали целину глухомани, возводили первенцы отечественной индустрии, как Увадьев в «Соти» Л. Леонова, бетонщики в романе-хронике «Время, вперед!» В. Катаева.

Для героев произведений 20-х — начала 30-х годов, посвященных труду рабочего класса, характерно новаторское восприятие мира, заключавшееся прежде всего в осознании государственной значимости своей деятельности и в глубоком постижении перспективы построения коммунистического общества.

В беззаветном самоотверженном труде и борьбе за утверждение жизни на социалистических началах вырастало в людях качественно новое чувство хозяина страны. Вот почему по призыву партии герои литературы, как и герои жизни, ехали в Сибирь, на Урал, на Дальний Восток, будили российское захолустье песней свободного труда и сами прощались с духовным «захолустьем» (роман А. Малышкина «Люди из захолустья»). Матросы в повести Ю. Крымова «Танкер «Дербент», включившись в социалистическое соревнование, превращались в спаянный трудовой коллектив. Менялось отношение к труду, изменялся и рабочий человек. Эти изменения чутко фиксировала литература.

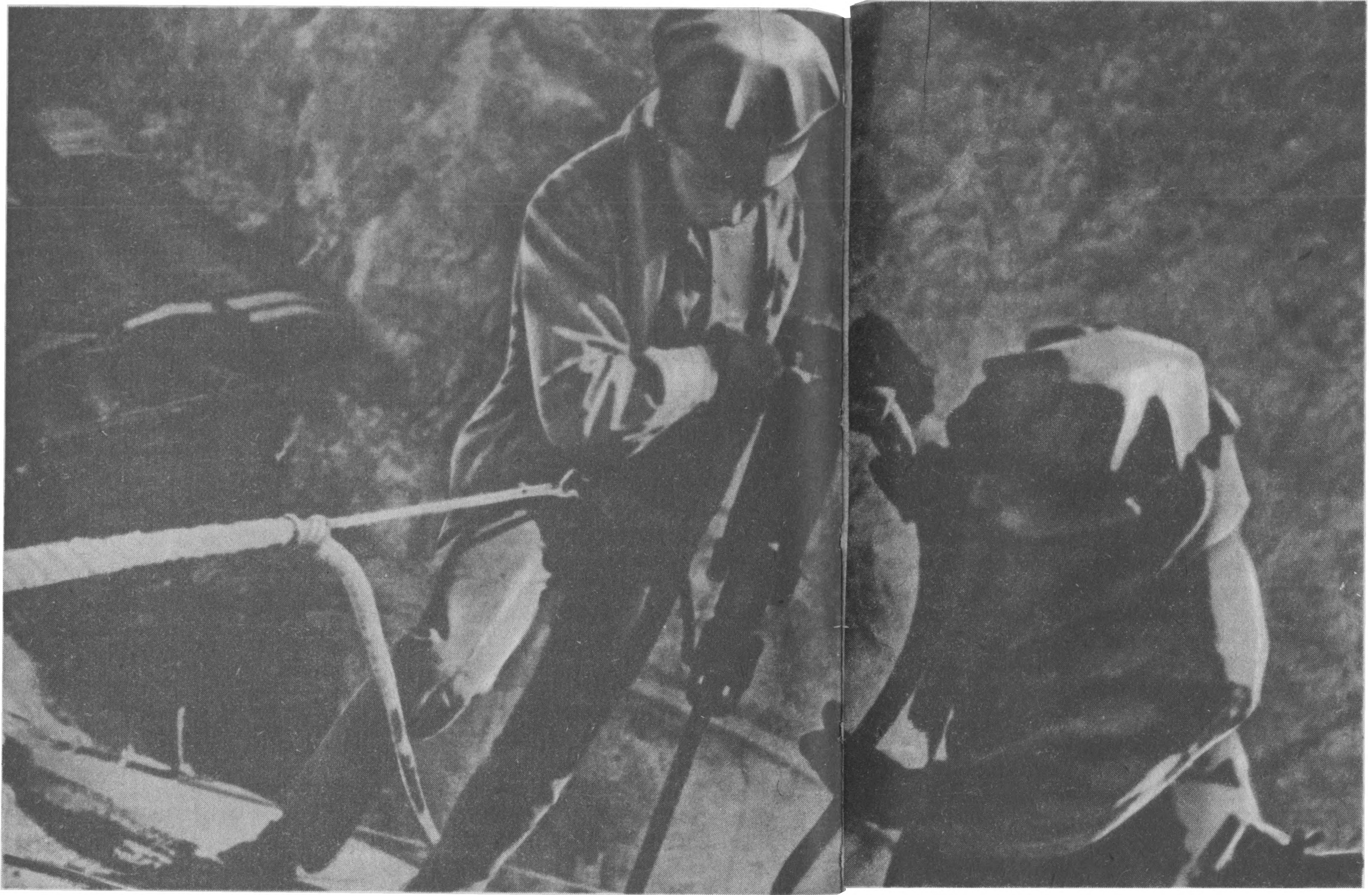
Наследуя завоевания прозы первых пятилеток, произведения 40-х и начала 50-х годов, среди которых были такие романы, как «Испытание» А. Первенцева, «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Журбины» Вс. Кочетова, показали, как в новых условиях войны и первых послевоенных лет развивались и обогащались героические традиции рабочего класса. В них явственно проступали самоотверженность и творческая инициатива, новаторство и целеустремленность в достижении общенародных целей.

«Долгожительство» в литературе этим и другим произведениям обеспечило умение художников органически соединить правду жизни с морально-этическими проблемами формирования новых людей. Изменилось социальное наполнение морально-этических проблем в прозе 50-х годов. Если в 20—30-е годы их суть обусловливалась битвой за создание социалистической индустрии, заводских и фабричных коллективов, собственных ин-

женерно-технических кадров, то отныне возникают не менее сложные, но уже качественно иные вопросы развития производства — усовершенствования, автоматизации, механизации, нового стиля руководства предприятиями и управления производства в целом. Так жизнь породила коллизию «новатор — консерватор». В этой коллизии жило и поныне живет не столько несовместимость двух взглядов на производство, на научный процесс, сколько противоречия в сферах нравственных, мировоззренческих. Советская литература утверждает, что судьбу прогресса в обществе всегда определяли здоровые, творчески сильные натуры, люди труда, люди партии, опирающиеся на новаторский характер нашего строя. Дело для них никогда не становилось сферой чисто производственной: ведь творилось оно людьми, коллективом, без которых любая технологическая доктрина мертва.

Произведения 70—80 годов показывают, что современный рабочий класс отличается не только от дореволюционного пролетариата, но и от рабочего класса 30—50-х годов. Он овладел достижениями научно-технического прогресса, неизмеримо возрос его интеллектуальный, культурный уровень. И вместе с тем не только техника интересует человека труда, он вникает во все проблемы эпохи и стратегические планы преобразования страны. Он все более понимает, что от его труда зависит не только личное благополучие, но и могущество Родины и прогресс человечества.

Это утверждение оказалось бы не более чем риторической фигурой, если бы оно не подкреплялось художественным опытом лучших произведений последних лет, посвященных теме труда рабочего класса. Среди них «Обретешь в бою», «И это называется будни» Вл. Попова, «Перевал» Ю. Антропова, «Техника безопасности» Ю. Скопа, «На Крутояре» И. Падерина, «За неделю до отпуска» В. Добровольского, «Территория» О. Куваева, «Ярь» А. Геращенко, «Шахта» А. Плетнева. Можно было бы продолжить этот список романов и повестей, вышедших за последние годы, в которых писатели прежде всего стремились глубоко раскрыть героику труда наших современников. Однако было бы глубоко ошибочным отторгать современного рабочего от его предшественников. Как немыслимо новое без опоры на традицию, так и жизнь традиции сильна рождением на ее основе нового. Вот почему в своем постижении современника писатель социалистического реализма опирается на бесценный опыт мастеров отечественной литературы, углубляет и развивает его. Это оказывается возможным прежде всего потому, что главное в рабочем человеке — чувство хозяина страны, верность революционным идеалам — осталось неприкосновенным, лишь укрупненным историческим опытом народа. Подтверждением тому выступают герои таких, например, романов, как «Алтунин принимает решение» М. Колесникова, «И это все о нем» В. Липатова, «Территория» О. Куваева.

Прокладывая новый тоннель.

Продолжив рассказ о судьбе героя романа «Изотопы для Алтунина» в романе «Алтунин принимает решение» (1976), М. Колесников показывает его в новом качестве: вчерашний кузнец машиностроительного завода не только становится инженером, но и настоящим борцом за новое, передовое.

Его работу, умение мыслить и воплощать в жизнь задуманное писатель изображает пристрастно. И это пристрастие передается читателю. Мы постепенно включаемся в сугубо производственные, социальные проблемы коллектива кузнечного цеха, несущего в себе многообразие связей с жизнью нашего общества, в котором все активнее заявляет себя гражданственность как основной признак личности рядового труженика, все действеннее становятся процессы дальнейшей демократизации отношений между людьми.

Вот почему Алтунин не одинок. Проблемы развития производства, повышения качества труда, профессиональной ответственности за дело, дисциплины волнуют и командиров производства, и рядовых рабочих. Быстрое «продвижение» по служебной лестнице Сергея Алтунина — не результат его карьеристских устремлений, а необходимость, нужность таких людей в сфере современного производства. В Сергее постоянно живет ощущение причастности к судьбе коллектива и вместе с тем жажда сделать все возможное для дальнейшего развития цеха и завода. В этом образе привлекает нас высокая нравственность, душевная открытость и бескорыстие. Он умеет влиять на людей, делать союзниками тех, кто вчера еще выступал против его устремлений. Эти свойства Алтунина писатель высвечивает с помощью внутреннего противопоставления с его товарищем — Петром Скатерщиковым, который тоже был кузнецом, а теперь стал инженером.

В отличие от Алтунина Петр эгоистичен, честолюбив. Это он говорил Сергею, что научно-технический прогресс предполагает деловые производственные отношения без ставки на энтузиазм и повышенную сознательность. На что Алтунин убежденно возражает: «Деловой человек без энтузиазма и повышенной сознательности — это ж, если хочешь знать, просто хо-

По комсомольской путевке на стройку.

лодный ремесленник. Это человек с рыбьими глазами: ему все равно, в каком пруду плавать, лишь бы корм был».

В центре внимания и писателя, и героя находятся проблемы сугубо технические. Но они непременно так или иначе неотторжимо связаны с человеческими чувствами, думами, без чего вообще немыслимо художественное исследование жизни. Без активного вторжения в сферу нравственную нельзя постичь вопроса о наследовании молодыми людьми героических традиций рабочего класса, проблемы воспитания в них чувства гражданина, патриота и борца за идеалы нашей действительности.

Таким героем — нашим молодым современником — предстает Женя Столетов в романе В. Липатова «И это все о нем» (1974). Писатель много внимания уделил раскрытию жизненных условий, семейных традиций, общественной атмосферы, в которой сформировался Женя Столетов — комсомольский вожак лесоучастка. Этот паренек, работающий на тракторе, рос в семье потомственных трудовых интеллигентов. Это и дед — старый большевик, до сих пор врачующий жителей поселка, и мать, и отчим — люди высокой чести и гражданского долга. Большую роль в формировании характера юноши сыграл учитель Радин, которому Женя однажды сказал: «...вы для меня — партия!»

Выросший в атмосфере честности, благородства и мужества, Женя не мог не вступить в борьбу с мастером Гасиловым, хитрым, умным и ловким дельцом. Постоянное занижение плана, сокрытие истинных возможностей участка, приписывание показа-

телей позволяли ему и тем, кто поддерживал Гасилова, как бы на законном основании воровать у государства деньги. Вместе с комсомольцами Женя проводит «забастовку наоборот»: бригада трудится с полной выкладкой, перекрывает нормы и тем самым доказывает несостоятельность «экономической системы» Гасилова.

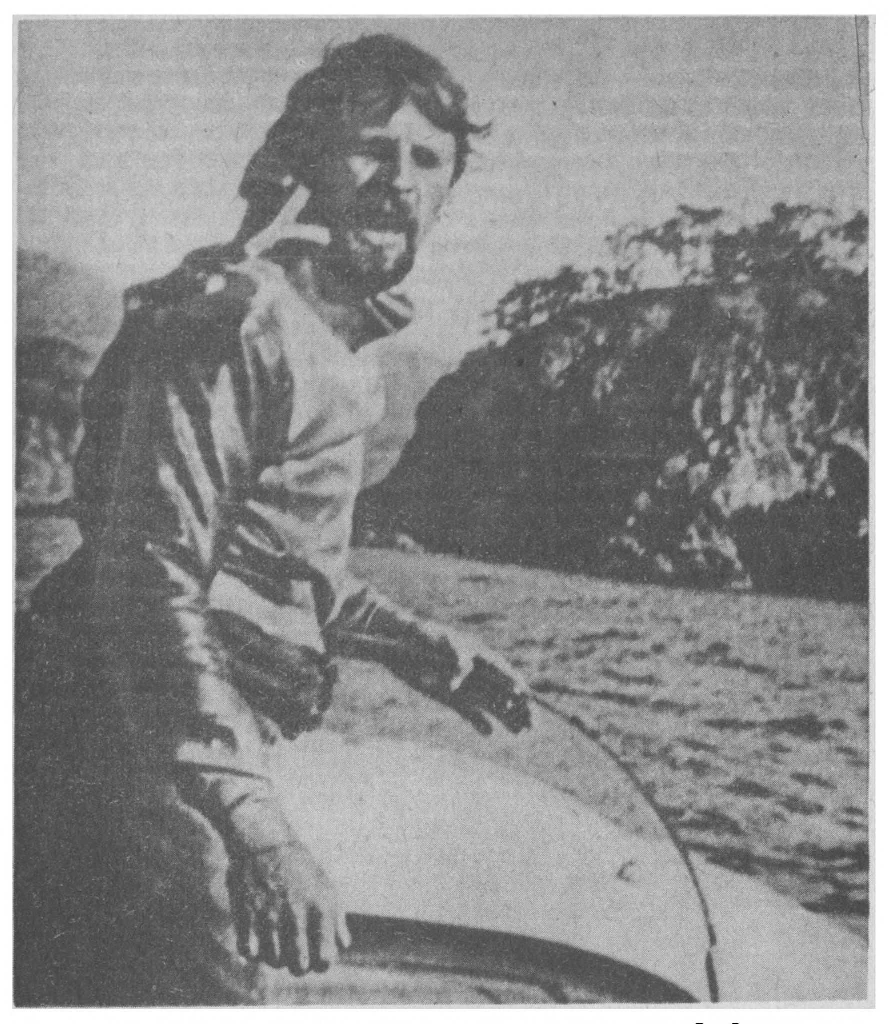
Так нравственно-этический конфликт разрешается в производственной ситуации, а основным критерием гражданской, нравственной, этической правоты ребят-комсомольцев из сибирского поселка Сосновки оказывается труд. И каждый из них превыше всего ценит свою принадлежность к рабочему классу. Это точно, ярко и психологически верно раскрывается в разговоре «по душам» Жени Столетова с бывшим уголовником, а ныне рабочим леспромхоза Аркадием Заварзиным, которому махинации Гасилова пришлись по душе. В самом деле, зачем нарушать закон, рисковать, когда можно жить вольготно за чужой счет (Гасилов обеспечивает легкое житье путем махинаций и комбинаций)? И потому Аркадий озлоблен и на Столетова, и на его товарищей за их «забастовку наоборот», за их борьбу с гасиловщиной, не понимает действий Столетова.

«Я одно хочу знать! — прижимая к груди обе руки, сутулясь, говорил Заварзин.— Хочу знать, для чего ты все это делаешь, Столетов! Ведь в справке для института тебе не напишут, как ты работал... ишачил три года, и все! Все! Так зачем ты вкалываешь? Зачем? Ты сейчас вкалываешь такую деньгу, что больше не бывает. Зачем же вкалываешь все больше и больше?!»

Не правда ли, как убог мир человека, произносящего эти слова? И как высок мир Жени, которому угрожают и который неожиданно ощутил сочувствие к этому человеку, неспособному понять, «что можно и нужно жить иначе», совсем по-другому — честно, благородно и светло. Жене было искренне жаль того, кому «и в голову не приходило, что существует на земле сила большая, чем деньги, слава, любовь к комфорту, к ломтю хлеба с черной икрой. Заварзин так мучился, что Женьке Столетову стало жалко его дрожавших от возбуждения рук, непонимающих, опустошенных глаз, увядающего рта; пораженный Женька тоже прижал руки к груди, взволнованный, страстно сказал Заварзину:

— Да пойми ж ты, Аркашка,— я — пролетарий! Рабочий! Я же говорил тебе...»

В этих словах, в этом искреннем выдохе сердца звучит причастность совсем еще юного человека к славному рабочему классу, в них зрелость и его гражданская позиция, черты борца. Столетов, несомненно, героический характер, к которому на новом этапе коммунистического строительства вышла советская проза в 70-е годы. И в частности, проза о трудовых буднях рабочих людей, варящих сталь, добывающих уголь, ищущих новые кла-

Дальневосточный научный центр. Кандидат биологических наук В. Сова при изучении биологии моря.

довые земли, как герои романа О. Куваева «Территория» (1974).

Герой романа — начальник геологической партии Сергей Бакланов размышляет о существе дела, которое «приковало» его к Территории. Суть профессии для него в том, чтобы взглядом проникнуть в глубины земли. Он считает, что истинность дела человека на земле заключается в том, чтобы поставить открытия на службу людям.

Страшные трудности преодолевали и герои Дж. Лондона, но цель их была мизерна, романтика бескрыла, ибо все своди-

лось к бизнесу, связанному с собственным благополучием, обогащением. На Территории Куваева все то же, только с обратным целевым устремлением. Ища золото, герои его остаются равнодушными к «золотишку». Раздумья, размышления, замечания подчеркивают слитность писателя с героями, его причастность к их труду. Реальная, тяжелая романтика поиска, требующая напряжения всех духовных и физических сил, героического самоотвержения человека, соединяет в нерасторжимое единство судьбы таких разных людей, как Монголов, Баклаков, Апрятин, Салахов. Мера всех вещей — это Труд, высшее счастье — Работа, сокровенное — Человек — хозяин своей жизни и своей страны. Именно эти социально-нравственные категории составляют в единстве своем духовную конституцию Ильи Николаевича Чинкова — главного инженера «Северостроя».

Чинков верит в перспективу района, от которого давно перестали ждать золота. Перестали, но не он, не его единомышленники. И вера эта не только интуиция, а знание, рожденное неистребимой жаждой постижения земной глубины. Из знания рождается предвидение.

Нет, Чинков не из вздорных гениев, которые никогда ни в чем не признают ошибок, не страдают, не сомневаются. Все это наличествует в нем. Чтобы глубже и потому основательнее понять суть Чинкова, находящегося в центре романа, надо внимательно вглядеться, вслушаться в смысл его «исповедей», «заповедей», «советов» и «наставлений», которые вещает он не как непогрешимый Будда, а как убежденный в вере, данной ему земным и длительным опытом Дела.

И если выбирать из множества сцен, эпизодов, ситуаций, в которых каждый раз поворачивается какой-то новой гранью монолит личности, прозванной Буддой, где бы проявилась его Вера, в основе которой нерасторжимость Человека и Дела, то самой интересной выступает встреча Чинкова с бывшим североостроевцем, а ныне замминистра Сидорчуком. Здесь и прояснен главный принцип его: «Делать или умирать».

Не жесток ли в своей категоричности этот принцип? Не слишком ли мал выбор, какой он предоставляет и исповедующему его и тому, кто ему присягнет? И что это значит: «делать или умирать»? В беседе с Калдинем, мнением которого дорожил, Чинков изложил суть принципа. Он верит в «метод большого болота». Подводят к нему человека и дают задание сходить на ту сторону и вернуться. Одолевший задание — будет ходить. Если завязнет, надо вытащить, обмыть и отправить на сухие места.

Нет, не жесток и потому не безысходен чинковский метод воспитания.

Роман «Территория» как бы вбирает в себя то доброе, настоящее, плодоносное, что достигнуто нашей советской классикой, и одновременно он созвучен времени в его обращенности

к проблемам социального и нравственного выбора человеком своего места в общем строю созидателей. Жизнь ради идеи — закон социального обновления мира, реализованный в полную силу эпохой Великого Октября. Идея была и для комсомольцев 20-х годов, и для других поколений молодых тем живительным ферментом, который «влил» каждого из классических героев, в том числе и Чинкова, в организм его поколения, вернее, в боевой отряд этого поколения, чьими силами определялся и определяется пафос революционного преобразования мира.

Вообще нужно особо подчеркнуть то обстоятельство, что в 70-е годы проза о рабочем классе активно вторглась в сферу героики труда, раскрывая ее через проблему нравственной ответственности человека перед коллективом. Причем это чувство ответственности чаще всего выявлялось не в декларативных высказываниях или выступлениях молодого героя, а в психологическом раскрытии характера, настроенного на обязательное выполнение порученного дела. И здесь всякий сбой, срыв, несогласованность в цепи производства героем воспринимается как собственное упущение. Отсюда и повышенный эмоциональный суд совести молодого рабочего над собой и над теми, кто повинен в срыве заданий, кто отличается недобросовестным отношением к своим обязанностям. Именно такой юношеский максимализм объединяет молодых героев прозы последнего десятилетия, обращающейся к разным периодам жизни советского общества.

Герой романа Юрия Авдеенко «Вдруг выпал снег» (1981) Антон Сорокин вступает в жизнь в трудный послевоенный период, полный радости одержанной победы над фашистской Германией и драматизма, неустроенности, разрухи тех лет. Антона манит романтика жизни. Он мечтает о том, чтобы стать моряком. Для этого, полагает он, необязательно заканчивать десятилетку. Уходит из девятого класса, а оставшееся до весны время решает «перекантоваться» на заводе.

Книжная белопарусная романтика, которой грезил Антон, никак не вяжется с суровой действительностью, с тяжестью работы на заводе. Герой романа оказывается не готовым разглядеть главное, глубинное содержание подвижничества советских рабочих, тяжелейшего труда не только литейщиков, слесарей и грузчиков, но и тех самых моряков, в ряды которых он стремится попасть. Ему пока не подвластна мысль о том, что будничная работа и есть тот самый героизм, без которого невозможно осуществление мечты о счастье каждого человека и страны в целом. Антону только еще предстоит в ходе обретения человеческой зрелости прийти к истинному пониманию существа труда рабочего человека, и именно об этом сказал ему кадровый металлург Ростков в ответ на злые слова Антона о том, что такие, как Ростков, не понимают мечту человека, не считаются с его планами, подчиняя все планам производства:

«Человеки тоже разные бывают... Человек — созидатель. С таким определением я могу смириться». А созидание — это и есть труд во имя мечты о будущем. Без труда всякая мечта — пустой звук. И понимает это только тот, кто действительно живет ради мечты.

Это желание движет поступками Василия Ярцева, молодого героя повести Ивана Падерина «На Крутояре» (1975). Время действия повести — 70-е годы. Юношеский максимализм, жажда справедливости и добра сближают Антона Сорокина, с которым мы встретились в 1949 году, и Василия Ярцева, живущего в 70-е. Василий старше не только по возрасту, но и по жизненному опыту. Он и в армии отслужил, и на Крутоярском заводе после армии переменил не одну специальность: был и слесарем-автомехаником, и инспектором по качеству, и испытателем машин. Он упорно ищет свое истинное призвание. И поиск происходит не в абстрактном мечтании о романтике, в стороне от дела, а в строю товарищей по рабочему классу, вне которого не мыслит себе Василий Ярцев, сын потомственного пролетария, своего места на земле.

Жизненный опыт складывается и из воспитания в семье, в школе, в армии, в заводском коллективе. А проявляется он прежде всего в гражданской позиции человека, в его убеждениях, в его осознанной причастности к труду товарищей. Вот истоки той страстности, той непримиримости, с какой герой повести «На Крутояре» вмешивается во все, что его непосредственно не касается. Больше того, о себе он и не думает, когда отстаивает интересы коллектива, государственные интересы. И в этом-то как раз и проявляется подлинная принципиальность. Ярцев всегда на переднем крае, где сходятся, скрещиваются, связываются интересы и усилия многих людей во имя решения неотложных и важных государственных задач.

Однако Ярцев отнюдь не идеальный герой, не мудрец, обогнавший своих ровесников в постижении житейских уроков. Он и резок, и категоричен, и не всегда терпим, как это нередко бывает в юности, желающей жить по принципам добра и справедливости в их идеализированном виде. По принципам добра, служения людям живут вместе с Ярцевым его товарищи — Кубанец, Волкорезов, Абсолямов и другие. Они знают одно верное правило жизни, унаследованное ими у старших товарищей: чтобы требовать, чтобы критиковать что-то или кого-то, надо иметь на это моральное право. А оно обеспечивается честным трудом, образцовым поведением в обществе.

Иван Падерин внутренне осознает необходимость точного, выверенного взгляда на проблему воспитания в человеке активной жизненной позиции и проявления ее человеком в трудовой деятельности, полной скрытой романтики и героики, растворенной в буднях. Особое место в повести писатель отвел образам людей старшего поколения, среди которых и генеральный ди-

ректор завода, и секретарь горкома партии, который считает необходимым лично вмешаться в «дело» кандидата в члены партии Ярцева. О неверном решении парткома управления секретарь горкома узнает от Федора Федоровича Ковалева. Образ этот принципиален в повести. Бывший армейский партийный работник Ковалев свои обязанности коменданта молодежного общежития понимает широко и многозначно: прежде всего он старший товарищ молодых рабочих, их наставник, если хотите, но и надежный друг. И молодежь верит ему. Молодые люди рассказывают старому коммунисту о своих проблемах, счастье и несчастье. Именно Федору Федоровичу поведал происшедшее с ним на парткоме Василий Ярцев.

Верным другом молодежи стал начальник транспортной колонны Егор Ефимович Ползунков в повести Вадима Кожевникова «Белая ночь» (1978). В годы войны Егор Ефимович служил в пехоте, командовал артиллерийским расчетом, затем в Находке работал докером. Потом увлек его размах строительных работ, сначала на Дальнем Востоке, теперь вот в Заполярье. Когда приходили в его транспортную колонну новички, Ползунков вел с каждым из них примерно такой разговор:

«— Сюда одни за длинным рублем, другие за романтикой. А ты зачем?

— Работать.

— Тут у нас только медведи безработные, и те от скуки поседели. Чего умеешь?

— На тракториста сдал.

— А в высшем почему не выучился? Стипендия, что ли, была неудовлетворительная? Или ума не хватило баллов набрать?

— Вам только с дипломом требуются?..

— Не нам, а тебе, для дальнейшего прохождения жизни...

— А чего вы меня допрашиваете?

— Я только спрашиваю, чего ты сам про себя думаешь. Я к людям доверчивый. Был у меня в бригаде Сергей Мымрин, срок он отбывал за то, что проявил пережитки капитализма. К нам явился. Желаю, говорит, отмыться. Ну что ж, говорю, отмывайся — зачислил. Способный парень и песни петь, на гитаре играть, а к труду способностей нет — филонит. Ну, я ему и объясняю — вот в чем ты, выходит, жулик, а вовсе не в том, что ты когда-то там спер. Уклоняться от дела, когда все работают, то же самое воровство, Только без официального нарушения уголовного кодекса. Ну, и вынес ему свой собственный приговор по договоренности с бригадой. Уволить не уволили, а работу не давали. Все вкалывают, а ему занятие придумали — со стороны только глядеть.

— Ну что, и перевоспитали?

— Его нет. Но на коллектив такая мера наказания хорошее впечатление произвела. Учли. Чем больше человека уважаешь, тем ему работа тяжелей, ответственней доверяется...».

Неисправимый романтик-созидатель Егор Ефимович Ползунков стремится передать молодым своим подчиненным — ребятам из транспортной колонны — свое представление о жизни, о назначении человека, о подвижничестве его как родовом качестве советского труженика. Под его руководством, под влиянием его личности и действенного примера во всем ребята проходят огромную школу подлинной героики труда.

Главное, что внушает своим юным товарищам Егор Ефимович,— надо проникнуться пониманием существа героизма. Настоящий героизм немыслим вне мужества, честности, самопожертвования. Причем самопожертвование совсем не означает преодоления чрезвычайных ситуаций, хотя и не исключает этого. Героизм в труде — это способность человека сделать по возможности больше и лучше того, что положено. Сделать так, чтобы самому себе можно было сказать: я сделал все, что мог. «Педагогика» Ползункова приносила свои ощутимые плоды. Его молодые товарищи в непредвиденных обстоятельствах, в ледовой бухте во время разгрузки и перевозки оборудования для индустриальной стройки, проявили и солдатское мужество, и рабочую смекалку. При этом ребята рассматривали свою миссию «ничуть не меньше фронтовой задачи. И стройка светила им такой же победой, как Ползункову, когда штурмом освобождали населенные пункты и в пределах Родины, и за ее пределами. Солдаты освобождали, а здесь люди создают на пустынной земле населенные пункты — бастионы индустрии, мощью которых преобразуется тут все пространство, и во имя того, что будет, они такие, какие есть, и, пожалуй, такие, какими были бы, если б были солдатами, и, возможно, таким должен быть человек всегда и во всем. И меркой их человеческого достоинства всегда служит неиссякаемый подвиг свершаемого, к которому они причастны».

А вот с героем повести Ю. Антропова «Перед снегом» (1975) Венькой Компраковым мы встречаемся отнюдь не в экстремальных условиях. Правда, работает Венька в тяжелом цехе, где надо быть не только отличным слесарем, ловким, выносливым и расторопным парнем, но еще и мужественным человеком, преодолеть гаденькое чувство страха перед возможной аварией. Случилось так, что даже во сне начало казаться Веньке, будто в цехе происходит взрыв хлоратора. Поделился беспокойством с дружком Саней Ивлевым, а тот в шутку все перевел: «Интересно, Веня, что тебе сниться будет, когда хлораторы перестанут взрываться... Что ты сам будешь делать со своей героической профессией?..

— А с какой стати они перестанут взрываться? Такого не бывает.

— Должно быть. Они должны работать чисто — ритмично, по программе. Как хорошие часики: тик-так, тик-так...— покачал Ивлев пальцами, как маятником.— А то, что еще не научились

управлять процессом ритмичной работы хлоратора, так не беда — научимся».

В словах Сани звучала убежденность. Он все больше и больше поражал Веньку Комракова, этот интересный и в чем-то уже непонятный парень, с которым Венька вместе служил в армии, вместе по комсомольской путевке приехал на стройку титано-магниевого комбината. И всегда в их решениях и делах верховодил Венька. А вот прошло время, и Саня опередил друга и учителя Комракова: сдал на шестой разряд слесаря, поступил в институт и успешно окончил его, защитив диплом инженера. Но, пожалуй, самой большой неожиданностью для Веньки было то, что во время учебы в институте его товарищ решил постичь от начала до конца все циклы производства и стал пробовать свои возможности как специалист в разных цехах комбината. В ответ на Венькино: зачем, ведь институт и так из тебя инженера сделает, Ивлев со всей серьезностью заявил: «Я сам буду делать из себя инженера... Хочу до последней точки добить, до самого корня докопаться».

В поведении Ивлева, в его отношении к работе и учебе проявлялись удивительные настойчивость, сознательное самопожертвование. В его жизни реализовался героизм как черта характера, как принцип поведения. К этому Венька пока еще не был готов. Вот почему, прикрываясь бравадой, что ему-де и так живется хорошо, Венька все же понимает, что Саня стал настоящим инженером, а не просто дипломированным специалистом.

Однако было бы неверным считать, что Ю. Антропов представляет своего Саню неким эталоном молодого человека, примером подражания для Веньки Комракова. Напротив, писатель склонен, как мне представляется, утверждать другое: каждый волен распоряжаться собой по-своему. Но важно при этом не загасить в себе постоянную жадность к новому, требовательность, увлеченность, которые позволяют человеку совершать «чуть-чуть» больше возможного, а это и есть основа для чувства собственного достоинства. Не оттого ли и Венька тоже пытается проверить себя на прочность: оставил престижную работу и перешел в бондарный цех делать бочки. Конечно, и Сане хотел доказать, что не гнушается простой работой.

Можно делать разные выводы относительно тех мыслей, что руководили писателем в процессе создания образов этих неповторимых и в то же время удивительно знакомых нам молодых современников. Думается, что главным было стремление показать непреложность социально-нравственной ценности человека в нашем обществе: он ценится не по принципу — «была бы бумажка», именуемая дипломом, а ума и таланта якобы не надо, а прежде всего по его отношению к труду, по его способности подчинить свои интересы общим, по его жизненной позиции.

Эта же проблема волнует и героя Гария Немченко «Возвращение души» (1982) — бригадира Вэ Мэ Басаргина, как он

называет себя в «историях», рассказанных им самим. Так обозначил жанр своей книги Г. Немченко. Монолог бригадира обращен к автору-журналисту, приехавшему на Антоновскую площадку в Сибирь, где бригада монтажников завершала очередной объект конверторного цеха. И каждая из историй Басаргина — это рассказ о преодолении человеком каких-то своих слабостей, об обретении высокого звания рабочего, о настоящем человеческом счастье. Монологичность повествования, исполненного в сказовой манере, несет в себе явную нацеленность на полемику с некоторыми устоявшимися понятиями, представлениями, суждениями «людей сторонних» о труженике, который якобы жив только вкалыванием, мечтой о заработке. Попутно, между прочим, словно бы разряжая повествование о своих товарищах по бригаде — Иване Чернопазове, Игоре Проничкине и других, Владимир Михайлович Басаргин и о себе кое-что сообщает. И о том, что в армии в десантниках служил и за службу награжден орденом Красной Звезды («так вышло»), и что по России-матушке поколесил, и что в Индии четыре года бригадирствовал на строительстве металлургического завода в Бакара, и что вот оказался здесь, на Антоновской площадке.

Но и относительно духовного багажа, запаса душевной энергии бригадира в историях тоже есть свидетельства. Одно из них — в рассказе о том, как приехавший на площадку фотокорреспондент спросил его: «Володя, говорит, ты как герой труда, крупный специалист в своей области... мог бы ты вот что объяснить?.. Вот как, мол, это понимать: небывалый трудовой подъем?.. А в прошедшем только что полугодии, я говорит, специально подсчитал, один за другим — сразу три трудовых подъема, и все небывалые. И как: всякий новый небывалый, он что, небывалей предыдущего?! Или по силе они примерно равны, а все дело в том, что подолгу не держатся? Или как? И голубыми глазами смотрит»..

Понимал бригадир, что ехидный вопросик подкинул ему фотокорреспондент. А вот не нашелся сразу. Когда нашелся, отстегнул часы и небрежно на песок бросил. Фотокор прочитал гравировку: «В подарок от министра», а вокруг помельче: «На память о здоровом сне на свежем воздухе». И бригадир поведал автору-журналисту очередную историю. Хлебнули они тогда, монтажники, на втором конверторном.

Работали ребята иногда по две смены подряд. А однажды через три часа вновь пришлось идти на работу. Басаргин раньше всех пришел, поднялся на площадку к восьмидесятой отметке, скрылся за колонной и заснул: ребята появятся — разбудят. А проснулся от крика: замминистра обзывал его ребят бездельниками. Времени — половина двенадцатого. Хлопцы его по другую сторону колонны тоже спали, полагаясь на бригадира, что он их разбудит. Замминистра говорил, что недопустимо терпеть подобных лентяев на стройке, где работает героическая бригада

Басаргина, которому он должен за доблестный труд передать часы от министра. Узнав, что говорит это все именно Басаргину, замминистра замолчал. А бригадир, воспользовавшись паузой, заметил: швелер-тридцатка, приваренный на отметке «восемьдесят», отличается в общем-то от двухспальной кровати. И если люди, сидя на нем, уснули, значит, мало сказать, что перед этим они крепко поработали. Замминистра и приписал на часах о сне на свежем воздухе, когда температура «за бортом» была минус тридцать шесть градусов. Завершал бригадир эту свою историю так: «Потом, когда уже несколько лет спустя вручали они мне с министром «Москвич», я про себя смеюсь: а на нем ничего такого не написали?.. На машине и места много, да и у нас за это время случилось столько всяких историй... За какие такие подвиги они мне машину подарили? Да ну, какие там подвиги. Просто за очередной трудовой подъем. Правда, за небывалый, естественно...»

Понятно, что такой человек, как бригадир Басаргин, пользовался авторитетом у своих товарищей, которые вместе с ним бились за перевыполнение сменных заданий и плана в целом, отстаивали честь бригады в соревновании с другими, боролись за каждого члена своего небольшого коллектива, за «возвращение души» его, когда тот оказывался в критическом положении. Так было и с молодым рабочим Иваном Чернопазовым, на которого бригада положила немало сил, забот, внимания. Он прибился к ним совсем еще зеленым пареньком. Вырос в добротного специалиста, проводили его в армию. После армии вернулся, снова вместе работать стали. Но вот заметили, что приохотился Иван к «зеленому змию». Скольких погубил этот недуг. Неужели и у Чернопазова может поломаться жизнь из-за этого? — думал бригадир. «А как же с предназначением человека?.. С красотою мира вокруг? Со светлыми идеалами?.. Со всеобщим добром? Со звездами в ясную ночь над головой? С людской совестью? Со всем-всем, до чего додумались те, кто в отличие от многих других думал всегда, и думал, думал, думал?!..»

В этих словах Басаргина выявлен тот нравственный климат бригады, в котором формировались люди, рождался их небывалый трудовой подъем, им подчинялись такие задачи, решение которых считалось невозможным. В таком коллективе и возможно становление настоящей человеческой личности, рождение рабочего характера. И нравственный климат бригады в своем единстве с жизнью Антоновской площадки в повести Г. Немченко предстает теми самыми типическими обстоятельствами, которые мы именуем героикой будней.

Как не всегда отчетливо видны приметы героического в будничных делах и заботах, так не всегда приметными в своем героическом содержании предстают такие люди, как мастер ручной формовки Виктор Иванович Головин, о котором пишет свой первый очерк молодой сотрудник заводской многотиражки

Роман Бессонов — главный герой повести Дмитрия Евдокимова «Добрые времена» (1984). Действительно, как это не просто рассмотреть глубинное и сокровенное в натуре народного умельца, обнаружить в потоке рабочей текучки героические моменты, а в людях — непоказной энтузиазм. Это отчетливо осознает выпускник историко-архивного института Роман Бессонов, неожиданно для себя обретший реальную возможность осуществить давнюю мечту — стать журналистом, жить творчеством, участвовать словом в общем деле созидания нового общества, нового человека завтрашнего дня. Встреча с бывшим сокурсником, комсомольским секретарем машиностроительного завода, решительно и счастливо перевернула судьбу архивариуса Бессонова.

Отныне в среде заводчан он проходит подлинную школу жизни, обретает гражданскую зрелость вместе с другими «обитателями» молодежного общежития, инженерами Женей Немовым и Аркадием Петровым. Писатель не спрямляет пути каждого к своему порогу зрелости, показывает обретение гражданской зрелости в каждом из них не за счет отказа от юношеского максимализма, а укрепляя его реальными делами, непременным риском, самопожертвованием в достижении поставленной цели.

Именно таким предстает на страницах повести «Добрые времена» Евгений Немов, работающий на заводе начальником лаборатории НОТ. Он активно, даже азартно доказывает моральное устарение некоторых принципов планирования труда, его производительности и оплаты, существующих не только в практике их завода. И он переполнен радостью оттого, что некоторые его мысли поддержал на собрании коллектива замминистра. Возвращаясь с собрания, юный герой возбужденно говорил Роману: «Нет, ты подумай. Вот мужик! С ходу разобрался. Мы теперь им покажем,— Евгений возбужденно потрясал кулаком.— Такую работу развернем!

Через несколько шагов он снова остановился. Глаза его радостно блестели.

— Слушай. Ты чувствуешь?

— Что?

— Хорошие времена наступают.

Роман рассмеялся.

— Ты чего?

— Раньше говорили — «старые добрые времена». А теперь, значит, «новые добрые времена»?

— Как? «Добрые времена»? — переспросил Евгений.— Слушай, ты просто здорово сказал — «новые добрые времена».

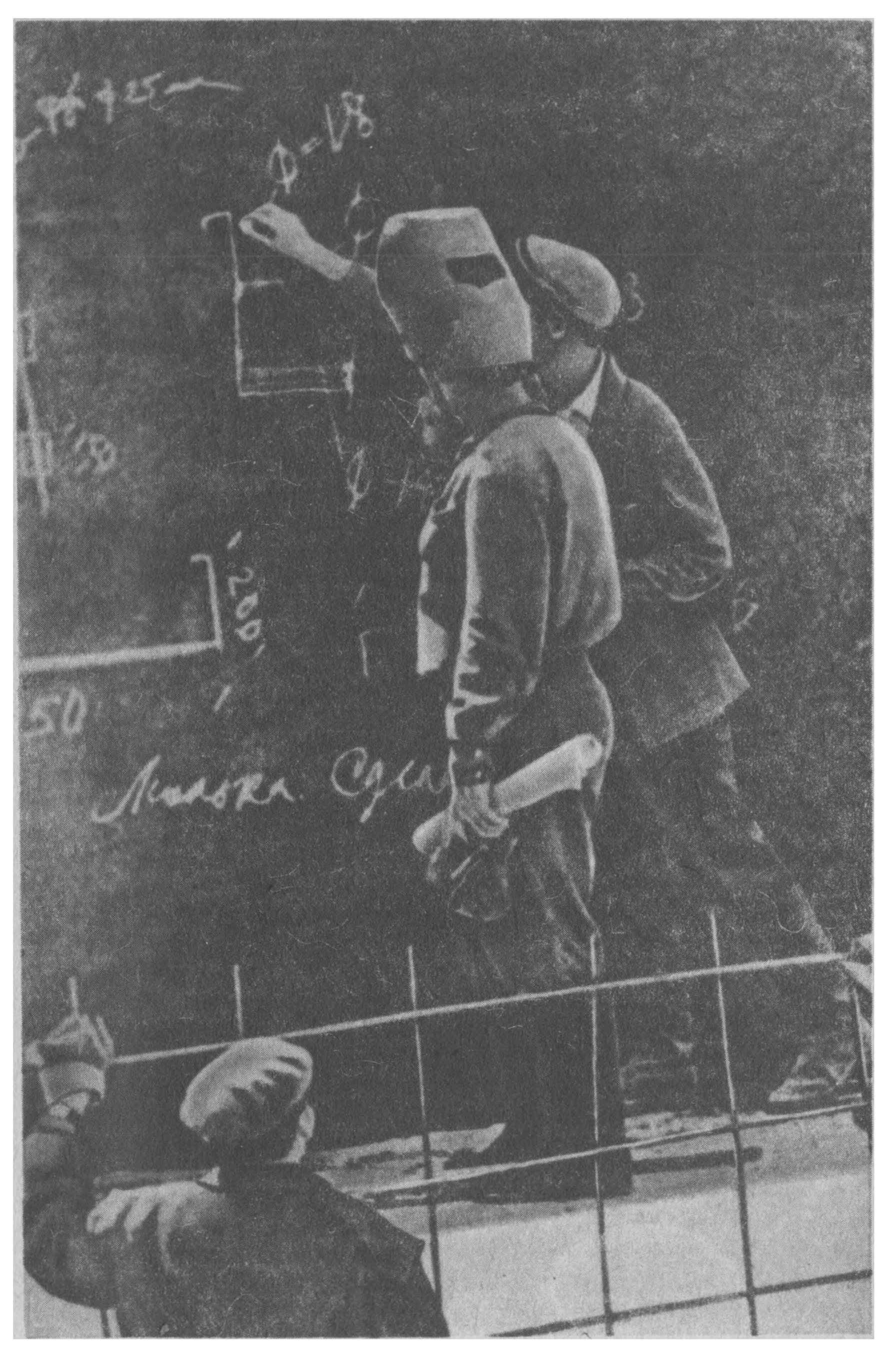
Как видим, проза последних лет обращалась к молодому современнику в рабочей спецовке, показывая его не только в различных сложных или ординарных ситуациях, но прежде всего в момент выбора им своего пути в трудовой коллектив. И многие из названных героев повести о рабочем классе своими высоко-

нравственными поступками доказывали верность традициям отцов и дедов, тем самым внося свою лепту в дело укрепления связи между разными поколениями советских тружеников.

При этом писатели не упускали из виду и людей старшего возраста, которые тоже активно и целеустремленно осуществляли на практике высокий почин наставничества, как то очевидно в судьбе героини романа Риммы Коваленко «Конвейер» (1981) — Татьяны Сергеевны Соловьевой. Она видит цель своей профессиональной рабочей жизни в том, чтобы воспитать в молодых ребятах, пришедших на их завод, в их цех сборки, на конвейер,— не просто чувство ответственности и любви к своему делу, но и сделать их настоящими гражданами своей страны. Как длителен и сложен процесс становления молодого рабочего писательница показывает на примере Лильки Караваевой, деревенской девчонки с неуступчивым характером. Для Татьяны Сергеевны нет ничего дороже в жизни, чем конвейер, чем люди, работающие вместе с ней, чем ребята, пришедшие в цех — Лилька, Марина, Володя Соломин, Соня Климова и другие. Вот почему несколько грубо, но точно определяет собственное понятие «конвейер» Лилька: «Конвейер — это Соловьиха за спиной». Писательница сумела психологически точно воспроизвести душевную обеспокоенность Татьяны Сергеевны, ее материнскую заботу о каждом из ребят, делающих первые самостоятельные шаги в трудовой жизни. Вот отчего она постоянна в своем стремлении помочь советом, делом, поступком каждому, кто нуждается в такой поддержке.

Литература о рабочем классе, о героике труда, о живом и нескончаемом процессе преемственности героических традиций в практике трудовых коллективов целенаправленно и убедительно выходила к выводам о явном разрыве, какой сложился в нашей действительности между общеобразовательной школой и жизнью. Ребята, оканчивающие школу, нередко оказывались перед неразрешимой проблемой: если не в вуз, то куда?

После десятилетки они, как правило, не имели ни специальности, ни представления о собственных склонностях и способностях. И можно, видимо, без натяжки сказать, что, раскрывая отмечаемое несоответствие в живой практике нашего бытия, литература тоже сыграла свою роль в ускорении решения вопроса о реформе общеобразовательной школы. Проект ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы» был вынесен, как известно, на всенародное обсуждение. Апрельский (1984 г.) Пленум ЦК КПСС одобрил основные направления реформы, которые затем были утверждены 1-й сессией Верховного Совета СССР 11-го созыва. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об улучшении трудового воспитания, обучения, профессиональной ориентации школьников и организации их общественно полезного, производительного труда».

Современный рабочий

В нем обращается внимание всех причастных к делу образования и воспитания детей партийных и комсомольских органов, Советов, министерств и ведомств на то, чтобы коренным образом улучшить трудовое воспитание, обучение и профессиональную ориентацию учащихся общеобразовательных школ. Необходимо, говорится в Постановлении, повысить уровень практической и морально-психологической подготовки юных граждан нашей страны к самостоятельной жизни, формированию у них осознанной потребности в труде. При этом необходимо обеспечить тесную взаимосвязь изучения основ наук с непосредственным участием школьников в систематическом, организованном, посильном общественно полезном, производительном труде. Выступая на встрече с избирателями Куйбышевского избирательного округа г. Москвы Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко сказал: «Труд никогда не будет забавой, развлечением, он и при коммунизме останется, говоря словами Маркса, «дьявольски серьезным делом»[1]. Трудиться — трудно, тут уж ничего не попишешь. А у родителей бывает порой искушение от трудностей ребят избавлять. Но ведь только общественно полезный труд придает весомость человеческой жизни! Вот и надо научить детей не тому, что легко,— они сами с этим справятся, а тому, что трудно. Привить школьникам любовь к работе, в полной мере включить в воспитательный процесс силу производительного труда — это и есть одна из важнейших задач воспитания»[2]. Только таким путем можно воспитать в подрастающем поколении увлеченность рабочей профессией, вызвать у ребят сознательную заинтересованность в том, чтобы посвятить свою жизнь трудовой деятельности, стать настоящим кадровым рабочим. Кадровые рабочие — это гвардия рабочего класса. В каждом из тех, кто составляет эту гвардию, словно в кусочке металла, сохраняющем свойства всего металла, проявляются характерные особенности настоящего советского человека-труженника. Об одном из них — сталеваре завода «Серп и молот» В. И. Коптеве — рассказано в газете «Известия». Когда Вячеслава Ивановича Коптева однажды спросили, что ему дал завод, он коротко ответил: «Всё!» «И действительно, завод дал ему всё. И профессию — пусть трудную, но весьма почетную. И образование — он окончил заводскую школу рабочей молодежи. Завод доверил ему заниматься серьёзными государственными делами — он был депутатом Моссовета, сейчас — депутат Верховного Совета РСФСР. Завод дал ему всесоюзную славу — он Герой Социалистического труда. А пришел он на завод, отслужив в Советской Армии, обыкновенным пареньком». Такими они и предстают в начале своего пути — герои современных книг о строителях и шахтерах, наладчиках и водителях. Огромные перспективы жизни открываются перед

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 110.
[2] Черненко К. У. Народ и партия едины. М., 1984, с. 16.

ними в трудовой практике коллективов, где проходят они свои настоящие университеты. Здесь они становятся умельцами-мастерами, а вместе с тем и духовно богатыми личностями. А потому и подлинными героями нашего времени.

Произведения, раскрывающие глубоко и органично героику труда рабочего класса, тяготеют, как правило, к таким конфликтам, которые наиболее полно передают основные закономерности эпохи построения коммунизма. Тем самым литература свидетельствует о своей нерасторжимости с практикой созидания нового общества, с жизнью народа, что получило заслуженную оценку в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии и с удовлетворением было отмечено на VII съезде писателей страны.

Уважение к таланту художника, высокая оценка и признание заслуг советских писателей в создании добротных произведений о рабочем классе предполагают высокую требовательность к литературе и такую же ответственность авторов перед обществом, партией, народом. Словом, одной из актуальных задач литературы остается по-прежнему задача создания героя, который, наследуя все лучшие черты товарищей по классу, единомышленников по борьбе за счастье всего человечества, представал бы социально и нравственно обусловленным типом эпохи НТР, эпохи развитого социализма. Верится, что высокохудожественные произведения, которые, несомненно, будут созданы советскими писателями в ближайшие годы, обогатят открытиями магистральную для советской литературы тему героики труда рабочего класса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бровман Г. А. Труд, герой, литература. Очерки и размышления о русской советской художественной прозе. М., 1978.

Власенко А. Н. Героика созидания. Тема рабочего класса в современной многонациональной советской литературе. М., 1978.

Воронов В. И. И труд наш молод... Социальные и нравственные проблемы изображения труда в литературе для подростков. М., 1976.

Гейдеко В. А. Рабочий класс в современной литературе. М., 1972.

Гоц Г. С. На главном направлении. Образ рабочего в литературе последних лет. М., 1978.

Кузнецов Ф. Ф. За все в ответе. Нравственные искания в современной прозе. М., 1975.

Кузьменко Ю. Б. Советская литература: вчера, сегодня, завтра. М., 1980.

Озеров В. М. Коммунист наших дней в жизни и в литературе. М., 1976.

Селезнев Н. В. Труд как нравственная ценность в русской советской литературе. Кишинев, 1981.

Синельников М. Х. Право отвечать за все. Рабочий человек в советской прозе 70-х годов. М., 1980.

Федь Н. М. Формула созидания. Люди труда в современной литературе. М., 1977.

Шагалов А. А. Вглядываясь в современность. Нравственный поиск современной прозы о рабочем классе. М., 1979.

СОДЕРЖАНИЕ

Тема труда 3
Суровая романтика будней 10
Подвиг созидания 21
«Крохотное зеркальце страны» 31
«Время летело сквозь них...» 38
«Как происходит рабочий человек» 41
«Их счастье и их вера в будущее» 48
На трудовом фронте 55
Свет великой победы 73
«Страничка биографии или жизненная программа?» 78
«Вот наш с тобой портрет» 86
«В маленьком деле увидеть большую мечту» 94
Возвышение человека 101
«Надо идти к людям» 103
«Из чего человек человеком делается» 109
«Нас все учит жить...» 119
Героизм остается в рабочем строю 125
Итоги и начала 138
Список литературы 158

Борис Андреевич Леонов

Героика труда
в русской советской литературе

Редактор **Ведрашко А. В.**

Заведующий редакцией **Г. Н. Усков**

Младший редактор **Миронова Л. Б.**

Оформление художника **Л. М. Чернышева**

Художественный редактор **Н. М. Ременникова**

Технические редакторы **В. Ф. Коскина, Е. С. Юрова**

Корректоры **Г. И. Вольфсон, М. Г. Чернакова**

ИБ № 7304

Сдано в набор 02.12.83 Подписано к печати 26.07.84. Формат 60×90[1]/16. Бумага офсет № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10+форзац 0,25. Усл. кр.-отт. 10,69. Уч.-изд. л. 10,92+форзац 0,43. Тираж 190 000 экз. Заказ № 720 Цена 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.
Смоленский полиграфкомбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Смоленск-20, ул. Смольянинова, 1.

ТРУД—ЭТО НАПИСАНО
НА КРАСНОМ ЗНАМЕНИ РЕВОЛЮЦИИ.
ТРУД—СВЯЩЕННЫЙ ТРУД,
ДАЮЩИЙ ЛЮДЯМ ЖИТЬ,
ВОСПИТЫВАЮЩИЙ УМ,
И ВОЛЮ, И СЕРДЦЕ.

А. БЛОК

СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА
ЛУЧШЕ ВСЕГО, БЛАГОРОДНЕЕ
И СОВЕРШЕННЕЕ ВСЕГО
ВЫРАЖАЕТСЯ ЧЕРЕЗ ЕГО ДЕЯНИЯ,
ЧЕРЕЗ ЕГО ТРУД
И ТВОРЧЕСТВО.

А. ФАДЕЕВ

50 к.

